

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Щитова Дарья Александровна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИДЖА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА *ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА*)**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т. А. Демешкина

Томск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИЗУЧЕНИЯ ИМИДЖА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	15
1.1 Имидж как объект современного гуманитарного знания	15
1.2 Имидж политического деятеля. Имиджевые роли	19
1.3 Имиджеобразующие возможности жанра интервью	24
1.4 Дискурсивно-когнитивные основы	
исследования имиджа в политической коммуникации	27
1.5 Метод полевого анализа:	
возможности лингвистического моделирования имиджа	37
Выводы по главе 1	39
ГЛАВА 2 АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА	
<i>ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА В АСПЕКТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ</i>	
<i>ИМИДЖЕВЫХ РОЛЕЙ</i>	41
2.1 Смысловой объем концепта <i>Вооруженная борьба</i>	
в речи В. В. Путина	41
2.2 Участники вооруженной борьбы	50
2.3 Цели вооруженной борьбы	60
2.4 Действия участников вооруженной борьбы	65
2.5 Средства вооруженной борьбы	77
2.6 Временная характеристика вооруженной борьбы	84
2.7 Пространство вооруженной борьбы	94
2.8 Последствия вооруженной борьбы	101
Выводы по главе 2	107
ГЛАВА 3 ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ	
ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ:	
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	112
3.1 Смысловой объем концепта <i>Вооруженная борьба</i>	

в речи Дж. Буша и А. Меркель	112
3.2 Репрезентация лексико-семантического поля	
«Участники вооруженной борьбы» в речи политических деятелей	116
3.3 Репрезентация лексико-семантического поля	
«Цели вооруженной борьбы» в речи политических деятелей	123
3.4 Репрезентация лексико-семантического поля	
«Действия участников вооруженной борьбы»	
в речи политических деятелей	126
3.5 Репрезентация лексико-семантического поля	
«Средства вооруженной борьбы» в речи политических деятелей	137
3.6 Актуализация пространственной семантики	
в речи политических деятелей	141
3.7 Актуализация временной семантики в речи политических деятелей	143
3.8 Репрезентация лексико-семантического поля	
«Последствия вооруженной борьбы» в речи политических деятелей	145
3.9 Имиджевые роли В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель	149
Выводы по главе 3	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
Список источников и литературы	158

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистической наукой к настоящему моменту накоплен определенный объем знаний, касающихся формирования имиджа, включающих коммуникативные стратегии, тактики, основные принципы воздействия на общество посредством языка и др. Однако разнородность проводимых исследований препятствует созданию универсальной теоретической базы по вопросам имиджа, в то время как образ человека практически во многом складывается на основе его языковой репрезентации.

В данной диссертационной работе исследуется механизм формирования имиджа политических деятелей при помощи языковых средств на материале высказываний, актуализирующих концепт *Вооруженная борьба*. Выбор концепта определяется тем, что вооруженная борьба является одним из проявлений политики.

Феномен вооруженной борьбы в различных его проявлениях (война, терроризм, вооруженный конфликт) представлен в научной литературе в разных аспектах, среди них можно выделить дискурсивный аспект [Амиров, 2012; Эмер, 2010], функциональный аспект [Бородько, 2012], переводческий аспект [Бушев, 2011, 2012]. Широко представлен в лингвистике лингвокультурологический аспект [Венедиктова, 2004; Крячко, 2007; Демидова, 2007; Эмер, 2010], в рамках которого концепт *Война* описан как фольклорный концепт [Эмер, 2010] и как художественный концепт [Демидова, 2007]. В контексте современного информационного пространства и информационно-политических технологий феномен терроризма рассмотрен Г. Г. Почепцовым [Почепцов, 2003].

Вооруженная борьба понимается нами как когнитивная единица – концепт, который включает различные лексико-семантические поля, отражающие участников борьбы, её средства, время, место и т.д.

Актуальность работы связана с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов:

- 1) с междисциплинарным характером исследования;
- 2) с необходимостью развития нового направления языкознания – лингвоимиджелогии – и изучения механизма формирования речевого имиджа и имиджевых ролей;
- 3) с описанием разных дискурсивных практик в имиджевом аспекте (представленное исследование проведено на материале политического дискурса);
- 4) с обращением к концепту *Вооруженная борьба*, являющемуся дискурсообразующим для политической коммуникации;
- 5) с разработкой сопоставительного аспекта в лингвоимиджелогии (имидж исследуется на примере российского, американского и германского политиков);
- 6) с развитием разных видов коммуникации в России, где явление политической коммуникации зародилось недавно. Правила и культура российского политического дискурса находятся на стадии формирования и могут обладать своей спецификой.

Объектом исследования является имидж, формируемый посредством вербализации концепта *Вооруженная борьба*.

Предметом анализа послужили языковые средства формирования имиджа и имиджевых ролей политика.

Гипотеза работы: имидж политика формируется путем вербализации определенных смыслов. Концепт, будучи когнитивной ментальной единицей, и включенные в него лексико-семантические поля являются «хранилищем» этих смыслов. Их реализация в речи политического деятеля способствует созданию его уникального имиджа и имиджевых ролей.

Цель работы состоит в описании механизма формирования имиджа политика на материале концепта *Вооруженная борьба*.

Достижение цели предполагает решение ряда **задач**:

- 1) сформировать теоретико-методологические основания исследования имиджа в политическом дискурсе;

- 2) обосновать возможности жанра интервью как источника исследования лингвистического моделирования имиджа;
- 3) разработать методику анализа имиджа политика;
- 4) описать способ концептуализации вооруженной борьбы в речи политического деятеля;
- 5) выделить имиджевые роли российского политика, которые реализуются в высказываниях, посвященных вооруженной борьбе;
- 6) проанализировать в сопоставительном аспекте языковые средства формирования имиджа политиков, являющихся лидерами разных стран.

Материалом исследования послужили интервью политических деятелей России, США и Германии, а именно В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель, за 2000–2011 гг. Материал включает в себя выступления обзорного характера и интервью на частные темы как отечественным, так и зарубежным средствам массовой информации. Корпусы текстов интервью каждого из политиков являются тематически и адресно равноценными. Объем контекстного материала составляет около 700 высказываний политических деятелей, извлеченных путем сплошной выборки из 100 интервью, составляющих 65 печатных листов. Количество проанализированных словоупотреблений – более 2500.

Единицами анализа являются слова, словосочетания и высказывания, актуализирующие смыслы вооруженной борьбы.

Выбор политических деятелей, на материале речей которых проводилось исследование, связан, в первую очередь, с их ролью в сфере политики. В. В. Путин, Дж. Буш и А. Меркель появились на мировой арене примерно одновременно и на протяжении многих лет определяли политический курс в мире. В настоящее время эти люди являются яркими представителями своей страны, культуры и народа, а также проявляют себя в роли общественных лидеров, имидж которых должен быть продуман до мелочей.

В. В. Путин, Дж. Буш и А. Меркель обладают высоким уровнем общественной популярности и высоким рейтингом. Например, российская компания «Медиадиагностика» составила рейтинг упоминаемости публичных персон в

российских федеральных СМИ за прошедшее десятилетие, лидером которого стал премьер-министр России В. В. Путин [Путин возглавил рейтинг самых упоминаемых персон за прошедшее десятилетие]. Он занял также первое место в опросе «Политик 2010 года» в России. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), политиком года В. В. Путина считают 55% россиян. Примечательно, что его средний балл (9,48) за год существенно вырос (в 2009 г. – 9,30, в 2008 г. – 9,52) [Составлен ТОП-100 российских политиков по итогам 2010 года].

Ангела Меркель четыре года (2006–2009 гг.) обладала титулом самой влиятельной женщины мира, по результатам ежегодного рейтинга, составляемого журналом Forbes [Рейтинг самых влиятельных женщин в мире 2009 года]. Принцип, по которому составляется рейтинг (The World's 100 Most Powerful Women), как уверяют представители Forbes, заключается в следующем: чтобы попасть в список, женщине не обязательно быть состоятельной, однако она должна занимать ведущие позиции и иметь большое влияние в сфере своей деятельности. При этом учитываются частота и характер упоминаний в СМИ, вовлеченность женщин в решение культурных, социальных, экономических, политических, международных вопросов и так далее.

Популярность любого президента США оценивается с помощью так называемого рейтинга доверия – опросов общественного мнения, проводимых независимыми социологическими компаниями. Дж. Буш в период своего президентства достиг как максимального в истории США рейтинга одобрения общественностью – 90% в 2001 г. [Докторов, 2011], так и исторического минимума одобрения – 24% в 2008 г. [Рейтинг Джорджа Буша достиг исторического минимума]. Кроме того, американский политик входит в пятерку лидеров рейтинга упоминаемости публичных персон в российских федеральных СМИ за прошедшее десятилетие [Путин возглавил рейтинг самых упоминаемых персон за прошедшее десятилетие].

Методологическую базу настоящей работы составили труды:

– по имиджологии: В. В. Волкова (2008), М. Н. Шашлов (2001), В. М. Шепель (1997), В. Bruce (1992), Е. Sampson (1996) и др.;

– по вопросам речевого имиджа: О. С. Иссерс (1999), Ю. Н. Караулов (2010), Е. В. Осетрова (2012), Г. Г. Почепцов (1999, 2001, 2003), И. А. Стернин (2001, 2005), А. П. Чудинов (2001, 2003), В. Н. Шашлов (2001) и др.;

– по дискурсологии: Н. Ф. Алефиренко (2012), Н. Д. Арутюнова (1990), А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич (1991), В. И. Карасик (2002), М. А. Кронгауз (2001), М. Л. Макаров (2003), Ю. Е. Прохоров (2004), И. В. Силантьев (2006), Е. И. Шейгал (2000);

– по проблемам определения концепта и аспектов его изучения: А. Вежбицкая (2001), С. Г. Воркачев (2003), Т. А. Демешкина (2002), В. З. Демьянков (1994), Ю. С. Степанов (1995, 1998, 2001), А. П. Чудинов (2001, 2003), Е. И. Шейгал (2000) и др.;

– по полемому анализу: А. В. Бондарко (2002), Е. Г. Которова (2013), З. Д. Попова, И. А. Стернин (2007), Е. А. Юрина (2005), К.-Е. Sommerfeldt (1984).

Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным корпусом материала и применением комплекса традиционных и современных **научных методов и приемов** изучения проблемы.

Основу лингвистического исследования имиджа составляет традиционный метод научного описания, обеспечивающий наиболее полный анализ решаемой проблемы.

Исследование способов концептуализации вооруженной борьбы в политической коммуникации осуществляется методом полевого анализа, который включает приемы контекстуального, компонентного, дефиниционного, количественного анализа.

Имидж политиков, их имиджевые роли представлены при помощи метода когнитивного моделирования, целью которого является, в первую очередь, конструирование ментальной структуры, концептов [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 179]. Эта структура «не зависит от специфики

естественного языка и позволяет аналогичным образом представлять и использовать во всех ментальных процессах информацию, полученную как через язык, так и через перцепцию, независимо от первоначального источника информации» [Залевская, 1985, с. 156]. Инструментом получения знания при когнитивном моделировании становится модель – «создаваемый с целью получения и (или) хранения информации специфический объект <...>, отражающий свойства, характеристики и связи объекта-оригинала произвольной природы, существенные для задачи, решаемой субъектом» [Неуймин, 1984, с. 44]. Мы придерживаемся широкого понимания модели, в соответствии с которым признается принципиальная возможность её использования для исследования «нежестких» систем [Демешкина и др., 2006, с. 8].

Прием сопоставительного анализа позволяет выявить сходства и различия в формировании имиджевых ролей политиков, интервью которых рассматриваются в работе.

Предлагаемые методы и приемы позволяют выявить и изучить механизм лингвистического моделирования имиджа и имиджевых ролей политика и предоставить достоверные знания, которые будут служить основой дальнейших исследований вербального имиджа.

Методика исследования включает комплекс разноплановых исследовательских процедур и носит поэтапный характер.

1. На первом этапе работы предметом анализа является способ концептуализации вооруженной борьбы в речи политика. Приемом сплошной выборки из интервью В. В. Путина, Дж. Буша, А. Меркель формируется корпус текстов, актуализирующих концепт *Вооруженная борьба*.

2. На основе отобранных фрагментов интервью политиков с использованием дефиниционного анализа выделяются слова и словосочетания, именующие явление вооруженной борьбы. Таким образом создаётся корпус репрезентантов концепта *Вооруженная борьба*. Приемом контекстуального анализа выявляются наиболее значимые семантические компоненты, актуализирующие исследуемый концепт.

Для осуществления полного и разностороннего анализа средств вербализации концепта *Вооруженная борьба* в работу вводится метод полевого анализа, включающий приемы контекстуального, компонентного, дефиниционного анализа. По принципу пропозициональной структуры выделяются наиболее часто функционирующие в речи политиков лексико-семантические поля, соотносимые с вооруженной борьбой: 1) *Участники вооруженной борьбы*, 2) *Цель вооруженной борьбы*, 3) *Действия участников вооруженной борьбы*, 4) *Средства вооруженной борьбы*, 5) *Пространство вооруженной борьбы*, 6) *Время вооруженной борьбы*, 7) *Последствия вооруженной борьбы*.

3. На втором этапе работы предметом анализа являются состав и реализация сформированных лексико-семантических полей в политической коммуникации. Приемком компонентного анализа и на основе количественных данных моделируется структура каждого поля, выявляются его ядерные и периферийные элементы.

4. Функционирование компонентов каждого поля исследуется на уровне высказывания (в некоторых случаях – текста), определяются наиболее значимые языковые средства.

5. В ходе анализа лексико-семантического поля выявляются конкретные имиджевые роли, вербализуемые в речи политического деятеля.

6. В результате исследования реализации всех выделенных полей формируется структура имиджа лидеров разных стран, определяются и описываются их имиджевые роли.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) выявлены факторы, влияющие на формирование речевого имиджа политика, и разработаны основы сопоставительного анализа имиджа;
- 2) обоснован метод полевого анализа для изучения имиджа;

3) предложен в качестве дискурсообразующего для политической коммуникации концепт *Вооруженная борьба*, в рамках которого проводится исследование;

4) описаны имиджемоделлирующие возможности концепта;

5) проанализирован имидж лидеров России, США и Германии в сопоставительном аспекте, выявлены их имиджевые роли.

В результате анализа имиджа и имиджевых ролей открываются новые перспективы создания теоретико-методологических оснований моделирования имиджа при помощи языковых средств.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что она вносит вклад в развитие нового научного направления – лингвоимиджелогии, в том числе уточняются понятийный аппарат, методы исследования и др.

В работе: 1) представлен имидж политиков как система имиджевых ролей;

2) уточнены с учетом специфики исследования некоторые понятия (*интервью, имиджевая роль*);

3) обоснована правомерность применения традиционных и современных методов и приемов при исследовании имиджа;

4) предложена модель концепта *Вооруженная борьба*, структурным элементом которого является лексико-семантическое поле.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке научной базы по вопросам вербального имиджа, а также в практике преподавания курсов по лингвострановедению, социологии, политологии, основам лингвистического моделирования имиджа и др. Предложенная методика исследования имиджа, новизна которой заключается в применении метода полевого анализа, может быть использована при изучении имиджа других субъектов и в других типах дискурса.

Настоящая работа может быть полезна специалистам в области межкультурной коммуникации, социологии, лингвистики, политологии, когнитивистики и психологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жанр интервью обладает имиджемоделлирующими возможностями, что обусловлено частотностью его использования в средствах массовой информации, стирающих грань между политиком и аудиторией. В интервью затрагиваются наиболее актуальные вопросы, ответы на которые обнаруживают элементы речевого имиджа политического деятеля.

2. Имидж политика может быть представлен как система имиджевых ролей, выделенных на основе стереотипных общественных представлений. Некоторые роли находятся в отношениях включения и пересечения; также выделяются доминирующие имиджевые роли.

3. На формирование речевого имиджа политика оказывают влияние два вида факторов: факторы, зависящие от особенностей самого политического деятеля (личностные характеристики, общие и частные цели и задачи, социально-физиологические особенности); факторы, формируемые под воздействием требований социума (социальные факторы, целевая аудитория, национальные и государственные особенности и традиции).

4. Дискурсообразующим для политической коммуникации является концепт *Вооруженная борьба*, что обуславливает формирование имиджа политика через обращение к теме вооруженной борьбы, интерес к которой проявляется со стороны общества и средств массовой информации.

5. Концепт *Вооруженная борьба* имеет смешанную структуру. Это концепт фреймового типа, компоненты которого организованы по принципу лексико-семантического поля. В речи политических деятелей полнее всего реализуются следующие лексико-семантические поля концепта, имеющие специфику реализации в политическом дискурсе: 1) *Участники вооруженной борьбы*, 2) *Цель вооруженной борьбы*, 3) *Действия участников вооруженной борьбы*, 4) *Средства вооруженной борьбы*, 5) *Пространство вооруженной борьбы*, 6) *Время вооруженной борьбы*, 7) *Последствия вооруженной борьбы*.

6. Сопоставительный аспект исследования имиджа позволяет выявить специфику имиджевых ролей политического деятеля, проявляющуюся в

использовании определенных языковых средств и в наличии ролей, не свойственных другим политикам.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на межкафедральном научном семинаре филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Основные положения диссертации апробированы на 20 научных конференциях, из которых 7 международных и 13 всероссийских, в том числе на Международной конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (г. Томск, 2009, 2010, 2013), Российском научном семинаре «Варьирование в языке и культура речи» (г. Томск, 2011, 2012), XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (г. Томск, 2011), Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (г. Кемерово, 2012), II Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (г. Красноярск, 2013), I Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (г. Томск, 2014).

Представленное исследование поддержано грантами Российского гуманитарного научного фонда в рамках следующих проектов: «Лингвистическое моделирование имиджевой роли в политическом дискурсе» (2014 г.) и «Миромоделирующие возможности речевых жанров современного городского дискурса» (2014–2015 гг.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, устанавливаются цель, задачи и методика работы, выделяются объект и предмет анализа, определяются новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1** определяются теоретико-методологические основы изучения имиджа в политическом дискурсе, имидж представляется как объект современного гуманитарного знания, содержится обзор основных подходов к изучению имиджа; описываются особенности имиджа политического деятеля, раскрывается понятие имиджевой роли; обосновываются источниковедческие возможности жанра интервью; устанавливаются дискурсивно-когнитивные основы исследования имиджа в политическом дискурсе.

Глава 2 посвящена исследованию концептуализации вооруженной борьбы в имиджевом аспекте на материале политического дискурса (интервью В. В. Путина); концепт *Вооруженная борьба* моделируется методом полевого анализа; исследуются языковые средства, актуализирующие данный концепт, и выявляется их роль в формировании имиджа и имиджевых ролей В. В. Путина.

В **главе 3** представлен сопоставительный аспект исследования лингвистического моделирования имиджа и имиджевых ролей политического деятеля на примере речей В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель.

В **заключении** подводятся общие итоги исследования, намечаются перспективы развития научной темы.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМИДЖА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Имидж как объект современного гуманитарного знания

Имидж является объектом междисциплинарных исследований.

Интерес к проблеме имиджа связан с тем, что он является эффективным средством управления общественным сознанием и способствует достижению целей обладателя имиджа.

Научные изыскания в сфере имиджелогии складывались в рамках психологии и социологии.

Так, в психологии имидж воспринимается как непосредственно или целенаправленно создаваемое впечатление о личности или социальной структуре [Шепель, 2002, с. 8], «мнение рационального характера или эмоционально окрашенное об объекте, возникшее в психике (в сфере сознания или подсознания) определенной группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно или произвольно в результате либо прямого восприятия тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – через восприятие уже оцененного кем-то образа на основе восприятия мнения, сформированного в психике других людей с целью возникновения аттракции – притяжения людей к данному объекту» [Панасюк, 2007, с. 25].

Социологи понимают имидж как «целостный, качественно определенный образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и /или индивидуальном сознании» [Цит. по: Спичева, 2010] или «символическое представление о клиенте у составляющей аудиторию имиджа социальной группы» [Там же].

Теоретические основы формирования и функционирования имиджа, определенные преимущественно в рамках психологии и социологии, исследуются В. М. Шепелем (1997, 2002), Г. Г. Почепцовым (1999),

А. Ю. Панасюком (2007), И. А. Федоровым (1997), Н. В. Ушаковой, А. Ф. Стрижовой (2009) и др.

Выход книги В. М. Шепеля «Имиджелогия. Секреты личного обаяния» (1997) стал переломным моментом в сфере знания об имидже. Его изучение как частная задача в рамках других дисциплин преобразовалось в отдельное направление – имиджелогию. Объектом исследования имиджелогии является «всё пространство социального общения личности и деловых (общественных) структур», а предметом – «имидж как виртуальная (проектируемая) или реальная конструкция, состоящая из разнообразных средств выражения человеческого достоинства» [Шепель, 2002, с. 5].

Г. Г. Почепцов в труде «Имиджелогия» обращается к исследованию различных аспектов имиджелогии (планирование имиджа, особенности различных типов имиджа, корпоративный имидж, влияние на процесс формирования имиджа различных кризисных ситуаций).

Один из разделов имиджелогии посвящен функциям имиджа, среди которых в рамках исследования имиджа политика наиболее значимыми являются следующие функции, выделенные В. М. Шепелем:

- высвечивание лучших личностно-деловых качеств. Данная функция заключается в репрезентации исключительно привлекательных качеств человека;
- затемнение негативных личностных характеристик, недостатков посредством макияжа, дизайна одежды, аксессуаров, причёски и др.;
- организация внимания. Эта функция проявляется в том, что качественно смоделированный имидж привлекает окружающих и способствует более эффективному продвижению идей говорящего [Шепель, 2002, с. 11–12].

Освоение функций имиджа обладателем имиджа или имиджмейкерами определяет степень его эффективности.

Кроме того, одной из частных задач имиджелогии является классификация и типология имиджа по разным основаниям. Так, в зависимости от обладателя имиджа выделяют корпоративный (имидж компании, фирмы, предприятия,

учреждения, политической партии, общественной организации и т.д.) и индивидуальный (имидж политика, бизнесмена, артиста, руководителя, лидера общественного движения и т.п.). Содержание и механизмы формирования этих имиджей различны, но взаимосвязаны [Шепель, 2002, с. 56–57].

С точки зрения объекта восприятия человека, организации и др., можно также говорить об имидже внешнем и внутреннем. Внешний имидж – это представление, формирующееся во внешней, окружающей среде (в сознании ее клиентов, потребителей, конкурентов, органов власти, СМИ, общественности). Внутренний имидж – представление индивида или организации о своем же имидже [Там же].

По цели формирования оценочных эмоций имидж подразделяется на два типа:

- позитивный (формирование положительных эмоций);
- негативный (формирование отрицательных эмоций) [Там же, с. 257].

Кроме того, имидж, как и саму имиджологию, можно классифицировать в аспекте профессиональной деятельности: предпринимательский, политический, педагогический, медицинский, средств массовой информации, банковский, сервисный, право-силовых структур, дипломатический и др. В качестве особого класса также выделяется управленческая имиджология [Там же, с. 11].

Особый интерес со стороны исследователей к важному фактору создания имиджа – речи – привел к формированию отдельного направления в языкознании – лингвоимиджологии, предметом изучения которой являются языковые механизмы создания имиджа. Данная отрасль, а также ее терминологический аппарат и понятийная база находятся на этапе становления.

Определение понятия *имидж* является центральной проблемой лингвоимиджологии. Одна из первых попыток определения термина *имидж* в лингвистике была предпринята Е. С. Кубряковой в работе «К определению понятия имидж», где автор рекомендует трактовать понятие имидж как «совокупность ярких характерных концентрированных знаков, символов, представлений, закрепленных в ментальной структуре сознания. На языковом

уровне они реализуются в виде оценки, категоризации, анализа происходящего, посредством которых люди описывают объект, запоминают его и начинают относиться к нему (и действовать) определенным образом [Кубрякова, 2008, с. 5–11].

Вслед за Т. В. Матвеевой мы понимаем имидж как «образ лица, организации, вещи, осознанно создаваемый с целью достижения социального успеха, влияния в обществе», выстраиваемый «с позиций психологического воздействия» [Полный словарь лингвистических терминов, 2010, с. 124]. Имидж формируется, в частности, речью человека: «соответствием применяемых им языковых средств, приемов, речевого поведения в целом той общей идее», которая выражает задуманный образ (рачительного хозяина, интеллектуала, патриота, человека с твердой рукой, защитника слабых и т.д.) [Там же].

Анализ имиджа с точки зрения лингвистики представлен в работах О. С. Иссерс (1999), Е. В. Осетровой (2012), В. Н. Базылева (2000), Т. Н. Дорожкиной (1997), И. А. Стернина (2001, 2005), О. В. Булгаковой (2009, 2011, 2012), Л. В. Минаевой (2001, 2002), М. В. Катинской (2012), Г. М. Крутовой, Т. А. Присяжнюк (2010) и др. Дискурсивный подход к исследованию имиджа продемонстрирован в трудах К. В. Киуру (2005), А. Г. Блудовой (2005). Работы К. В. Киуру посвящены исследованию феномена политического лидерства, в частности разработке дискурс-типов политических лидеров, описывающих и формирующих самого политика, его кортеж и аудиторию. В ряде работ А. Г. Блудовой представлен дискурс-анализ имиджевых характеристик политика в PR-тексте.

В рамках лингвокогнитивного подхода выполнены труды О. А. Пономаревой (2008), анализирующей лингвокогнитивные и лингвокультурные механизмы воздействия политического имиджа, в том числе фреймовые трансформации и метафорические модели, а также труды И. А. Сушненко (2009), в которых предпринята попытка разработки универсальной методики анализа регионального имиджа, основанной на

методах когнитивной лингвистики, и представлены лингвокогнитивные механизмы репрезентации имиджа региона.

Ряд исследователей занимается разработкой определенных аспектов моделирования имиджа. Например, стратегии и тактики формирования имиджа изучаются О. С. Иссерс (1999), О. В. Булгаковой (2009, 2011, 2012); оценка как языковое средство создания имиджа – М. В. Мухиной (2013), Ю. Г. Лозовским (2009).

В представленной работе анализируется индивидуальный имидж, а именно внешний имидж политика, который в аспекте профессиональной деятельности может быть также назван политическим имиджем.

Как было отмечено, по цели формирования оценочных эмоций имидж подразделяется на позитивный и негативный. В большинстве случаев политические деятели стремятся к созданию положительного образа, однако моделирование негативного имиджа также имеет место быть. Оценочная характеристика имиджа политиков, чьи речи анализируются в работе, представлена в результатах исследования.

1.2 Имидж политического деятеля. Имиджевые роли

Проблематика имиджа, рассматриваемая в аспекте политики, тесно связана с исследованием политической коммуникации, основная функция которой – борьба за власть. Политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и т.д.) [Чудинов, 2003, с. 11].

В связи с необходимостью достижения политических целей и задач представители современного политического дискурса демонстрируют такую особенность процесса общения, как персонификация личности, которая определяется как *рост индивидуальной неповторимости, непохожести человека на других людей* [Стернин, 2001, с. 31]. Это также связано с социально-

психологическими изменениями в обществе, вызванными влиянием научно-технического прогресса, научно-технической революции. Каждый политический деятель стремится к созданию уникального имиджа.

С точки зрения психологии имидж политических лидеров можно охарактеризовать как «эмоционально окрашенный психический образ – представление, имеющее характер стереотипа, наделяющий объект путем ассоциаций дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими и т.д.), необязательно имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [Шашлов, 2001, с. 84–85].

Политический имидж включает в себя характеристики, которые часто лежат за пределами душевной сущности личности [Шепель, 2002, с. 9]. В этой сфере человеческой деятельности свои секреты, правила общения с людьми и оказания на них целевого воздействия.

В основе имиджа политического лидера лежит формальная *система ролей*, которые человек играет в своей жизни, дополняющаяся особенностями, чертами характера, внешними данными, одеждой и прочим. Однако попытки «склеить имидж из разрозненных осколков», собрать мозаичную картинку из прически, личностных черт, профессионального опыта и многого другого обречены на неуспех. Имидж, построенный таким способом, никогда не будет целостным, органичным. Другими словами, образ лидера – это публичная сторона его личности, обращенная непосредственно к избирателям [Шашлов, 2001, с. 87–88]. Имидж выступает в роли связующего звена между политиком и его аудиторией. Он служит отражением как интересов общественности, так и интересов политика при принятии тех или иных решений на уровне государства.

Другой особенностью современной коммуникации, наряду с персонификацией личности, является стереотипизация. Стереотипы необходимы для мышления, восприятия и понимания действительности.

Обращаясь к стереотипам, политик создает представление о действительности с позиции «наивного» сознания, которое служит основой

формирования его имиджа и имиджевых ролей. По аналогии с определением коммуникативной роли, предложенным И. А. Стерниным [Стернин, 2001, с. 40], мы даем определение термину **имиджевая роль** – *типовая модель поведения, принятая в социуме для определенных стандартных ситуаций, отражающая общественные стереотипические представления.*

Согласно традиции, принятой в психологии, имиджевым ролям присваиваются так называемые «ярлыки».

В качестве «ярлыка» имиджевой роли выступает слово или словосочетание, воплощающее в себе стереотипные, базовые, наиболее значимые качественные характеристики, приписываемые политическому деятелю: *Патриот, Вождь, Сильная рука* и т.д. [Иссерс, 1999, с. 198–202], однако говорящий может также реализовывать дополнительные роли, делающие его имидж уникальным. В основе каждой роли лежит определенный семантический компонент, который проявляется во всех высказываниях, актуализирующих данную роль.

Разновидности имиджевых ролей и варианты их комбинирования не ограничены, поэтому наряду с наиболее распространёнными ролями (например, «патриот») каждый политик пытается выстроить уникальный имидж, подчеркивая свои «сильные стороны», и на их основе принимать ту или иную роль. Каждая имиджевая роль выполняет тактическую задачу придания имиджу объемности, построения достоверной модели личности, поскольку одна роль не обеспечивает восприятия личности как реальной [Иссерс, 1999, с. 198–202].

Можно выделить ряд факторов, участвующих в моделировании имиджевых ролей политического деятеля. Они представляют собой разного рода экстралингвистические ограничения, которые проявляются в особенностях речи политика. На основании того, от кого / чего исходят эти ограничения, выделим две группы факторов: 1) факторы, зависящие от особенностей самого политического деятеля; 2) факторы, формируемые под воздействием требований социума [Щитова, 2012г, с. 238–242].

I. К первой группе относятся факторы, в соответствии с которыми политик должен ориентироваться на особенности своей личности.

1. Личностные характеристики политика: морально-этические характеристики, менталитет, интеллект, мировоззрение, система ценностей, особенности характера, деловые качества, политические взгляды и т.д.

Вербальный имидж политика должен опираться на реальные черты, присущие ему, совпадать с его персональным восприятием окружающего мира. В противном случае имидж будет конфликтовать с «внутренним Я» политика, требовать повышенного внимания со стороны обладателя имиджа и препятствовать достижению целей.

Примерами имиджевых ролей, детерминируемых личностными особенностями обладателя имиджа, являются роли *Отличный семьянин*, *Мудрец*, *Патриот*, *Человек дела*, *Простой человек* и т.д.

2. Общие и частные цели и задачи, которые преследует политик. Эксплицитно или имплицитно выражая свои намерения или реализуя их, политические деятели моделируют такие роли, как *Патриот*, *Вождь*, *Борец за справедливость*.

3. Социально-физиологические особенности: гендерная принадлежность политика, его возраст, особенности речевого аппарата и голоса. Примеры имиджевых ролей, основанных на социо-физиологических особенностях политика – *Молодой политик*, *Женщина-политик* и др.

II. Ко второй группе относятся факторы, формируемые под воздействием требований социума, под влиянием каких-либо социальных институтов.

1. Социальные факторы: статус, должность, обязанности политического деятеля, которые во многом определяют его цели и задачи, а также требуют соответствия определенным правилам и стандартам общения. Чем существенней воздействие перечисленных параметров, тем критичней оценивается речевое поведение политика.

Имиджевыми ролями, определяемыми социальными факторами, могут быть роли *Вождь*, *Сильная рука*, *Человек дела*.

2. Целевая аудитория. Важным качеством политического деятеля является умение общаться с разными типами адресатов: коллегами, партнерами, публикой. Это самый подвижный фактор, определяющий успешность и степень эффективности речевого имиджа политика. Общественные движения, взгляды, стереотипы и ожидания являются, с одной стороны, мощной движущей силой, с другой стороны, объективной оценкой деятельности политика.

Имиджевые роли, направленные на целевую аудиторию, – *Слуга народа, Простой человек.*

3. Национальные и государственные особенности и традиции. Характерной чертой политического процесса в современной России, например, является повышение значимости имиджа политических деятелей, в частности речевого, это объясняется высокой степенью персонификации политики [Мякотина, 2008]. Многие ученые относят Россию к странам лидерского типа. Так, у политических деятелей появилась почва для соперничества, требующего подтверждения уникальности, силы личности, создания привлекательного имиджа.

Национальные и государственные особенности и традиции реализуются в понятийной основе речевого имиджа политиков. Так, в российской политической коммуникации не принято затрагивать темы религии, семьи и другие вопросы личного характера, в отличие от американского политического дискурса, в котором отношение политика к семье, близким людям и его религиозные взгляды играют важную роль.

Имиджевые роли, отвечающие национальным и государственным особенностям и традициям – *Монарх, Патриот.*

Выделенные факторы формирования успешного вербального имиджа политического деятеля и его имиджевые роли находятся в тесной связи друг с другом. Роли, выбранные обладателем имиджа, должны быть тщательно скомбинированы, чтобы отдельные составляющие имиджа не конфликтовали между собой, а дополняли друг друга и приносили желаемые результаты. Более

того, при изменении хотя бы одного из элементов должен измениться и весь имидж.

Роли, составляющие имидж личности, могут пересекаться. Так, имиджевая роль *Патриот*, представленная О. С. Иссерс наиболее популярной для имиджа политических деятелей, может включать роли *Защитник* и *Слуга народа*.

Определение всех ролей, входящих в структуру имиджа политических деятелей, на материале речей которых выполнена работа, не входит в задачи данного исследования, однако некоторые контексты будут комментироваться с позиции реализации той или иной роли в качестве примеров.

Имиджевые роли, как и имидж в целом, формируются при помощи разнообразных средств: особых тактик, стратегий, а также благодаря использованию каналов средств массовой информации. СМИ стирают дистанцию между политиком и адресатом. Более того, они часто выступают в качестве единственного информационного канала, формирующего политический имидж. Одной из основных форм реализации массмедийного дискурса являются интервью, поэтому мы выделяем их как отдельный способ создания имиджа политика и берем в качестве материала для исследования.

В исследовании имиджевые роли политического деятеля выявляются нами на основе доминирующих семантических компонентов, реализующихся в высказываниях. С учетом выявленных компонентов подбираются «ярлыки» ролей, наиболее полно отражающие содержание роли и определенным образом характеризующие политика.

1.3 Имиджеобразующие возможности жанра интервью

Интервью – это сложное явление, существующее в современном информационном мире и представляющее собой одну из форм массмедиального дискурса.

Массмедиаальный дискурс представляет собой «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2003, с. 132]. Массмедиаальный дискурс носит опосредованный характер, поскольку между адресантом и адресатом есть дистанция – пространственная и / или временная. В то же время данный тип дискурса сокращает эту дистанцию благодаря внедрению средств массовой информации в общественную жизнь.

Интервью является одним из самых распространенных жанров журналистики. Это связано с частотой использования данного жанра и с техникой его исполнения. С одной стороны, в современном мире поток информации, получаемый людьми, быстр и значителен, и современная журналистика направлена в большей степени на передачу информации, нежели на ее глубокий анализ. С другой стороны, интервью отличается активностью, простотой, оперативностью и актуальностью, которые привлекают внимание широкой аудитории.

Кроме того, жанр интервью многофункционален: удачно выполненное и подготовленное интервью может обладать большим имиджеформирующим потенциалом, чем рекламная или информационная статья. В связи с этим в качестве отдельного вида интервью выделяется рекламное интервью – «жанр имиджевой рекламы, рассказывающий об объекте рекламирования в форме вопросов и ответов» [Ученова, Гринберг, 2004, с. 228]. Такое интервью может быть посвящено товару, организации, человеку и служить эффективным способом создания имиджа. Особую значимость самопрезентация приобретает, когда речь идет о выдающихся деятелях и знаменитостях. Аудитория черпает информацию о них из других источников, транслирующих их имидж, а не реальные черты. Одним из таких источников являются различные интервью на

радио, телевидении, печати и в Интернете, располагающие читателя / зрителя / слушателя к доверительному разговору.

В данном исследовании **интервью** классифицируется как *многофункциональный жанр журналистики, представляющий собой разговор, беседу интервьюера с одной или несколькими социально значимыми личностями на актуальные темы, служащий одним из способов создания имиджа.*

С его помощью реализуются различные влияющие на создание имиджа способы речевого поведения человека и его воздействия на аудиторию: средства и способы аргументации, стилистические отступления, средства выразительности, экспликация определенных концептов, особенности синтаксиса речи говорящего и др. Журналист, обрабатывая материал интервью, также может влиять на формируемый имидж интервьюируемого. Следовательно, имидж личности и содержание интервью взаимосвязаны и взаимозависимы.

Жанр интервью практикует различные формы организации, методы репрезентации [Сыченков, 2000, с. 108–114], степень стандартизации (формализованные и неформализованные) и может быть использован для моделирования имиджа субъектов разного рода (конкретных лиц, организаций и т.д.). Например, созданию имиджа политиков способствуют интервью-диалоги и интервью-полилоги разной степени стандартизации, информация о которой часто остается неизвестной, а возможно, и неважной адресату. Опираясь на классификацию интервью по цели [Лукина, 2003], следует выделить интервью-портреты, в которых внимание направлено исключительно на личность интервьюируемого. Интервью, проведенные на пресс-конференциях или брифингах, также влияют на восприятие аудиторией политических деятелей.

Одна из основных целей политического интервью – «найти аргументы, чтобы убедить избирателей выбрать того или иного политика, “продать” политическую идею» – может достигаться прямолинейно (при помощи похвалы) и имплицитно («создается привлекательный, нестандартный образ человека, который служит воплощением той или иной политической идеи»)

[Ученова, Гринберг, 2004, с. 74]. Подобного рода политическая коммуникация «рассчитана на людей неглупых, критически настроенных, способных оценить силу аргументов, предлагаемых в материале» [Там же, с. 76].

Таким образом, в качестве особенности жанра интервью выделим его многофункциональность. Одной из важных функций интервью является то, что оно выступает как эффективный способ формирования имиджа разных представителей общества или организаций, а также как достоверный источник для исследования особенностей их речевого поведения, имиджевых ролей, структуры имиджа и средств его создания.

Речевое проявление имиджевых ролей политического деятеля рассматривается на материале различных видов интервью: интервью-диалогов, интервью-полилогов, индивидуальных, групповых и массовых интервью, материалов с пресс-конференций.

Поскольку интервью содержат вопросы, актуальные в современном мире, ответы на них участвуют в создании имиджа политика. Объем материала, собранного для проведения данного исследования, подтверждает значимость темы вооруженной борьбы, интерес к ней со стороны СМИ и общества.

1.4 Дискурсивно-когнитивные основы исследования имиджа в политической коммуникации

Одним из основных терминов в современной лингвистике и ряде других гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка (литературоведение, семиотика, социология, философия, этнология и антропология и др.), является *дискурс*.

В современных исследованиях под дискурсом понимают речь в любых ее проявлениях (устная / письменная, динамическая / статическая) в совокупности с экстралингвистическими факторами ее существования (Макаров, 2003; Арутюнова, 1990; Алефиренко, 2012; Кронгауз, 2001; Силантьев, 2006; Прохоров, 2004; Полный словарь лингвистических терминов, 2010). Это

«связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими формами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмом их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, с. 136].

При изучении дискурса исследовательский интерес представляет проблема его описания и типологизации.

В связи с многогранностью термина «дискурс» в настоящее время существует ряд типологий дискурсов, предложенных исследователями разных областей знания и их направлений.

В основу типологий дискурса положен когнитивно-интерпретируемый уровень, тезаурусный уровень, а также более или менее устоявшаяся позиционно-ролевая структура, набор характерных типов деятельности (в соответствии с целями и предметом общения), уровень формальности, конвенциональности и ритуальности, кооперации и конфликта, единства и расхождения установок, пространственно-временной локализации, норм и порядка взаимодействия [Кашпур, 2011, с. 16]. Достаточно часто исследователи типологизируют дискурс по степени формализованности общения, а также по форме (устная или письменная) существования дискурса [Карасик, 2002; Макаров, 2003]. Каждый тип дискурса отличается набором установок и требований, реализуемых в определенной социальной сфере.

И. В. Силантьев утверждает, что общая типология дискурсов может быть только многомерной и многосекторной. «Невозможно построить общую и исчерпывающую классификацию дискурсов – она неизбежно будет логически противоречивой. А всякая непротиворечивая классификация дискурсов, соответственно, будет заведомо неполной. Неполных классификаций много (поскольку существует множество классификационных оснований)», однако они могут дополнять друг друга [Силантьев, 2006, с. 205].

Остановимся на типологии, разработанной В. И. Карасиком и охватывающей наиболее значимые особенности различных видов дискурса.

В рамках социолингвистического подхода дискурс трактуется как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002, с. 282]. Выделяются два типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В первом случае говорящий выступает как личность, а во втором – как представитель определенного социального института.

Персональный дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытовым (обиходным) и бытийным дискурсом. Особенность бытового дискурса состоит в стремлении «сжать передаваемую информацию»: когда люди понимают друг друга с полуслова, значение имеет лишь оценочно-модальная эмоциональная оценка происходящего. Бытийный дискурс предназначен для передачи, нахождения и переживания существенных смыслов, художественного и философского постижения мира [Карасик, 2002, с. 240].

Статусно-ориентированный дискурс – «институциональное общение, речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [Там же, с. 280].

Исследуемая проблематика находится на пересечении различных видов дискурса, а именно политического и массмедийного. В понимании В. И. Карасика, это институциональные (статусно-ориентированные) виды дискурса. Они строятся по определенному шаблону, но степень трафаретности может быть различной. И политический, и массмедийный дискурсы являются отражением всех процессов, происходящих в обществе, этим объясняется актуальность их исследования.

Отличие политического дискурса от других видов институциональных дискурсов заключается, во-первых, в том, что адресат в политической коммуникации, как правило, массовый, реже групповой, и еще реже – индивидуальный, тогда как в многочисленных профессионально-

организационных сферах адресат преимущественно индивидуальный, реже групповой и никогда – массовый [Шейгал, 2000, с. 57–91].

Во-вторых, в отличие от таких социальных институтов, где типичной является коммуникация между отдельным гражданином и представителем института, которая носит двунаправленный, хотя и не равностатусный характер, в политическом дискурсе, наоборот, гражданин как личность, как отдельный член общества, вступает в коммуникацию с институтом достаточно редко [Там же].

Массмедийный дискурс проявляется благодаря включению в процесс коммуникации политика с обществом средств массовой информации: журналистов, определенных способов представления информации и т.д. Для обозначения такого особого сочетания дискурсов некоторые исследователи пользуются термином «политический медиа-дискурс» (например, С. В. Иванова [Иванова, 2008], Е. В. Ишменев [Ишменев, 2012] и др.). Однако мы разграничиваем данные типы дискурсов, и наиболее значимой в рамках исследования нам представляется роль политического дискурса, законам которого в большей степени подчиняется политическая коммуникация. Масс-медиа же будет рассматриваться как фактор, значимый для функционирования политического дискурса [Шейгал, 2000, с. 57–91].

При узком подходе, ограничивающемся лишь институциональными формами общения, политический дискурс трактуется как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом...» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6].

Мы рассматриваем **политический дискурс** в широком смысле: *любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики* [Шейгал, 2000, с. 34].

Базовой функцией политического дискурса является *инструментальная* функция – борьба за власть; актуальны также *регулятивная, референтная и магическая* функции [Там же, с. 57–91].

Политический дискурс обладает всеми признаками институционального дискурса, выделенными В. И. Карасиком: 1) конститутивные признаки дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения, т.е. люди в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных ролях, сфера общения и коммуникативная среда, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения, а также стержень общения – тексты и / или невербальные знаки); 2) признаки институциональности (ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише). Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального; 3) признаки типа институционального дискурса (тип общественного института, который в коллективном сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института): для политического дискурса это власть; 4) нейтральные признаки (общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения) [Карасик, 2000, с. 56].

Особая роль фактора масс-медиа отражает другую характеристику политического дискурса – пересечение с другими типами дискурса, в том числе массмедийным.

Влияние СМИ на политический дискурс отражается на его структуре. С точки зрения жанрового состава политический дискурс имеет полевое строение. Центральными жанрами являются те, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть (парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование). В периферийных жанрах происходит наложение характеристик разных видов дискурса, в особенности политического и массмедийного дискурсов. Одним из таких жанров является *интервью с политиком* [Шейгал, 2000, с. 37].

На сегодняшний день выделяются различные подходы к исследованию политического дискурса, одним из которых является когнитивный подход (Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), в соответствии с которым

речевая деятельность воспринимается как отражение существующей в сознании людей картины мира, как материал для изучения национальной, социумной и индивидуальной ментальности [Будаев, Чудинов, 2006]. В рамках данного подхода осуществляется анализ концептов политического дискурса [Шейгал, 2000, с. 11].

Представленный обзор демонстрирует многообразие определений, аспектов исследования политического дискурса и подходов к нему.

Основу исследования составляет сочетание когнитивного и функционального подходов к анализу политического дискурса.

Наряду с многочисленными системообразующими признаками политического дискурса, значимым признаком является особая роль фактора масс-медиа.

Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением [Шейгал, 2000, с. 127]. Массовая информация стала особой средой существования политического дискурса, язык которого в силу ориентации политического общения на массового адресата постепенно лишается специфичности, свойственной любому профессиональному языку.

Работа СМИ также вносит значительный вклад в моделирование имиджа политических деятелей – объекта нашего исследования. Вследствие этого в качестве материала для анализа лингвистического моделирования имиджа политических деятелей выступают их интервью, которые с точки зрения жанрового состава входят в структуру политического дискурса и отражают смежность политического и массмедийного дискурсов.

Когнитивный подход, как и наука в целом, интердисциплинарен: он объединяет разные научные направления: когнитивную психологию, культурную антропологию, моделирование искусственного интеллекта, философию, нейронауки, лингвистику и др.

Более того, в когнитивной лингвистике внимание исследователей переключается на выявление роли языка как условия и орудия познания.

Именно язык позволяет получить актуальное представление о человеческом сознании и разуме [Маслова, 2004, с. 14].

Инструментом оперирования в когнитивной лингвистике становятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т.д. [Маслова, 2004, с. 13].

В данной работе в качестве значимого способа моделирования имиджа и имиджевых ролей политиков, анализ которых входит в задачи исследования, представлена вербализация концепта.

С. А. Аскольдов-Алексеев, первый из русских ученых, в 1928 г. обратившихся к изучению феномена концепта, определил его как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев, 1997, с. 267].

На сегодняшний день существует множество определений термина *концепт*. Многие исследователи рассматривают его в неразрывной связи с культурой. Так, А. Вежбицкая дает такое определение концепта: «Объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий культурно обусловленное представление человека о мире “Действительность” [Вежбицкая, 2001, с. 23]. В понимании Ю. С. Степанова концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42–43].

Большинство исследователей признают концепт единицей ментальности. Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 90–92].

Мы понимаем **концепт** как *единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира* [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 90]. Концепт «включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [Степанов, 2007, с. 20].

Наше исследование направлено «от языка к сознанию»: лексическая и грамматическая семантика рассматриваются как средство моделирования концепта. В работе показано варьирование индивидуального когнитивного пространства политических деятелей (В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель). Речь идет о варьировании в широком смысле, представляющем собой не только процесс изменения языковых единиц, но и разные способы реализации одной семантической сущности; «узел взаимоотношений между разными сторонами, ярусами языка: с одной стороны, между субстанциональной и семантической, с другой – между фонетической, грамматической, словообразовательной и лексической» [Богословская, 2005. С. 3–4]. Так, индивидуальные концепты, реализованные в высказываниях политиков, отличаются содержательно: наряду с интегральными признаками, актуализируются различные дифференцирующие концептуальные признаки.

Вопрос о типологии концептов – один из первых теоретических вопросов, поставленных когнитивной лингвистикой в процессе ее становления и рассматриваемых многими исследователями (Бабушкин, 1996; Болдырев, 2001; Воркачев, 2002; Залевская, 2001; Пименова, 2004; Попова, Стернин, 2001 и др.).

В контексте представленного исследования мы опираемся на типологию концептов по типам дискурса [Воркачев, 2002, с. 3], а также по структуре концепта.

Существует несколько точек зрения на характеристику структуры концепта: с точки зрения организации концепт может иметь послойную, полевую или смешанную структуру [Васильев, 2008, с. 32].

В работе концепт *Вооруженная борьба* рассматривается как образование, имеющее смешанную структуру.

С одной стороны, *Вооруженная борьба* – это концепт фреймового типа. Многие исследователи трактуют фрейм как род сложного концепта [Болдырев, 2001; Соколова, 2007; Никитин, 2004 и др.]: как «когнитивную модель, передающую знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев, 2004, с. 29], «структуру данных для представления стереотипных ситуаций» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 187].

Фрейм *Вооруженная борьба* рассмотрен как пропозициональная структура: «все внешние события, объекты, явления и другое воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, то есть в их связях. Эти связи и отношения имеют место между разными сущностями, а представления о связях или отношениях между объектами формируются наряду с представлениями о самих объектах и порождают особый тип репрезентации знаний – пропозициональный» [Цит. по: Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 137].

Так, фреймовая организация концепта *Вооруженная борьба* может быть схематически изображена следующим образом (рис. 1):

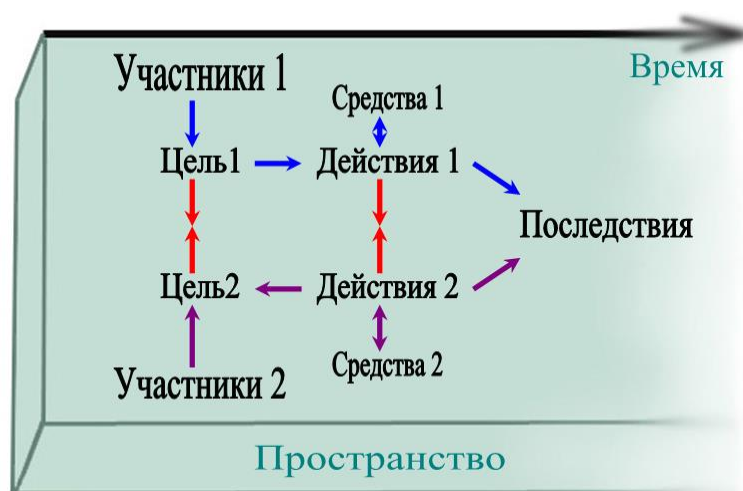

Рис. 1. Схема концепта «Вооруженная борьба»,
 где Участники 1 и Участники 2 – это противоборствующие стороны;
 Цель 1, Действия 1 и Средства 1 характеризуют сторону Участников 1;
 Цель 2, Действия 2 и Средства 2 – сторону Участников 2

С другой стороны, структуру исследуемого концепта можно назвать смешанной на основании того, что его компоненты находятся в определенных отношениях и организованы по принципу лексико-семантического поля. Так, в работе дан анализ следующих лексико-семантических полей и особенностей их актуализации:

1) *Участники вооруженной борьбы*, 2) *Цель вооруженной борьбы*, 3) *Действия участников вооруженной борьбы*, 4) *Средства вооруженной борьбы*, 5) *Пространство вооруженной борьбы*, 6) *Время вооруженной борьбы*, 7) *Последствия вооруженной борьбы*.

Итак, в предлагаемой работе лингвистическое моделирование имиджа исследуется в рамках одного из институциональных типов дискурса – политического дискурса.

Наряду с многочисленными системообразующими признаками политического дискурса, необходимо учитывать *особую роль фактора масс-медиа*, так как представленная работа выполнена на материале периферийного жанра политического дискурса – жанра интервью, находящегося на пересечении политического и массмедийного дискурсов.

Если рассматривать концепт *Вооруженная борьба* с позиции принадлежности к определенному типу дискурса, то в рамках данной работы это политический концепт (актуализируются в политическом дискурсе), реализующийся в речи политических деятелей, моделирующий их имидж и определяющий их восприятие аудиторией.

Концепт рассматривается как образование, имеющее смешанную структуру: компоненты фрейма *Вооруженная борьба* организованы по признаку лексико-семантического поля.

1.5 Метод полевого анализа:

возможности лингвистического моделирования имиджа

Многие исследователи обращаются в своих работах к термину *поле* [Шмелев, 1973; Новиков 1982; Кузнецова, 1989; Кронгауз, 2001; Арнольд, 1984; Стернин, 2001; Чудинов, 2003; Юрина, 2005; Бородько, 2012 и мн. др.]. Выделяются различные типы полей: парадигматическое, синтаксическое, морфосемантическое [Щур, 1974], функционально-семантическое (А. В. Бондарко), ассоциативно-образное (Е. А. Юрина), коммуникативно-прагматическое (Е. Г. Которова) и др. В настоящем диссертационном исследовании анализируются лексико-семантические поля, организующие концепт *Вооруженная борьба*.

Лексико-семантическое поле – *множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению* [Арнольд, 1984, с. 251]. Поле объединяет слова независимо от частеречного значения.

Лексические единицы включаются в поле на основе определенного интегрального признака – «смысл, общий для всех слов данного поля» [Кронгауз, 2001, с. 159].

Необходимо подчеркнуть наиболее важные для нашего описания свойства системы лексико-семантических полей.

В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархически организованные объединения: поля подразделяются на микрополя (подполя), внутри этих подполей могут выделяться лексико-семантические группы, далее подгруппы, отдельные парадигмы и т.п. Такие отношения (гипо-гиперонимические отношения включения) отражают различные уровни логической абстракции [Шмелев, 1973; Новиков, 1982; Кузнецова, 1989, Чудинов, 2003].

Исследователи лексико-семантических полей неоднократно отмечали пересекаемость указанных полей [Чудинов, 2003; Кронгауз, 2001 и др.], а также

подполей и групп в их составе: между смежными лексико-семантическими объединениями крайне сложно выделить отчетливую границу, очень часто обнаруживаются компоненты, которые по тем или иным основаниям можно отнести сразу к двум смежным полям или элементам поля.

Построение поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки.

Структура поля может быть описана в терминах ядра и периферии [Шмелев, 1973; Кузнецова, 1989; Стернин, 2001; Чудинов, 2003]. Ядро и периферия отличаются по следующим признакам: 1) специфичность признаков (максимальная концентрация специфических признаков свойственна ядру, менее специфичные признаки – периферии); 2) функциональная нагрузка (максимальная для ядра и меньшая для периферии); 3) реализация (наибольший набор языковых средств служит для реализации ядерной зоны, менее многочисленный – для реализации периферии); 4) степень проявления / употребляемости (высшая для ядра и более низкая для периферии) [Sommerfeldt, 1984, с. 23].

Статус лексико-семантического поля в ходе представленной работы меняется.

На первом этапе предметом исследования является способ концептуализации вооруженной борьбы в политической коммуникации, описанный методом полевого анализа, включающим приемы контекстуального, компонентного, дефиниционного анализа. Выявляются средства вербализации концепта *Вооруженная борьба*, которые группируются в поля.

На втором этапе работы в качестве предмета анализа выступают состав и реализация сформированных лексико-семантических полей в речи политика. Прием компонентного анализа и на основе количественных данных исследуется структура каждого поля, определяются его ядерные и периферийные элементы.

В результате исследования всех выделенных полей моделируется структура имиджа лидеров разных стран, определяются их имиджевые роли.

Метод полевого анализа представляется эффективным для исследования содержания концепта в силу следующих свойств. Во-первых, лексико-семантическое поле является динамической структурой, не имеющей жестких границ для включения в его состав новых конститuentов и выхода единиц из него. Во-вторых, метод полевого анализа необходим для отражения структуры концепта, а также описания его признаков, являющихся основой моделирования имиджевых ролей политиков и формирования уникального имиджа.

Выводы по главе 1

Имидж политического деятеля представляет собой систему имиджевых ролей, формируемых под воздействием множества факторов. Имиджевая роль классифицируется как *типовая модель поведения, принятая в социуме для определенных стандартных ситуаций, отражающая стереотипические представления общества* и именуется посредством «ярлыков», отражающих общественные стереотипные, наиболее значимые характеристики, приписываемые политическому деятелю. Имиджевые роли политического деятеля выявляются на основе доминирующих семантических компонентов, реализующихся в его высказываниях и характеризующих его определенным образом.

Исследование имиджа политика осуществляется на материале политического дискурса, значимым фактором функционирования которого являются средства массовой информации. Жанром, относящимся одновременно к политическому и массмедийному дискурсу, является интервью, взятое в качестве источника исследования имиджа политика. Выбор жанра также обусловлен высокой частотностью его использования в СМИ, влияющих на восприятие политика аудиторией. В работе рассматриваются различные виды

интервью: интервью-диалоги, интервью-полилоги, индивидуальные и групповые интервью, а также материалы с пресс-конференций.

В качестве способа моделирования речевого имиджа и имиджевых ролей политиков представлена вербализация концепта, отражающего знания, опыт, представления человека о чем-либо.

Концепт *Вооруженная борьба*, на примере которого осуществляется исследование, является дискурсообразующим для политической коммуникации.

Концепт *Вооруженная борьба* рассматривается как образование, имеющее смешанную структуру. С одной стороны, он является концептом фреймового типа, отражающим представление стереотипной ситуации. С другой стороны, компоненты концепта организованы как лексико-семантические поле.

По принципу пропозициональной структуры выделяются наиболее часто функционирующие в речи политиков поля, соотносимые с ситуацией вооруженной борьбы: *Участники вооруженной борьбы, Цель вооруженной борьбы, Действия участников вооруженной борьбы, Средства вооруженной борьбы, Пространство вооруженной борьбы, Время вооруженной борьбы, Последствия вооруженной борьбы.*

ГЛАВА 2

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА* В АСПЕКТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИМИДЖЕВЫХ РОЛЕЙ

В главе анализируются различные компоненты концепта *Вооруженная борьба*, проявляющиеся в речи политического деятеля и участвующие в моделировании его имиджа. Так, во внимание принимается понятийная составляющая концепта (выявляются смыслы, входящие в концепт), образная составляющая (исследуется метафорическая репрезентация вооруженной борьбы), аксиологический компонент (языковые средства, выражающие оценку), стилистическая коннотация.

2.1 Смысловой объем концепта *Вооруженная борьба* в речи В. В. Путина

В процессе работы были отобраны слова и словосочетания, выражающие смысл вооруженной борьбы в речи В. В. Путина (рис. 2).

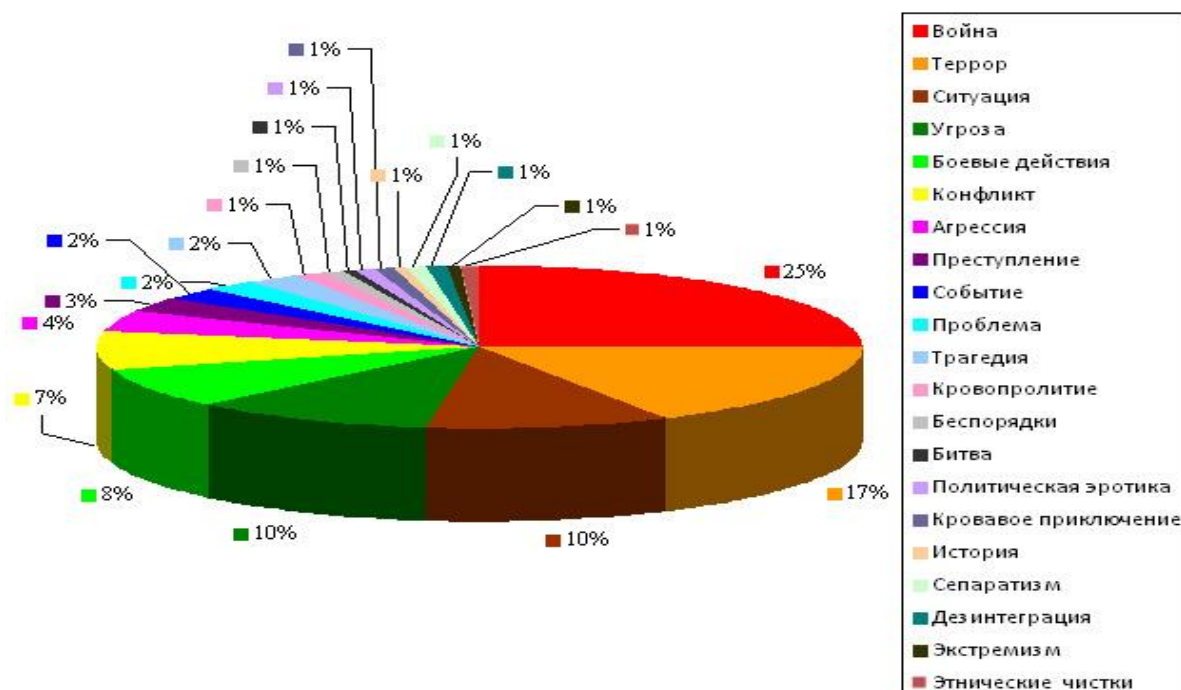

Рис. 2. Смысловой объем концепта *Вооруженная борьба* в речи В. В. Путина

На основе количественных данных (частотности употребления выявленных лексем) и семантического анализа отобранных единиц были выделены ядерные номинативные единицы исследуемого концепта в речи российского политика: лексема *война*, а также слова и словосочетания, актуализирующие значение «террор».

В большинстве случаев (79% высказываний) лексема *война* является в речи политика элементом устойчивых словосочетаний, например *Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Гражданская война, Первая мировая война*, или пословиц (*Худой мир лучше, чем хорошая война*).

В проанализированных интервью было выявлено лишь одно высказывание, в котором политик использует лексему *война* для обозначения вооруженных действий, происходящих в настоящее время: <...> *современные войны ведутся, прежде всего, с помощью авиации, она больше всего выходит из строя, изнашивается, а Министерство обороны поставило авиацию в списке приоритетов на восьмое место* [Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным», 2003].

Возможно, редкое использование лексемы *война* вне устойчивых словосочетаний связано с вызываемыми ею негативными ассоциациями. Подтверждением тому служат единицы, относящиеся к наиболее частым реакциям на слово *война* и представленные в Русском ассоциативном словаре [Русский ассоциативный словарь, 1988–1997, с. 34]: *смерть, Отечественная, страшная, ужас, мировая, жестокая, горе*.

Смысл «террор» актуализируется в речи российского лидера посредством однокоренных единиц *терроризм, террор, террористический (акт, угроза, деятельность)*, наиболее частотной из которых является лексема *терроризм* (60% случаев).

Например: *Сегодня мы имеем там дело с международным терроризмом, замешанным на сепаратизме, и теперь это даже трудно разделить* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

В этой связи я хотел бы сказать, что мы и впредь будем уделять необходимое внимание работе внутри страны и на международной арене, направленное на борьбу с террором, будем укреплять правоохранные органы, будем укреплять нашу политическую систему [Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 2004].

Сущность террора раскрывается через метафорическое моделирование: *<...> тот международный терроризм, о котором я уже говорил, который замешан на религиозном экстремизме, фактически объявил нам войну с целью отторжения от России значительных территорий [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].* Терроризм представлен как живое агрессивное существо.

В следующем высказывании фитоморфная метафора и метафора движения организованы по принципу градации, выражающей постоянно увеличивающуюся масштабность угрозы терроризма: *А что касается качества проводимых сегодня антитеррористических операций, я не случайно сказал, что уже длительное время эта угроза нарастала, зрела и эта болезнь зашла очень далеко [Владимир Путин: Расширение НАТО на Восток..., 2001].*

Метафорические наименования борьбы *политическая эротика* и *кровавая авантюра*, формирующие образную составляющую концепта, отражают необоснованность, непродуманность описываемых событий, а также жестокость вооруженных действий, совершаемых ради собственного удовольствия и амбиций:

Это, на мой взгляд, такая «политическая эротика», которая, может быть, кому-нибудь и может доставить удовольствие, но вряд ли приведет к положительному результату. И лучший пример этого – события в Ираке [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

<...> нынешняя ситуация возникла не по вине Российской Федерации, а по вине действующего грузинского руководства, решившегося на эту кровавую авантюру – нападение на Южную Осетию [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Семантика физического насилия реализуется метафорически посредством таких номинативных единиц, как *кровавый преступный режим*, *кровоточащая проблема*, *кровопролитие*, *кровавая авантюра*, которые обеспечивают визуализацию описываемых событий, а также актуализируют семантику смерти: *Ира, Вы подняли одну из самых кровоточащих, в прямом смысле этого слова, проблему. И, как Вы знаете, с этим сталкивается не только Россия, но и очень многие другие страны* [Стенограмма «Прямой линии...», 2003] – о терроризме.

Для описания вооруженного столкновения В. В. Путин обращается к прилагательным, обозначающим другие физические характеристики чего-либо (вес, тактильные ощущения), таким образом обеспечивается полнота восприятия сказанного, поскольку всё, что воспринимается органами чувств, можно увидеть, взвесить, оценить: *тяжелая история, тяжелая чеченская проблема, острый вопрос* и др.

Деструктивность борьбы показана через метафорические употребления глаголов: *У террористов, у тех людей, которые пытаются взорвать ситуацию на Кавказе, в конечном итоге шансов никаких нет, и залогом этому служат как раз настроения людей* [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

В иных случаях актуализируются дополнительные особенности описываемого процесса. Например, агрессии боевых действий приписывается свойство текучести (словно воде), что выражает способность её стихийного проникновения, распространения: *Для того чтобы защищать независимость Чечни, не нужно было нападать на соседние места. Это агрессия, которая вылилась уже на другую территорию Российской Федерации* [Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина..., 2000].

Некоторые слова и словосочетания, называющие вооруженные действия, представляют собой общие, родовые наименования и не классифицируют описываемые события по принадлежности к определенному виду борьбы. Это можно связать с относительностью номинации в политическом дискурсе, смысловой неопределенностью, которая отмечается многими современными исследователями [Ахатова, 2005; Бушев, 2012; Шейгал, 2000] и которая дает

возможность наполнения упомянутых политиком явлений своими смыслами со стороны аудитории [Бушев, 2012, с. 11]. Так, лексемы *события* и *проблема* являются родовыми наименованиями, которые, актуализируясь в контексте, служат для обозначения вооруженных действий.

Другими единицами, именующими вооруженную борьбу, являются лексемы *угроза* (*угроза терроризма; современная угроза* (о международном терроризме) – 10% высказываний, *боевые действия* – 8%, *конфликт* (*вооруженный конфликт, конфликтная ситуация, южноосетинский конфликт, конфликтная проблема, абхазский конфликт и др.*) – 7%, *ситуация* (*ситуация в Чечне, ситуация в Ираке*) – 10%. Некоторые из выделенных словосочетаний выражают локальную характеристику борьбы, в том числе характеристику по признаку «внешний / внутренний»:

Мы за сохранение территориальной целостности Грузии, из этого исходим. Но вряд ли сама Грузия заинтересована в том, чтобы внутри Абхазии еще разразился внутренний вооруженный конфликт. Кому это надо? Разве Грузия в этом заинтересована? Конечно, нет. Вот из этого мы исходим. Мы исходим не из того, что мы работаем против Грузии, пытаясь урегулировать там ситуацию, а работаем над тем, чтобы создать условия для решения этой сложной, конфликтной проблемы между Грузией и Абхазией в будущем [Пресс-конференция..., 2004].

Просто забыли первопричину, забыли, кто же является «автором» этой ситуации, кто спровоцировал эту ситуацию, кто вооружился и напал на Южную Осетию [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина..., 2008].

Мы не считаем, что современные угрозы, а главная из них – это международный терроризм, могут быть купированы с помощью расширения военно-политической организации, целью создания которой было в свое время противодействовать Варшавскому договору и Советскому Союзу. Сегодня нет ни Советского Союза, ни Варшавского договора, а НАТО не только существует, но и расширяется [Интервью В. В. Путина Иранскому Гостелерадио, 2007].

Некоторые единицы, обозначающие вооруженную борьбу, приобретают дополнительную характеристику посредством лексического окружения: очень сложная ситуация, она [ситуация] будет еще сложнее, напряженная ситуация, конфликтная ситуация, неблагоприятно развивающаяся ситуация:

Мы должны исходить из реалий. А реалии таковы, что ситуация в Ираке очень сложная. И она будет еще сложнее, если мы не поймем, что нам нужно объединять усилия для того, чтобы эту ситуацию нормализовать [Интервью президента Путина в Сети, 2001]. Оставшиеся лексемы, называющие ситуацию вооруженной борьбы, являются периферийными, поскольку они используются политиком значительно реже по сравнению с другими единицами: *агрессия (грузинская агрессия), преступление (преступление против всего человечества), событие (события в Ираке), проблема (проблема терроризма, международная проблема, абхазская проблема), трагедия (трагедия в Беслане, трагедия с захватом заложников на Дубровке), (тяжелая) история (о трёх карательных операциях Грузии в Осетии), сепаратизм, экстремизм, этнические чистки, беспорядки, катаклизмы, кровопролитие, политическая эротика, кровавая авантюра*. В качестве примеров представим ряд контекстов:

И мы считаем, что вот такая поддержка, такой настрой международного сообщества, такое отношение к этим событиям и к этой дате являются очень важными [Пресс-конференция..., 2004].

Острый вопрос. Конечно, сегодня не только наша страна, но и многие другие страны мира сталкиваются с проблемой терроризма, и очень часто террористы прикрываются исламскими лозунгами. Но должен Вам сказать, что это тоже проблема, которая заброшена к нам извне [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Стилистическая коннотация проявляется вследствие наличия в интервью политических терминов *сепаратизм, дезинтеграция, экстремизм, этнические чистки*, демонстрирующих осведомленность политика в представленной сфере, его внимание к происходящим вокруг процессам и способность разграничивать

разную природу и характер вооруженных противостояний (стремление к территориальному обособлению, разнь национального характера и т.д.).

Также отмечены случаи употребления В. В. Путиным просторечной лексики с ярко выраженной эмоциональной и экспрессивной окраской: *Разгон демонстрантов с мордобоем, ранения оппозиционных деятелей, стрельба по ним из оружия резиновыми пулями, кровь на улицах, растущее количество политических заключенных, бунт в Вооруженных Силах* [Большое интервью Владимира Путина, 2006].

Аксиологический компонент при описании вооруженных действий проявляется на разных уровнях языка, преимущественно на лексическом (*этнические чистки, тяжелая чеченская проблема, сложная проблема, дерзкое преступление, зверства, кровопролитие*) и синтаксическом (например, при помощи сравнения (*такие события, как трагедия в Беслане*)). Вооруженные действия описываются через весовые, структурные характеристики, признаки животного мира.

Отрицательное восприятие вооруженной борьбы не зависит от субъекта и места боевых действий:

11 сентября мир вздрогнул, потому что это действительно было дерзкое преступление против всего человечества [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Но мы согласились с нашими партнерами и пошли навстречу их пожеланиям и пожеланиям самого иракского руководства, имея в виду уникальную и, к сожалению, неблагоприятно развивающуюся ситуацию в Ираке, связанную с продолжением боевых действий [Пресс-конференция..., 2004].

Значимым признаком анализируемого концепта является семантический компонент «оружие», проявляющийся посредством прямых и косвенных номинативных единиц и выявленный при помощи дефиниционного анализа: *вооруженный конфликт, терроризм, боевые действия, агрессивные действия*. Например: *Там добились только того, что предотвратили возможный*

вооруженный конфликт, добились того, что они объединили свои усилия. А что здесь плохого и что здесь антигрузинского? Я ничего здесь не вижу такого [Там же].

Любая страна вправе и должна быть суверенной и выбирать в мире своих партнеров, своих советников. Но это не должно подталкивать страну к агрессивным действиям. Мы просто вынуждены реагировать [Интервью президента России В. Путина германской газете «Зюддойче цайтунг», 2006].

Никаких боевых действий там, как вы знаете, не ведется. Мы сталкиваемся еще до сих пор с проявлениями терроризма, это правда. И причем все больше и больше эти террористические акты направлены против мирного местного населения [Интервью президента Путина в Сети, 2001].

В высказываниях В. В. Путина, посвященных вооруженной борьбе, прослеживается вербализация темы памяти посредством лексем *память, помнить, вспоминать*.

Для описания событий прошлого политик также использует слова и словосочетания, выражающие положительную оценку (причем в большинстве случаев повествование ведется от первого лица мн.ч. – *мы, наш, у нас*): *ярчайший эпизод, гордиться, знаменательная дата / (общенациональный) праздник / торжество: Конечно же, в историю нашего Отечества, в историю мировую, войдет Сталинградская битва, как один из ярчайших эпизодов Второй мировой войны, которым мы все по праву гордимся [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].*

В интервью также встречаются негативные воспоминания: *У всех у нас в памяти еще долго будет оставаться трагедия с захватом заложников на Дубровке, а у тех людей, у тех наших граждан, которые потеряли своих близких в результате этого террористического акта, это, конечно, останется на всю жизнь [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].*

Таким образом, наиболее частой номинативной единицей смысла вооруженной борьбы в речи В. В. Путина является лексема *война*, встречающаяся в большинстве случаев в устойчивых словосочетаниях,

относящихся к прошлому. Концепт *Вооруженная борьба* также вербализуют слова и словосочетания, объединенные смыслом террора: *террор, терроризм, террористический акт, террористическая деятельность* и др.

Другие единицы, номинирующие явление вооруженных действий, представляют собой общие, родовые наименования (*ситуация, история, проблема* и др.) и не характеризуют вне контекста описываемое явление как определенный вид борьбы.

Семантика вооруженной борьбы вербализуется как нейтральными, так и оценочными единицами (положительными и отрицательными). Положительная оценка содержится в тех высказываниях, где речь идет об исторических военных событиях (*Первая мировая война, Вторая мировая война* и т.д.). Тема памяти и воспоминаний вписывает упоминаемые события в исторический контекст и формирует к ним уважительное отношение.

В ряде высказываний вооруженная борьба представлена как отрицательно оцениваемое явление, это проявляется на разных уровнях языка и усиливается посредством метафорических единиц.

Определив, какие смыслы вкладываются российским политиком в концепт *Вооруженная борьба*, проанализируем входящие в него лексико-семантические поля в отдельности.

2.2 Участники вооруженной борьбы

Субъекты и объекты вооруженной борьбы нашли отражение в высказываниях политика во множестве лексем (общее количество – примерно 90 единиц, около 400 словоупотреблений).

Агентивная семантика может быть закреплена в определениях выделенных репрезентантов поля или одного из его элементов, а также может выявляться из контекста.

Приведем примеры слов и словосочетаний, определения которых выражают отнесенность к борьбе: *конфликтующие стороны, банда, бандит, террорист, враг, деструктивные силы* и др.

Единицы, в определения которых не заложена семантика «участник борьбы», отнесены нами к исследуемому полю на основании контекстуального анализа. Например, в рамках представленного ниже контекста *люди* выступают как участники противостояния: *<...> что происходит в Чеченской Республике. Там уже нет такой остроты, потому что людям надоело это противостояние, это кровопролитие* [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Опишем общую структуру поля «Участники вооруженной борьбы».

Участники борьбы делятся на две группы: агрессивная (враждебная, нападающая) сторона ↔ противостоящая агрессии, обороняющаяся сторона.

Инициатива борьбы исходит от враждебно настроенных участников: *бандитов, террористов, сепаратистов, преступников, деструктивных сил, врагов, террористической организации, «скинхедов», фашиствующих элементов* и т.д. Они входят в микрополе «Агрессоры».

Микрополе «Защитники» представлено следующими словами и словосочетаниями: *граждане, люди, мы, армия, международные силы, народы, партнеры, Министерство обороны, миротворцы, мирное местное население, Россия, мир, всё человечество* и т.д.

Кроме того, была выделена отдельная **лексико-семантическая группа «Участники военных действий»**, к которой относится 58% всех единиц в

рамках поля «Участники вооруженной борьбы» и которая входит как в микрополе «Агрессоры» (например, лексемы *враг, противник, захватчик*), так и в микрополе «Защитники» (лексемы *солдаты, бойцы, ветераны, союзник, партнеры, армия, миротворцы, пограничники, труженики тыла, защитник (Отечества)*). Лексико-семантическое поле «Участники вооруженной борьбы» представляет следующая схема (рис. 3):

Рис. 3. Схема лексико-семантического поля
«Участники вооруженной борьбы»

Рассмотрим выделенные структурные элементы поля.

Количественный анализ микрополя «Агрессоры» показал, что слова *террорист* (около 18% случаев номинаций участников), *террористическая организация* (около 14%) и *бандит* (около 14%) являются наиболее частотными лексемами, номинирующими враждебно настроенных участников вооруженной борьбы и актуализирующими смысл террора, который также поддерживается

другими репрезентантами поля: *Хусейн, банды, преступники, деструктивные силы* и др. Например:

Последние боевые действия на Кавказе показывают: банды, которые сейчас гоняют в Дагестане, почти наполовину состоят из наемников из других стран. Встречаются там не только представители, граждане и подданные арабских государств, там есть и граждане других республик Советского Союза: есть и русские, и украинцы, есть немцы (встречаются, не немцы турецкого происхождения, а немцы), есть представители других европейских стран. Мы это все знаем. Это международная проблема [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

В. В. Путин подчеркивает примитивность взглядов враждебных участников борьбы (*просто бандиты, тривиальные бандиты*), а также отсутствие системы общечеловеческих ценностей (семья, Родина и иные ценности). Например: *Это тривиальные наемники и бандиты. Про таких людей в Китае говорят, что они «готовы назвать своей матерью любую женщину, у которой есть молоко». Это люди без корней; Это просто бандиты* [Пресс-конференция..., 2002].

В представленном контексте используется кольцевая композиция (*Это тривиальные наемники и бандиты. <...> Это просто бандиты.*): каждое последующее высказывание служит средством развертывания мысли предыдущего.

Единицы, именующие агрессивных участников вооруженной борьбы, могут отражать ее характер (религиозный, территориальный и др.): *сепаратисты* (сторонники сепаратизма – «стремления к отделению, обособлению») [МАС, т. 4, с. 78], *религиозные фанатики* (борьба на почве религии), *экстремистские элементы* (приверженцы крайних взглядов и мер) [МАС, т. 4, с. 754], *«скинхеды»* (представители молодежной субкультуры, носящей экстремистский характер, часто придерживающиеся нацистских и расистских лозунгов) [Толковый словарь иноязычных слов, 2005, с. 817],

фашиствующие элементы (крайне правое политическое движение диктаторского типа) [МАС, т. 4. с. 556] и т.д.

В речи российского политика подчеркивается тема национального и интернационального единства, тема объединения: *народы (иракский, афганский, Абхазии, Южной Осетии), люди, мир, всё человечество, мы и др.* Борьба, с точки зрения В. В. Путина, – это взаимодействие: в ситуации борьбы люди вынуждены защищаться и бороться, объединившись. Например: *Именно поэтому мы объединяемся с другими странами мира в антитеррористическую коалицию, чтобы помогать друг другу противостоять этим угрозам* [Пресс-конференция..., 2002].

Такие репрезентанты, как *миротворцы* и *мирное местное население*, актуализируют семантику мира.

В микрополе «Защитники» входит большинство слов и словосочетаний лексико-семантической группы «Участники военных действий» (около 94% единиц). Среди них можно выделить ряд лексем с корнями *воен-/ воин- / войн-*, например *военный (летчик, организация, пенсионеры, силы), войска, военные, военнослужащие, военачальники, воинские коллективы, воин:*

В среднем по всем категориям военнослужащих произойдет 20-процентное повышение. Но это только одна из проблем, которая волнует, как я знаю, военнослужащих. Вторая – это жилье [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Об этом свидетельствуют, кстати говоря, и некоторые письма, которые я получаю от военных летчиков, даже в ходе подготовки к сегодняшнему нашему мероприятию [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

<...> моральная атмосфера в воинских коллективах должна измениться к лучшему [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Лексико-семантическая группа «Участники военных действий» включает слова и словосочетания, номинирующие не только участников реальных войн, но и тех, кто представляет собой военную структуру государства – потенциальных участников. В связи с этим большинство высказываний, в

которых встречаются выделенные единицы, посвящены вопросам и проблемам военной организации Российской Федерации.

Наиболее часто употребляемой единицей является лексема *военнослужащий* (военная семантика заложена не только в значение, но и в формальную структуру), 21% случаев употребления репрезентантов исследуемого лексико-семантического поля «Участники вооруженной борьбы» в целом, и *армия* – 17%. Например:

После того как грузинская армия в ее нынешнем виде прекратила свое существование под ударами российских вооруженных сил, наши вооруженные подразделения, миротворцы, усиленные подразделениями российской армии, остались только в зоне безопасности, которая была определена в прежних международных соглашениях [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Частота обращения политика к потенциальным участникам военных действий объясняется тем, что в своих интервью В. В. Путин уделяет большое внимание проблеме военной подготовки и военной организации Российской Федерации. Это проявляется через употребление слов и словосочетаний, обозначающих чины, звания, должности, а также официальные государственные организации и структурные подразделения, фигурирующие в данной сфере: *Вооруженные Силы, Кремлевский полк, Министерство обороны, Генеральный штаб Российской армии, дивизия, бригада внутренних войск, спецназ, внутренние войска, офицеры, генералы, прапорщики, мичманы, лейтенант, прапорщики, сержанты, рядовой, рядовой состав, сержантский состав, командиры*. Таким образом политик выстраивает и демонстрирует конкретную структуру в военной сфере, а также освещает определенные достижения или, наоборот, проблемы / недостатки в функционировании и обеспечении данной структуры (или отдельной категории) чем-либо. Например:

Но самая главная проблема у нас сегодня – это, конечно, проблема обеспечения военнослужащих жильем: сегодня у нас 90 тысяч бесквартирных офицеров, прапорщиков, мичманов [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

В этом году государство только погасило задолженность перед военнослужащими по надбавкам [Там же].

Обратите внимание, у нас 90 тысяч бесквартирных офицеров [Там же].

Что касается срочников и профессионалов. Министерство обороны и Министерство внутренних дел сейчас активно работают над этой проблемой [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Важно, мне кажется, не только количество генералов, а важно и то, где и как они исполняют свои служебные обязанности [Там же].

Имидж политика, участвующего в военной подготовке государства, поддерживается благодаря использованию профессионализмов (*срочники, призывники, контрактники*), а также посредством вписывания себя в военную структуру государства при помощи ввода в контекст биографических данных и реализации имиджевой роли *Простой человек (Простой военный)*:

[Я] был лейтенантом и начал получать первую свою заработную плату – 180 рублей [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

Значимую роль в моделировании имиджа В. В. Путина играет его обращение к темам Родины и нации (*русский солдат, защитник Отечества*), которые реализуются преимущественно на лексическом уровне языка (притяжательные местоимения (*наши*), имена собственные (*Суворов*), прилагательные (*русский, российский*) и другие слова и словосочетания с семантическими компонентами *Родина (Россия, Отечество)* или *нация (русский)*). Например:

<...> здесь, конечно, нужно решать целый комплекс задач: это и материальное поощрение, это создание образа военнослужащего, соответствующего [оговорка: существующего] в средствах массовой информации и в сознании подавляющего большинства граждан России – как защитника Отечества и каждой российской семьи, хочу это подчеркнуть: Отечества вообще и каждого российского гражданина [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Вы знаете, это ведь моральные основы любой – и не в последнюю, а может быть, в первую очередь, русской, Российской армии. Давайте вспомним Суворова, вспомним наших выдающихся военачальников, которые всегда наказывали всем офицерам беречь русского солдата. Это моральная основа всех наших Вооруженных Сил, так должно быть [Там же].

Тема Родины усиливается при помощи средств языковой изобразительности: эпитетов (*выдающиеся военачальники*), метафоры (*моральная основа*), синекдохи (*русский солдат*), лексических повторов и т.д. Такая репрезентация В. В. Путиным участников вооруженных действий может способствовать моделированию имиджевой роли *Патриот* и формированию национальных ценностей аудитории.

Не менее значимыми являются темы памяти, благодарности и уважения к участникам войны, которые тесно связаны между собой в высказываниях политика. Например:

Мы не имеем права забывать об участниках Второй мировой войны [Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 2004].

И хочу Вас заверить, где бы ветераны ни проживали: в Украине, в Таджикистане, в Казахстане, в Узбекистане, в любой стране, даже за пределами бывшего Советского Союза – мы всегда будем о вас помнить и детям своим напомним о вас без всяких границ во времени и пространстве. Мы в долгу перед вами и не забудем этого никогда [Интервью украинским телеканалам «УТ-1», «Интер» и «1+1», 2004].

И в значительной степени очень важна позиция таких людей, как Вы – ветеранов труда, ветеранов войны, людей, которые пользуются в нашем обществе и в нашей стране заслуженным уважением [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Вклад ветеранов и ветеранских организаций в это очень высокий, потому что до сих пор они находятся на посту, и влияние на воспитание молодого, подрастающего поколения очень заметно и очень позитивно [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

<...> особенно это касается военнослужащих, которые отдали свою жизнь за интересы государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

В представленных контекстах тема памяти актуализируется посредством таких слов и словосочетаний, как *помнить, не забудем, заслуженное уважение, в значительной степени очень важна позиция* [ветеранов войны], *очень высокий вклад* и др. Уважительное и почтенное отношение к участникам боевых действий актуализируется вне связи с временем и пространством: *где бы ветераны ни проживали, всегда, никогда, без всяких границ во времени и пространстве* и т.д.

Одной из черт коммуникативного поведения российского политика является приём пересказа, средством проявления которого служит введение в интервью чужой речи. С целью убедительного и реалистичного описания военных событий В. В. Путин проводит исторические параллели между современностью и эпохой Великой Отечественной войны, обращается к мнению ветеранов:

Вы знаете, я ведь встречался с ветеранами, и депутаты Государственной Думы мне говорили о своих встречах с ветеранами, которые тоже задают вопрос: «Ну, как же так можно пропустить бандитов в сердце страны, в Москву? Мы во времена войны не допустили того, чтобы всякие бандиты и шпионы здесь хозяйничали, в Москве». Но ведь это была война, город был в осаде, в блокаде. Действовали определенные правила, функционировал на улицах Москвы так называемый «Смерш» – «Смерть шпионам!» Вплоть до расстрела на месте. Ясно, что сегодня, при таком потоке приезжающих в столицу, мы не в состоянии работать такими методами [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

В приведенном примере используются единицы, характерные для того времени и подчеркивающие достоверность, взвешенность информации (*бандиты, шпионы, хозяйничать, сердце страны, «Смерш», «Смерть шпионам!»* и др.), прямая и косвенная речь, а также другие показатели приёма

пересказа (*так называемый*). Таким образом В. В. Путин проявляет уважение к мнению участников военных действий, к истории.

Посредством подобной структуры высказывания политик одновременно передает и аргументирует точку зрения ветеранов, но вместе с тем выражает свою позицию относительно жестких военных методов борьбы с «бандитами» (*мы не в состоянии работать такими методами*), приводя также свои аргументы (*Ясно, что сегодня, при таком потоке приезжающих в столицу <...>*).

Вербализация участников вооруженной борьбы способствует моделированию семантической оппозиции «свой – чужой», которой посвящены работы многих современных исследователей (О. С. Иссерс, Т. А. Демешкиной, А. Б. Бушева, Е. В. Кишиной и др.). «Специфика «свойственности – чуждости» в политической коммуникации предопределяется сущностными признаками политического дискурса как такового (институциональный характер, интенциональная направленность (борьба за власть), доминирование манипулятивной функции и т.д.)» [Кишина, 2012].

Категория свойственности в политической коммуникации предполагает цель объединить единомышленников [Демешкина, 2006, с. 382]. Так, в речи В. В. Путина к «своим» относятся партнеры, мирное население, миротворцы и др., а «чужими» представлены бандиты, террористы – все те, кто представляет собой угрозу для людей. Неприятие терроризма и его пособников передается метафорически. Например, в представленном ниже фрагменте интервью В. В. Путин выражает негативное отношение к ним через физиологическую метафору:

Если бы мы априори обвинили какие-то государства в терроризме, мы бы просто перерезали пуповину возможных контактов с этими государствами [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Репрезентация государственных и международных структур и организаций в качестве участников вооруженной борьбы (*армия,*

международные силы, Антитеррористический центр, правоохранительные органы, федеральные органы) выявляет масштабность и уровень противостояния угрозам (борьба представлена на уровне государства, на международном уровне): *Но антитеррористическое направление взаимодействия более широко. Оно осуществляется между специальными службами, между министерствами обороны, между министерствами иностранных дел на международной арене* [Интервью индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству «Пи-Ти-Ай», 2007].

Поскольку концепт и его структурные компоненты (поля, слои) не имеют четких границ, одна и та же лексема может быть средством вербализации одновременно нескольких пересекающихся полей концепта. Так, признаками, положенными в основу номинации участников вооруженной борьбы, могут быть средства борьбы (*вооруженные силы, конница, морская пехота*), место борьбы (*пограничники, американские граждане, труженики тыла, Иран, Россия*), осуществляемые действия (*захватчики, защитники*) и т.д.

Таким образом, в результате анализа лексико-семантического поля «Участники вооруженной борьбы» было выявлено следующее. Данное поле имеет определенную структуру, в рамках которой выделены два главных микрополя «Агрессоры» и «Защитники». Ключевой лексемой первого микрополя является *террорист*.

В рамках микрополя «Защитники» наиболее часто в речи российского политика упоминаются единицы, относящиеся к лексико-семантической группе «Участники военных действий», большинство репрезентантов которой номинируют потенциальных, а не действующих участников вооруженной борьбы. Контексты, в которых встречаются репрезентанты данной группы, посвящены преимущественно вопросам военной организации и военной подготовки Российской Федерации. Факт наличия группы «Участники военных действий» и её масштаб можно связать с тем, что наиболее часто вербализуемым понятием, входящим в концепт *Вооруженная борьба*, является *война*, что было продемонстрировано в предыдущем разделе. Ключевой

единицей микрополя «Защитники» и группы «Участники военных действий» является лексема *военнослужащий*.

Упоминание государственных и международных структур в качестве участников вооруженной борьбы демонстрирует масштабность и уровень противостояния угрозам (борьба на уровне государства, борьба на международном уровне).

В формировании имиджа В. В. Путина значимую роль играет его обращение к теме Родины, а также темам памяти, благодарности и уважения к участникам войны, которые тесно связаны между собой. Такое представление политиком участников вооруженных действий способствует моделированию имиджевой роли *Патриот* и формированию национальных ценностей у аудитории.

Говоря о вооруженной борьбе, В. В. Путин подчеркивает тему национального и интернационального единства, объединения против враждебных элементов. Это способствуют моделированию семантической оппозиции «свой – чужой». В речи В. В. Путина к «своим» относятся сотрудники, партнеры и др., а «чужими» представлены бандиты, террористы, а также все остальные, кто представляет собой угрозу для мирных людей. Так проявляется имиджевая роль *Миролюбивый политик*.

2.3 Цели вооруженной борьбы

Ведение борьбы преследует определенную цель. Данный раздел посвящен исследованию имиджеобразующего потенциала средств вербализации смысла «цели вооруженной борьбы», используемых В. В. Путиным.

В большинстве случаев эти цели вводятся в высказывания политика посредством лексем *добиться, добыть, стремиться, хотеть, достигать, достижение*. Например: *Они [официальные ливанские правительственные источники] полагают, что нанесение ударов по объектам инфраструктуры напрямую не связано с поиском украденных солдат, либо с достижениями*

других целей, о которых объявляет Израиль [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006]. *У нас действительно есть общее понимание общих угроз XXI века. И это нас объединяет. Вопрос только в средствах достижения общей цели – нейтрализации этих угроз* [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Цели делятся на две группы в соответствии с двумя полюсами ее участников, описанными в предыдущем разделе (рис. 4).

Рис. 4. Репрезентанты лексико-семантического поля

Цели вооруженной борьбы

Цели враждебно настроенной стороны организуют **лексико-семантическое микрополе «Цели агрессоров»**.

Судя по частоте вербализации, основной семантикой, отражающей намерения враждебных участников вооруженной борьбы, является семантика нарушения единства: *посеять рознь, отторжение, отделение, раскачать / подорвать единство, развал*. Например: *Вопрос только в том, с кем и о чем договариваться? Кто противостоит нам в Чечне? Надо прямо сказать, что там есть ряд людей, которых мы называем сепаратистами, которые стремились и стремятся к отделению Чеченской Республики от Российской Федерации. Мы с ними уже разговаривали* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Целью борьбы агрессоров является материальная выгода: *Там нам противостоят еще международные террористы, которые работают за деньги, и просто бандиты* [Там же].

Материальные, а не духовные приоритеты противника эксплицируются для выделения положительных намерений миролюбивых участников боевых действий.

Аксиологический компонент – отношение В. В. Путина к целям атакующей стороны – проявляется на разных уровнях языка. Так, на лексическом уровне можно выделить единицу *пресловутый*, представленную в следующем контексте и выражающую негативную оценку указанной цели борьбы – всемирному халифату:

Создание вот этого пресловутого всемирного халифата, о котором здесь уже мы говорили, – вот какие цели были поставлены режимом Масхадова. Иначе бы не было нападения на Дагестан [Там же].

Образная составляющая исследуемого поля проявляется посредством метафоры, которая вербализует цели нападающей стороны участников. В качестве примера представим следующий фрагмент интервью:

Одна из их целей – это раскачать единство, подорвать единство нашего общества, запугать государство и рядового гражданина [Там же].

Лексемы *раскачать* и *подорвать* реализуют деструктивную семантику.

На синтаксическом уровне языка можно выделить следующие способы выражения отрицательного отношения политика к целям нападающей стороны. В основе некоторых высказываний лежит имплицитное противопоставление, например:

То, что произошло на Кавказе, связано с известными событиями и с нападением грузинских войск на миротворцев, связано с попытками подчинить маленький народ, осетин, своему влиянию с помощью силы [Я – не истребитель миллиардеров..., 2009].

В данном фрагменте интервью политик подчеркивает противоречие между целью борьбы (подчинение), её объектом («маленький народ», осетины) и методами её осуществления (силовые методы).

В. В. Путин противопоставляет скрытые и истинные цели участников борьбы, используя синтаксические конструкции <...>, а на самом деле <...>; не <...>, а <...>; на самом деле <...>, – не<...>. Например:

Это либо религиозные фанатики, либо те люди, которые только прикрываются лозунгами ислама, а на самом деле исполняют то, что им приказано – за деньги [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Но на самом же деле у них [у международных террористов] совершенно другие цели, – не независимость Чечни, – территориальное отторжение всех территорий компактного проживания мусульманского населения [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Как демонстрируют представленные примеры, политик противопоставляет духовные и материальные ценности, которые часто определяют цели участников борьбы.

Цели противостоящей стороны являются конструктивными: *нормализовать, нормализация (ситуации), нормальная жизнь, приемлемая развязка / решения, нейтрализация, взаимоприемлемые решения / развязки, перспективы, стабилизация, компромисс, обеспечение (национальных, наших экономических) интересов, безопасность, (положительный) результат*. Например: <...> *в том, что вы сказали, есть значительная доля правды. И этот аргумент, раскрою вам внутреннюю кухню, мы, конечно, использовали, когда добивались компромиссных формулировок* [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Представленные единицы формируют лексико-семантическое микрополе «Цели защитников».

В качестве целей участников обороны называются интересы государства и народа, к которым, в первую очередь, относится безопасность:

Мы слышим, что сегодня оттуда есть сигнал о том, что страна [Корейская Народно-Демократическая Республика] готова вернуться в переговорный процесс при обеспечении ее национальных интересов, связанных с безопасностью и развитием мирного атома [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Значимость упоминаемых политиком целей выражается посредством таких слов, как *приоритет*, модальных единиц (*обязаны*), вводных слов, выполняющих функцию убеждения, воздействия на адресата (*надеюсь, уверен*), а также метафорических словосочетаний (*во главе угла*):

Вы знаете, к сожалению, у нас много проблем, связанных с терроризмом, и мы просто обязаны думать о безопасности членов семьи [Интервью Владимира Путина Ларри Кингу, 2010].

<...> конечно, вопрос обеспечения безопасности будет стоять у нас во главе угла. Это – один из приоритетов государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Все это вместе, в совокупности, надеюсь, уверен, приведет к дальнейшей стабилизации [Большое интервью Владимира Путина, 2006].

Таким образом, анализ поля «Цели участников вооруженной борьбы» показал следующие результаты. Способ вербализации целей участников вооруженной борьбы тесно связан с лексико-семантическим полем «Участники вооруженной борьбы», поэтому в рамках исследуемого микрополя по аналогии со структурой поля участников выделяются микрополя «Цели агрессоров» и «Цели защитников».

Цели вынужденных участников борьбы в большинстве случаев рождаются в ходе борьбы и касаются положительных вариантов ее исхода или же связаны с интересами государства и его граждан, к которым, в первую очередь, относится безопасность.

Основной семантикой, отражающей намерения нападающей стороны, является семантика нарушения единства (общественного или территориального) и материальная выгода.

Политик противопоставляет духовные ценности материальным, причем стремление к последнему в большинстве случаев определяет цель агрессоров. Отрицательное отношение В. В. Путина к таким целям проявляется на разных уровнях языка.

Неприятие целей инициаторов боевых действий и вербализация установок миролюбивой стороны (духовные ценности, интересы государства и др.) способствует формированию таких имиджевых ролей, как *Простой человек* и *Миролюбивый политик*.

2.4 Действия участников вооруженной борьбы

В данном параграфе анализируется лексико-семантическое поле «Действия участников вооруженных борьбы», то есть слова и словосочетания, номинирующие все действия участников боевых действий, начиная с подготовки, заканчивая урегулированием, победой, поражением и др.

В зависимости от субъекта действия репрезентанты данного поля можно поделить на два микрополя: «Действия агрессоров» и «Действия защитников».

Микрополе «Действия агрессоров» включает следующие единицы: *готовиться, вынашивать агрессивные намерения, нападать, бить, расстреливать, стрелять, шалить, хулиганить, подготовка, нападение, наступление, агрессия, нанесение (ракетных) ударов, оккупация, осада, блокада, захват, провокация, убийство* и др.

К микрополю «Действия защитников» отнесены такие единицы, как *реагировать, встать на защиту, защищать, противостоять, противодействовать, купировать угрозу, служить, договариваться, согласиться, сотрудничать, удовлетворить требования, подписать соглашение, заключить договор* и др.

С позиции восприятия адресатом, вербализация действий участников вооруженной борьбы, прослеживаемая в речи В. В. Путина, способствует

моделированию четкой схемы боевых действий, внушению тех стереотипных представлений, которыми оперирует политик.

Этап подготовки вооруженной борьбы возглавляет список действий агрессоров:

Ухудшение российско-грузинских отношений связано именно с этим, именно с попыткой или с подготовкой возможного решения юго-осетинской и абхазской проблем силовым путем. Если руководство Грузии решится на это, это будет большой ошибкой, и не думаю, что пойдет на пользу грузинскому народу [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

<...> бандиты заранее готовились к такому своему положению [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

<...> мы должны смотреть, кто финансирует терроризм, где укрываются террористы, на каких территориях они находят убежище и где они скрываются и готовятся к своим преступлениям <...> [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Мы вынуждены были уничтожить пункты управления, радиолокационные станции, которые использовались для борьбы с нашей авиацией, вынуждены были подавлять заранее подготовленные позиции ведения артиллерийского огня, дальней артиллерии, которая использовалась, в том числе, для ударов по уходящим из Цхинвали мирным беженцам [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Смежным с понятием подготовки вооруженных действий является понятие милитаризации. Термин *милитаризация* имеет значение «подчинение экономической и общественной жизни империалистических государств целям подготовки захватнических войн; перенесение методов военной организации в область гражданских отношений» [МАС, т. 2, с. 268] и встречается в речи В. В. Путина в следующем контексте:

Действительно, люди в Абхазии, в Южной Осетии очень обеспокоены милитаризацией Грузии. И мы в России обеспокоены этим [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Подготовка вооруженной борьбы осуществляется её инициаторами, которые воспринимаются В. В. Путиным негативно. В связи с этим подготовка боевых действий сопровождается словами и словосочетаниями, подразумевающими также отрицательное отношение российского политика к данному действию (*обеспокоен, ухудшение*).

Кроме того, усилению смысла высказываний способствуют наречия (*очень обеспокоены*), оценочные слова (*большая ошибка*), а также лексические повторы.

Между тем, Российская Федерация осуществляет подготовку Вооруженных сил, военнослужащих, военного оснащения с целью обеспечения обороны страны (вне связи с какими-либо вооруженными действиями):

<...> это конкретная работа, связанная с проверкой боеготовности Вооруженных сил, их оснащенности и решения социальных проблем военнослужащих [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Наряду с подготовкой вооруженной борьбы, **нападение** также оценивается политиком отрицательно:

Нынешняя ситуация возникла не по вине Российской Федерации, а по вине действующего грузинского руководства, решившегося на эту кровавую авантюру – нападение на Южную Осетию [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Мы с ними уже разговаривали. И в 96-м году удовлетворили все их требования. Фактически согласились с независимостью Чечни, подписали Хасавюртовское соглашение. К чему это привело, мы все хорошо знаем, – к нападению на Дагестан и к расширению агрессии [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Нападение оценивается отрицательно вне зависимости от того, являются ли граждане России его субъектом или объектом. Это мы классифицируем как реализацию имиджевой роли *Справедливый политик*:

Вы упомянули случай с нападением на выходцев из Кавказа на московских рынках. Я могу Вам сказать, что все участники, все зачинщики этих беспорядков и те, кто в конечном итоге привели к гибели людей, привлечены к уголовной ответственности. Их всего пять, они осуждены и осуждены к большим срокам лишения свободы [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Во-первых, что касается статуса города воинской славы. Конечно, такие города, как Ржев, давно этого заслужили. Ведь в 42–43-м годах именно благодаря воинам, которые сражались на вашей земле, была предотвращена попытка гитлеровских войск организовать второе крупномасштабное наступление на Москву. И это очень важная веха в развитии ситуации на фронтах Великой Отечественной войны [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Семантику нападения также вербализует лексема *агрессия*, которая, будучи свойственной сфере политики, определяется как «нападение, захват чужой территории» [МАС, т. 1, с. 47] и выражает в высказываниях В. В. Путина отрицательную оценку данного действия. Например: [ответ на вопрос об определении законом статуса ополченца для людей, участвовавших в вооруженных действиях в Дагестане в 1999 г.] *Не готов сейчас Вам ответить, как быстро и в каком объеме мы решим эти задачи, но обещаю Вам, что такое поручение Правительству я обязательно сформулирую. И думаю, что это справедливо, потому что я видел людей и в московских клиниках, и на юге страны, которые очень сильно пострадали в результате отражения агрессии международных террористов, и о них мы тоже должны позаботиться отдельно [Стенограмма «Прямой линии...», 2007]* – проявление имиджевой роли *Справедливый политик*.

Любая страна вправе и должна быть суверенной и выбирать в мире своих партнеров, своих советников. Но это не должно подталкивать страну

к агрессивным действиям. Мы просто вынуждены реагировать [Интервью германской газете «Зюддойче цайтунг», 2006].

Заинтересованный наблюдатель не мог не заметить, как дружно молчала вся свободная пресса наших Западных партнеров, когда у кого-то складывалось ложное впечатление, что грузинская агрессия могла закончиться позитивным результатом [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Приведем следующий фрагмент интервью В. В. Путина, посвященный ситуации в Чечне, в котором лексемы, отнесенные к исследуемому полю, являются текстообразующими:

Теперь опять с ними нужно разговаривать? О чем? Мы же с ними уже обо всем договорились. Все им дали. О чем с ними разговаривать? Или сказать им: «Ну ладно, ребята там немножко пошалили, похулиганили». А, между прочим, по разным подсчетам, там, в результате этнических чисток, погибло до 30 тысяч человек, а, может быть, даже больше. Они там похулиганили маленько, «потренировались», пусть они еще «потренируются» [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Действия участников вооруженных действий вербализуются в данном контексте посредством глаголов *пошалить*, *похулиганить*, *разговаривать*, *«потренироваться»*, а также разговорной и просторечной лексики.

Выделенные лексемы в комплексе организуют единый риторический прием – литоту, который, наряду с использованием специальных терминов (*этнические чистки*), вводных конструкций (*по разным подсчетам, между прочим*), иронии (*между прочим*), риторических вопросов, парцелляции, прямой речи и др., создает отрицательный образ инициаторов борьбы и характеризует их действия как неразумные.

Лексема *зверства*, номинирующая действия враждебных участников борьбы и обладающая отрицательной оценкой, выражает жестокость событий, происходящих в Чечне, и является единственным репрезентантом данного

лексико-семантического поля, в определении которого зафиксирована негативная оценка описываемых действий:

В Чечне это дошло до того состояния, которое мы знаем. Там много чего происходило. За время правления этого преступного режима там местных, своих собственных граждан, расстреливали публично на площадях. Я уже не говорю о тех зверствах, которые творили с представителями федеральных служб, военнослужащими и так далее [Там же].

Противоположное нападению и агрессии действие – **защита** – представлено в высказываниях В. В. Путина как проявление патриотизма. Например: *Помню, какую роль сыграл Ботлих в отражении агрессии со стороны международного терроризма и ваххабизма. Люди просто без всякого подталкивания извне, из федерального центра, взяли в руки оружие и встали на защиту интересов России и своих собственных домов [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].*

Этому способствуют встречающиеся в приведенных фрагментах интервью лексические повторы (*каждый, Отечество, российский*), вводные конструкции (*хочу это подчеркнуть*) и др.

Метафора болезни, выраженная словосочетанием купировать угрозу, отражает решительное намерение российского политика «устранить» существующие угрозы, избавиться от них:

Мы не считаем, что современные угрозы, а главная из них – это международный терроризм, могут быть купированы с помощью расширения военно-политической организации [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

Ситуация борьбы всегда сопровождается **противостоянием** её участников. В высказываниях В. В. Путина используются различные грамматические конструкции и лексические единицы, выражающие противоборство актантов, например «мы ↔ террористы (угроза)»:

Нет, хватит. Такого больше не будет. С кем еще договариваться? Там нам противостоят еще международные террористы, которые работают

за деньги, и просто бандиты. С террористами и бандитами вообще невозможно ни о чем договариваться [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Именно поэтому мы объединяемся с другими странами мира в антитеррористическую коалицию, чтобы помогать друг другу противостоять этим угрозам [Там же].

Ситуация противостояния представлена в речи политика как негативное явление посредством описания противника / объекта борьбы, последствий противостояния с использованием модальных единиц (*не хотим развала, должны противостоять*), вводных слов (*разумеется*), выстраивания синонимических рядов (*противостояние / кровопролитие / острота*), обращения к контекстуальным антонимам (*противостояние – нормальная человеческая жизнь*), а также лексем, определения которых включают отрицательный компонент значения, например *надоедать*, и т.д.

В качестве аргумента приведем следующие высказывания:

Вопрос только в том, с кем и о чем договариваться? Кто противостоит нам в Чечне? Надо прямо сказать, что там есть ряд людей, которых мы называем сепаратистами, которые стремились и стремятся к отделению Чеченской Республики от Российской Федерации. Мы с ними уже разговаривали. И в 96-м году удовлетворили все их требования. Фактически согласились с независимостью Чечни, подписали Хасавюртовское соглашение. К чему это привело, мы все хорошо знаем, – к нападению на Дагестан и к расширению агрессии [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Но на самом деле у них совершенно другие цели, – не независимость Чечни, – территориальное отторжение всех территорий компактного проживания мусульманского населения. Разумеется, мы должны этому противостоять, если мы не хотим развала нашего государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Обратите внимание на то, что происходит в Чеченской Республике. Там уже нет такой остроты, потому что людям надоело это противостояние, это кровопролитие, и они уже почувствовали вкус к нормальной человеческой

жизни, появились перспективы для людей [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Мы считаем, что есть общие угрозы, которым мы можем сообща эффективно противостоять. Это, как я уже говорил, распространение оружия массового уничтожения, терроризм, это спасение на море, проведение миротворческих, гуманитарных операций и так далее [Владимир Путин интервью Би-би-си, 2003].

Неприятие вооруженной борьбы (в частности, террора) реализуется не только на лексическом, но и на морфологическом уровне языка – посредством префикса *анти-*.

Антитеррористическое направление нашего взаимодействия является весьма актуальным. Было, есть и, к сожалению, еще достаточно долгое время будет таковым [Интервью индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству «Пи-Ти-Ай», 2007].

Но антитеррористическое направление взаимодействия более широко. Оно осуществляется между специальными службами, между министерствами обороны, между министерствами иностранных дел на международной арене [Там же].

В отличие от семантики противостояния, семантика сотрудничества, вербализуемая такими лексемами, как *сотрудничество, взаимодействие, совместная (работа), взаимные (интересы), партнер, союзник*, приобретает в интервью В. В. Путина положительную оценку и представляется как нечто необходимое и эффективное. Например:

Здесь есть, над чем подумать. Да и вообще, с точки зрения эффективности борьбы с терроризмом, нужно больше сотрудничать друг с другом, нужно объединять усилия, и только так мы можем добиться эффективной совместной работы [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Я согласен с тем, что Армения является для нас стратегическим партнером, и в некоторых сферах нашего сотрудничества мы продвинулись

так далеко, как не продвигались с другими нашими коллегами. Например, я уже упомянул о том, что у нас в Армении достаточно крупная военная база, она функционирует успешно, и сотрудничество в этой области, надеюсь, будет развиваться [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

В отношениях между нашими государствами существовало много периодов самого тесного и плодотворного сотрудничества. Достаточно вспомнить, например, историю XIX века, когда мы были военными союзниками [Мы близки, как никогда прежде, 2005].

Чтобы на афганской земле закончилось кровопролитие, чтобы оттуда в конце концов были выведены войска иностранных государств – с учетом того, что афганский народ сам бы смог взять на себя полную ответственность за безопасность на своей территории. И Иран, и Россия много делали для этого раньше. Мы сотрудничаем сегодня, причем сотрудничаем достаточно неплохо [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

<...> в условиях глобальных кризисов взаимные интересы преобладают над какими-то противоречиями. Так было и в период Первой мировой войны, это было и в период Второй мировой войны [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Надеюсь, что отношения между руководством Республики и командованием нашей дивизии остаются такими, какими они были раньше, – то есть на очень высоком уровне взаимодействия [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Вербализация противостояния и сотрудничества как действий участников борьбы, наряду с определенным способом наименования их самих, представленном в предыдущем разделе, выражает моделирование семантической оппозиции «свой – чужой».

Такая вербализация действий участников вооруженных действий подтверждает тезис о том, что «семантика «свойственности – чуждости»

является в политическом дискурсе базовым языковым механизмом в реализации стратегий и тактик, направленных на моделирование общественного сознания и корреляцию социальных действий» [Кишина, 2012].

Неотъемлемым при вербализации действий участников вооруженной борьбы является семантический компонент «оружие», реализующийся посредством слов и словосочетаний типа *воевать, стрелять, вооружаться, сражаться, битва, (прекратить) огонь, расстреливать, ракетные удары, боевые действия, вооруженная (провокация)* и др. Например:

Есть и другие положения, которые направлены на то, чтобы огонь был немедленно прекращен с двух сторон [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Еще раз хочу заявить о том, что действия российской армии были вынуждены. Это было ответом на вооруженную провокацию со стороны грузинского руководства и на убийство наших миротворцев и местных жителей Южной Осетии [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Семантический компонент «оружие» вербализуется и в метафорических обозначениях действий участников борьбы – *взорвать ситуацию на Кавказе*:

У террористов, у тех людей, которые пытаются взорвать ситуацию на Кавказе, в конечном итоге шансов никаких нет, и залогом этому служат как раз настроения людей [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Между тем, в высказываниях В. В. Путина выявлен оценочный компонент, сопровождающий вербализацию семантики оружия:

Вы знаете, что меня особенно потрясло. Когда уже подошли войска, старейшины пришли к командирам подразделений и задали вопрос: почему вы не стреляете по захваченным террористами селам? Ответ тоже был неожиданным, наши офицеры сказали: жалко ваших домов. Потому что построить дом в горах – это непростое дело, поколениями строятся дома. Меня поразил ответ старейшин: не жалейте. Вы знаете, это исключительный

пример патриотизма, причем не только местного, дагестанского, – российского патриотизма [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Высказывания, включающие прямую речь, характеризуют и тех, на кого политик ссылается, и его самого, что обусловлено выбором авторов цитат и их содержанием.

Определенный смысл, передаваемый В. В. Путиным (неприемлемость вооруженных действий), поддерживается комплексом средств на разных уровнях языка. На лексическом уровне следует выделить лексемы, значение которых включает отрицательный компонент (*бесперспективный, зверства*); на морфологическом – усилительные частицы, сопровождающие упомянутые выше лексемы (*абсолютно*); на синтаксическом уровне формированию отрицательного отношения к оружию способствуют 1) синтаксический параллелизм:

<...> воевать с народом – абсолютно бесперспективное дело. Можно смести с политической доски какие-то тиранические режимы, например, режим Саддама Хусейна, но воевать с народом – бесперспективная задача [Там же];

2) вводные конструкции (*хочу это подчеркнуть*);

3) перифраз: *За время правления этого преступного режима там [в Чечне] местных, своих собственных граждан, расстреливали публично на площадях. Я уже не говорю о тех зверствах, которые творили с представителями федеральных служб, военнослужащими и так далее* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

В данном примере перифраз является языковым средством акцентирования внимания на том, что описываемые вооруженные действия ставят под угрозу круг «своих», что автоматически воспринимается адресатом отрицательно. Впечатление от первой части высказывания усиливается посредством следующего далее главного предложения *Я уже не говорю о тех зверствах*.

При описании событий политик косвенно обращается к общечеловеческим ценностям (таким, как патриотизм) и моральным устоям (например, то, что женщин нужно защищать), подчеркивая тем самым бесчеловечность и жестокость описываемых действий.

Итак, в результате анализа лексико-семантического поля «Действия участников вооруженных борьбы» в интервью В. В. Путина были получены следующие результаты.

С точки зрения моделирования имиджа, выделяются оценочные компоненты, вербализуемые в речи В. В. Путина. Например, подготовка вооруженных действий осуществляется инициаторами борьбы (бандитами, террористами и др.) и оценивается политиком отрицательно. Наряду с подготовкой вооруженной борьбы, политик негативно относится к нападению, кем бы оно ни осуществлялось. Такая вербализация действий агрессивно настроенных участников борьбы должна способствовать негативному восприятию противника аудиторией.

Вербализация семантики защиты в некоторых высказываниях В. В. Путина связана с темой патриотизма.

Определенный способ репрезентации в речи политика ситуаций противостояния и сотрудничества участников вооруженных действий способствуют моделированию семантической оппозиции «свой – чужой». Ситуация противостояния представлена политиком как негативное явление, в то время как сотрудничество оценивается положительно.

Неотъемлемым при вербализации исследуемого поля является семантический компонент «оружие», проявляющийся посредством лексем разных частей речи: при описании вооруженных событий политик косвенно обращается к гуманистическим ценностям, подчеркивая жестокость описываемых действий.

Таким образом, посредством поля «Действия участников вооруженной борьбы» моделируется имидж человека, не приемлющего жестокости и насилия, не разделяющего агрессивных действий участников вооруженной борьбы (так

называемые имиджевые роли *Миролюбивого политика, Защитника*), а также роль *Простой человек*, отражающая личностные качества политика и его общечеловеческие моральные ценности.

2.5 Средства вооруженной борьбы

В ходе анализа средств вербализации концепта *Вооруженная борьба* был выделен базовый (на основе частотности актуализации) семантический компонент «оружие», отнесенный к лексико-семантическому полю «Средства вооруженной борьбы» и выражающийся посредством однокоренных единиц типа *оружие, вооруженный, вооружение, разоружение, вооружиться, вооруженный, Вооруженные Силы*, а также иных слов и словосочетаний, например: *бомбардировщики, федеральная силовая составляющая, ракетные удары, боеголовки, средства массового поражения, вооруженные силы, взрывы, дула, расстреливать* и др. Представим несколько контекстов:

Люди, которые пытаются решать пускай даже очень сложные проблемы национального или религиозного характера силой оружия, недостойны поддержки международного сообщества [«Мы разговаривали как мужчина с женщиной», 2001].

Если говорить о главной угрозе XXI века, то я считаю, что главной угрозой является распространение оружия массового поражения [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Там добились только того, что предотвратили возможный вооруженный конфликт, добились того, что они объединили свои усилия. А что здесь плохого и что здесь антигрузинского? Я ничего здесь не вижу такого [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Это был преступный режим, который и избирался-то в свое время под дулами бандитов и международных террористов [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Способы борьбы в репрезентации В. В. Путина делятся на способы, используемые агрессорами и защитниками (подразумевается, что способы борьбы определяют средства): 1) *с помощью силы, силовой путь, оружие, вооруженная провокация, удары и др.*, 2) *мирные средства, пути компромиссов, пути согласия, дипломатические / гуманитарные средства и т.д.* В соответствии с этим в рамках лексико-семантического поля «Средства вооруженной борьбы» выделяются микрополя **«Способы борьбы агрессоров»** и **«Способы борьбы защитников»**.

В интерпретации В. В. Путина стороне противника свойственны преимущественно насильственные средства борьбы. Когда речь идет о применении подобных методов стороной защитников, политик вербализует семантику вынужденности, но не семантические компоненты «оружие» и «насилие»:

Еще раз хочу заявить о том, что действия российской армии были вынужденны. Это было ответом на вооруженную провокацию со стороны грузинского руководства и на убийство наших миротворцев и местных жителей Южной Осетии [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Политик подчеркивает высокую степень деструктивности таких средств и негативно оценивает последствия их использования. Например:

Должны помнить всегда о том, что проблема распространения ядерного и другого оружия массового поражения близко смыкается с другой угрозой, с угрозой терроризма, потому что террористы пытаются получить некоторые средства массового поражения, и это особенно опасно [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Поэтому просто так в массовом порядке проводить спецмероприятия, связанные с так называемыми «зачистками», там, где проживают тысячи людей, мы, к сожалению, не можем. Не можем и использовать так, как в Афганистане использовалась авиация – с использованием тяжелых

бомбардировщиков – по таким населенным пунктам [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

Отрицательное отношение к упоминаемым средствам борьбы формируется благодаря ряду языковых средств, среди которых можно отметить встречающиеся в приведенных фрагментах оценочные единицы в контекстном окружении репрезентанта исследуемого микрополя (*угроза, опасно, недостойны*), наречия с целью усиления смысла (*особенно опасно, близко смыкается с угрозой*), вводные слова, также выражающие оценку (*к сожалению*), лексические повторы (*угроза, не можем*), а также различные средства экспрессивного синтаксиса, например парцелляция и сравнительные обороты, и т.д. Причем, как показывает последний пример, сравнение используется политиком с целью противопоставления своего понимания возможных средств борьбы и тех средств, к которым обращались участники вооруженной борьбы в Афганистане. Это противопоставление подкрепляется формируемыми в высказывании оппозициями «зачистки» ↔ *тысячи людей, тяжелые бомбардировщики* ↔ *населенные пункты*.

В ряде высказываний политик осуждает использование религиозных убеждений как средства борьбы, а также описывает опасность силовых методов борьбы для простого населения.

Ухудшение российско-грузинских отношений связано именно с этим, именно с попыткой или с подготовкой возможного решения юго-осетинской и абхазской проблем силовым путем. Если руководство Грузии решится на это, это будет большой ошибкой и не думаю, что пойдет на пользу грузинскому народу. Ни в коем случае нельзя допустить подобного развития событий [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Не считаю, что здесь причина перепутана со следствием потому, что при любых обстоятельствах нельзя похищать людей, наносить ракетные удары с территории одного государства по территории другого [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Как показал анализ полей, описанных в предыдущих разделах, В. В. Путин уделяет большое внимание военному обеспечению Российской Федерации, характеризующейся политиком как миролюбивое государство, и обеспечению ее безопасности. Это отражается на составе микрополя «Способы борьбы защитников», которое пополняется в значительной степени за счет высказываний, посвященных военной организации России: *военная инфраструктура, военные самолеты, авиация, оборонный комплекс, тренажеры, (военная, ракетная) техника, боеголовки, стратегические подводные лодки, атомные подводные крейсеры, боевые корабли, танки, ракеты, мобильные комплексы, военное оборудование и др.*

Приведем примеры: *По авиации мне до сих пор, например, непонятно: современные войны ведутся, прежде всего, с помощью авиации, она больше всего выходит из строя, изнашивается, а Министерство обороны поставило авиацию в списке приоритетов на восьмое место [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].*

Принята программа вооружений до 2015 года, которая предусматривает развитие всех видов и родов Вооруженных Сил. Это касается авиации. И Вы знаете, что уже в небольших количествах, но все-таки начали поступать «сушки» – Су-34 – штурмовики, причем штурмовики очень хорошего качества, лидеры, по сути дела, мировые лидеры. Надеюсь, что в ближайшее время – до 2012, к 2015 году, надеюсь, – мы выйдем на истребитель нового поколения, который будет закончен и будет поступать на вооружение [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Так что у нас планы не просто большие – они грандиозные. И они абсолютно реализуемые. У меня нет сомнений в том, что мы это сделаем. Наши Вооруженные Силы будут компактными, но очень эффективными и надежно обеспечат безопасность страны на многие годы вперед [Там же].

Конечно, наше оружие пользуется заслуженным авторитетом в мире, заслуженным авторитетом. Это касается и авиации, это касается и систем противовоздушной обороны, БМП, стрелкового вооружения и так далее –

много. И это флот, корабли боевые и вооружение для кораблей [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Семантический компонент «оружие», вербализуемый в речи политика по отношению к России, не связан с проведением вооруженных действий или участием в них. Упоминание об имеющихся средствах государства отражает его мощь и потенциал, способность обеспечить безопасность граждан.

В отношении обороняющейся стороны речь может идти не столько о средствах борьбы, сколько о средствах противостояния в условиях борьбы.

Для вербализации таких средств противостояния политик использует наименования государственных ресурсов и структур (*Вооруженные Силы, федеральная силовая составляющая, Антитеррористический центр* и т.д.), а также лексему *усилия*, в том числе в таких словосочетаниях, как *объединять усилия, поддержать усилия* и фитоморфной метафоре *наращивать усилия*:

Мы поддержали усилия международного сообщества в борьбе с терроризмом, исходящим с территории Афганистана, мы оказываем сейчас гуманитарную помощь афганскому народу [Стенограмма «Прямой линии...», 2001] – реализация имиджевой роли *Попечитель*.

Именно поэтому мы объединяемся с другими странами мира в антитеррористическую коалицию, чтобы помогать друг другу противостоять этим угрозам. И мы будем наращивать эти усилия [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Там добились только того, что предотвратили возможный вооруженный конфликт, добились того, что они объединили свои усилия. А что здесь плохого и что здесь антигрузинского? Я ничего здесь не вижу такого [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Мы будем наращивать федеральные усилия. Создан Антитеррористический центр, и он действует гораздо более эффективно, чем совокупность федеральных органов в середине 90-х годов. <...> Повторяю, из федерального центра мы будем наращивать эти усилия, в том числе и

размещая на постоянной основе наши Вооруженные Силы так, как мы это сделали у вас, в Ботлихе [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Кроме того, в наименованиях таких средств борьбы, как «оборонка», системы обороны, противоракетная оборона, оборонные предприятия, оборонный комплекс, оборонные подразделения актуализируется семантика противостояния и защиты.

Например: *Вы не можете не знать и не чувствовать, что в последние два года все-таки внимание к «оборонке» со стороны государства изменилось, внимание было повышено* [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

И, конечно, развивать «оборонку» нужно в соответствии с планами развития самих Вооруженных Сил [Там же].

Вербализация средств противостояния часто сопровождается актуализацией семантики единства, выражающейся следующими лексемами: *совместно, объединять (усилия), общий* и т.д. Например:

Мы должны исходить из реалий. А реалии таковы, что ситуация в Ираке очень сложная. И она будет еще сложнее, если мы не поймем, что нам нужно объединять усилия для того, чтобы эту ситуацию нормализовать [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Угрозы нужно определить, посмотреть, где они, а потом принять решение о том, как им противостоять. Мы полагаем, что лучше это делать совместно. <...> Думаю, что мы можем выработать общий подход [«Мы разговаривали как мужчина с мужчиной», 2001].

Таким образом, в рамках лексико-семантического поля «Средства вооруженной борьбы» можно выделить микрополя «Способы борьбы агрессоров» и «Способы борьбы защитников». Репрезентанты микрополя «Способы борьбы агрессоров» преимущественно вербализуют семантический компонент «оружие» и именуют насильственные средства борьбы. Политик отмечает их разрушительность и выражает неприятие насилия над мирным населением и манипулирования обществом через религиозные убеждения, которое выражается комплексом лингвистических средств. Вербализация

микрополя «Способы борьбы агрессоров» также вносит вклад в описание угрозы вооруженной борьбы.

В основе микрополя «Способы борьбы защитников» и вербализации средств и способов борьбы со стороны мирно настроенных участников также лежит семантический компонент «оружие». Однако её актуализация в репрезентации В. В. Путина связана не с проведением вооруженных действий или участием в них, а с описанием имеющегося у Российской Федерации запаса средств, с отражением её мощи, способности обеспечить безопасность граждан.

Для наименования средств борьбы В. В. Путин часто использует лексику *усилия*, встречающуюся в интервью политика в метафорических словосочетаниях (*наращивать усилия* и *объединять усилия*).

В целом, при вербализации средств борьбы, кроме семантического компонента «оружие», были выявлены смыслы защиты и единства как значимые компоненты исследуемого микрополя. Например, Президент России использует метафору «зонтик»:

Я думаю, что не нужно быть никаким экспертом, чтобы понять: если одна сторона хочет, либо будет иметь над собой «зонтик» от всяческих угроз, то тогда у нее возникает иллюзия, что ей все можно, и тогда агрессивность ее действий будет многократно возрастать, а угроза глобальной конфронтации достигнет очень опасного уровня [Интервью Владимира Путина японским СМИ, 2009].

Итак, на основе анализа интервью В. В. Путина формируется следующая позиция политика: осуждение силовых методов, поддержание мирных средств (борьбы и разрешения ситуации борьбы):

<...> переговоры – это всегда путь к урегулированию [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

А вот современные угрозы, такие как терроризм, распространение наркотиков, организованная преступность, не решаются в рамках подобных организаций [террористических]. Они решаются современными способами путем повышения степени доверия и сотрудничества на многосторонней, но не

на блоковой основе [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

Мы не хотим допустить распространения этого конфликта. На наш взгляд, никто от этого не выиграет. И как бы не хотелось некоторым силам использовать большие военных возможностей, но мы же знаем все, как происходило в прежние времена. И никто, наверное, не хочет возврата [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

В целом, результаты анализа поля «Средства вооруженной борьбы» позволяют охарактеризовать В. В. Путина как сторонника мирных действий и противника силовых решений конфликтных ситуаций, что моделирует имиджевую роль *Миролюбивый политик*.

2.6 Временная характеристика вооруженной борьбы

К репрезентантам лексико-семантического поля «Время вооруженной борьбы» мы относим все лексемы, реализующие семантические признаки времени (темпоральные признаки), входящие в структуру значения различных языковых единиц в высказываниях политика, связанных с вооруженными действиями.

Составляющими темпоральной сферы, рассматриваемой в рамках данного поля, являются временные планы прошлого, настоящего и будущего. Они входят в понятие «время», которое, наряду с такими понятиями, как «пространство», «судьба» и т.п., принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания [Ушакова, 2002, с. 4]. «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира» [Гуревич, 1984, с. 24–25]. Форма неграмматического выражения темпорального содержания – специализированная лексика, тем не менее «денотативная сфера времени

предполагает не только обращение к ключевым словам и их сочетаемости, но и к неявно присутствующему темпоральному слою в семантике единиц, к неспециализированным средствам выражения данного содержания» [Калиткина, 2010, с. 5].

В своих выступлениях В. В. Путин фокусирует внимание преимущественно на современной эпохе. Языковыми средствами реализации семантики настоящего времени являются словосочетания типа *XXI век* и единицы разных частей речи: наречия (*сегодня*) и прилагательные (*современный*). В высказываниях описывается опасность войн, терроризма и других угроз. Например:

Сегодня мы имеем там дело с международным терроризмом, замешанными на сепаратизме, и теперь это даже трудно разделить [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Конечно, сегодня не только наша страна, но и многие другие страны мира сталкиваются с проблемой терроризма, и очень часто террористы прикрываются исламскими лозунгами [Там же].

Если говорить о главной угрозе XXI века, то я считаю, что главной угрозой является распространение оружия массового поражения [Интервью президента Путина в Сети, 2001].

Современные угрозы, такие как терроризм, распространение наркотиков, организованная преступность, не решаются в рамках подобных организаций. Они решаются современными способами путем повышения степени доверия и сотрудничества на многосторонней, но не на блоковой основе [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007]. <...> *современные войны ведутся, прежде всего, с помощью авиации, она больше всего выходит из строя, изнашивается, а Министерство обороны поставило авиацию в списке приоритетов на восьмое место* [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Большое значение, по мнению В. В. Путина, имеет соответствие используемых средств и методов борьбы стандартам современности.

В основном это касается средств осуществления вооруженной борьбы. Вербализация темпоральной семантики способствует выделению этого аспекта при помощи таких лексем, как *современный* (*современных танков, современной системе материального обеспечения*), *новый* (*новых танков, новых модернизированных ракет, новые баллистические ракеты, новые стратегические комплексы, новейшие достижения в этой сфере, совершенно новые комплексы стратегического назначения*), *актуальный* (*актуальное направление*), *модернизировать* (*модернизированные ракеты*).

В речи В. В. Путина смыслы современности усиливаются преимущественно следующими способами:

- ♦ вербализацией посредством разных лексем в рамках одного словосочетания (*новые модернизированные ракеты*);

- ♦ благодаря лексическим повторам: *Но все-таки многое происходит и с точки зрения переоснащения нашей армии. Это касается современных танков: впервые будут закуплены большие партии новых танков для армии. Мы выходим уже на испытание новых модернизированных ракет, которые будут использоваться как для моря, так и для суши. Мы начинаем закупать новые баллистические ракеты, в том числе мобильные комплексы. <...> Мы разрабатываем и будем ставить на вооружение новые стратегические комплексы* [Стенограмма «Прямой линии...», 2005];

- ♦ использованием прилагательных в превосходной степени: *Но мы исходим из того, что этого достаточно, потому что мы сможем опираться на военно-промышленный комплекс, который у нас, слава Богу, сохранился, на новейшие достижения в этой сфере, на то, что наши ответы всегда будут эффективными и асимметричными* [Стенограмма «Прямой линии...», 2006];

- ♦ наречиями меры и степени: *Ракетная техника будет развиваться, в том числе совершенно новые комплексы стратегического назначения. Не только «Тополя» с разделяющимися боеголовками, но и совершенно новые, я хочу это подчеркнуть, я много раз об этом говорил* [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007];

Антитеррористическое направление нашего взаимодействия является весьма актуальным. Было, есть и, к сожалению, еще достаточно долгое время будет таковым [Интервью индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству «Пи-Ти-Ай», 2007].

Семантика будущего вербализуется в речи В. В. Путина при помощи словосочетаний типа *на многие годы вперед, в ближайшей перспективе, в ближайшее время, в самое ближайшее время* и служит для выражения планов и обещаний (в основном касающихся военной организации страны). Например:

У нас в новейшей истории создалась уникальная ситуация, при которой мы можем создать действительно действенную многопартийную систему с мощным правым центром, с левым центром в виде, скажем, социал-демократической идеи и с их сторонниками и союзниками по обоим флангам: слева и справа, либо даже с маргинальными группами и партиями. Это стало реальной, выполнимой задачей в ближайшей перспективе [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

В ближайшее время мы будем вводить в строй новые атомные подводные лодки: это и «Владимир Мономах», и «Юрий Долгорукий», и некоторые другие объекты [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

И мы эту проблему, повторяю, для всех семей военнослужащих, которые сталкиваются с утратой своих близких, в самое ближайшее время решим именно таким образом [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Надеюсь, что в ближайшее время – до 2012, к 2015 году, надеюсь, – мы выйдем на истребитель нового поколения, который будет закончен и будет поступать на вооружение [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Отметим наличие в приведенных контекстах прилагательных в превосходной степени (*ближайший*), значение которых усиливается в некоторых высказываниях местоимением *самый*. Благодаря такой вербализации планов и обещаний отражается нацеленность политика на результат и вырисовываются имеющиеся перспективы. Кроме того, временная организация высказываний политического деятеля с акцентом

на настоящее и будущее соответствует имиджу прогрессивного политика и представителя сильного государства.

Настоящее и прошлое представлены в речи политика посредством сравнения данных временных планов (1) и репрезентации современного положения дел как результата прошлого (2).

1. Формальным показателем сопоставления прошлого и настоящего, а часто и противопоставления, является наречия времени *тогда* ↔ *сегодня* или же перифраз одного из двух элементов (*Но ведь это была война <...> ↔ сегодня*) и уточнению (*тогда, в 99-м году ↔ сегодня*):

Мы же помним: вот тогда, в 99-м году, потребовался не один день, пока из Каспийска подошла морская пехота. Сегодня эти возможности есть прямо на месте [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Но ведь это была война, город был в осаде, в блокаде. Действовали определенные правила, функционировал на улицах Москвы так называемый «Смерш» – «Смерть шпионам!» Вплоть до расстрела на месте. Ясно, что сегодня, при таком потоке приезжающих в столицу, мы не в состоянии работать такими методами [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Сравнивая эпохи, политик демонстрирует достижения страны, появившиеся возможности или подчеркивает значительные изменения между эпохами настоящего и прошлого, например в методах борьбы.

2. В ряде высказываний В. В. Путин представляет современные политические сложности как последствия определенных исторических периодов развития страны. Соотношение временных планов уточняется в высказываниях с помощью лексем *после, тогда, сегодня, результат, доставаться*. Например:

Тогда это было результатом Второй мировой войны, а сегодня здесь у нас это результат распада Советского Союза. И сегодня осетинский народ оказался точно в таком же положении, как немецкий народ после Второй мировой войны [Интервью президента России В. Путина германской газете «Зюддойче цайтунг», 2006].

Что касается Закавказья, то нам с советских времен досталось там немало проблем [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

Мы знаем предысторию этих отношений между народами Абхазии, Южной Осетии. <...> Это все тяжёлая история, доставшаяся нам в наследство. Надо помнить это, знать об этом и действовать крайне аккуратно [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Актуальность событий прошлого для настоящего времени также усиливается в результате реализации перфектного значения формы прошедшего времени совершенного вида глаголов:

<...> после распада Советского Союза нам досталось очень много конфликтов от прежних времен. Это и карабахский конфликт, это юго-осетинский, это абхазский [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Представление современных проблем, таких как терроризм, как результата прошлого освобождает политика от ответственности за их наличие лишь с исторической точки зрения, а выстраивание логических цепей из исторических событий характеризует В. В. Путина как политика-аналитика.

Вербализация семантики прошлого в речи В. В. Путина тесно связана с темой истории (упоминанием исторических дат, событий, эпох и т.д.), которая актуализируется посредством следующих слов и словосочетаний: *история нашего Отечества, история мировая, времена Второй мировой войны, тяжёлая история, предыстория* и др.

Например: *В отношениях между нашими государствами существовало много периодов самого тесного и плодотворного сотрудничества. Достаточно вспомнить, например, историю XIX века, когда мы были военными союзниками [Мы близки, как никогда прежде, 2005].*

В рамках исторической парадигмы В. В. Путин также выделяет конкретные исторические события прошлого, наложившие отпечаток на судьбу страны: *во время Великой Отечественной войны, в период Первой мировой войны, эпизоды Второй мировой войны* и др.:

В условиях глобальных кризисов взаимные интересы преобладают над какими-то противоречиями. Так было и в период Первой мировой войны, это было и в период Второй мировой войны [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].

Я понимал, что заканчивается целая эпоха, эпоха конфронтации в Европе [Мы близки, как никогда прежде, 2005].

Кроме того, в высказываниях политика зафиксированы метафорические репрезентации исторического процесса, например сотрудничество русских и грузин в военном деле представлено как «совместные страницы», а также отношения между Абхазией и Южной Осетией как «наследство». Например:

Грузины, так же как и русские, – православные христиане. И даже в такой чувствительной сфере, как военное дело, у нас очень много ярких совместных страниц [Интервью президента России В. Путина германской газете «Зюддойче цайтунг», 2006].

Мы знаем предысторию этих отношений между народами Абхазии, Южной Осетии. Мы помним, что еще в 20-м году были совершены три карательные операции грузинскими вооруженными силами в отношении осетин. Это все тяжелая история, доставшаяся нам в наследство. Надо помнить это, знать об этом и действовать крайне аккуратно [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Особое отношение к упоминаемым В. В. Путиным событиям вербализуется путем лексических единиц, сопровождающих репрезентанты временной семантики и выражающих положительную оценку, которая в некоторых контекстах усиливается лексемой *очень* или употреблением имен прилагательных в положительной и превосходной степени: *знаменательный, очень важные, ярчайшие, очень много ярких совместных страниц* и др. Например: *Конечно же, в историю нашего Отечества, в историю мировую, войдет Сталинградская битва, как один из ярчайших эпизодов Второй мировой*

войны, которым мы все по праву гордимся [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Что касается наград времен Второй мировой войны. Действительно, мы приближаемся к очень знаменательной дате – 60-летию окончания Второй мировой войны, победы над нацизмом. Как Вы знаете, по инициативе Российской Федерации на Генеральной ассамблее ООН было принято решение о том, что мы будем отмечать 8 и 9 мая как день примирения, согласия. И мы считаем, что вот такая поддержка, такой настрой международного сообщества, такое отношение к этим событиям и к этой дате являются очень важными [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Другим способом актуализации семантики прошлого в речи В. В. Путина является обращение к теме памяти, вербализованной такими лексическими единицами, как *память, помнить, вспоминать, забывать* и др.

В некоторых контекстах их семантика усиливается наречиями времени *всегда* (помнить), *никогда* (не забывать), словосочетаниями типа *на всю жизнь* и др., выражающих безграничность воспоминаний. Например:

Без всяких сомнений, у нас, во всяком случае у меня, думаю, что практически у всех наших граждан в памяти останутся такие события, как трагедия в Беслане [Там же].

И хочу Вас заверить, где бы ветераны ни проживали: в Украине, в Таджикистане, в Казахстане, в Узбекистане, в любой стране, даже за пределами бывшего Советского Союза – мы всегда будем о вас помнить и детям своим напомним помнить о вас без всяких границ во времени и пространстве. Мы в долгу перед вами и не забудем этого никогда [Интервью украинским телеканалам «УТ-1», «Интер» и «1+1», 2004].

Мы не имеем права забывать об участниках Второй мировой войны, и я с вами согласен: еще в те времена многие награды не дошли до тех, кто должен их получить [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

В результате такой репрезентации исторических событий разрушаются временные границы, а также устанавливаются константы в виде описываемых

событий (Вторая мировая война, Сталинградская битва, трагедия в Беслане, трагедия на Дубровке и др.).

При актуализации временных планов прошлого, настоящего и будущего в современной политической и медийной коммуникации значимым является предоставление фактической информации [Бушев, 2012, с. 7]. В. В. Путин также обращается к фактам при вербализации всех временных планов. Существующее положение дел политический деятель описывает посредством обстоятельств времени типа *сейчас, сегодня, на данный момент* и др. Например:

Напомню Вам, а Вы это знаете наверняка, что пенсия инвалидов Великой Отечественной войны сейчас у нас 8900 рублей с копейками [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Но самая главная проблема у нас сегодня – это, конечно, проблема обеспечения военнослужащих жильем: сегодня у нас 90 тысяч бесквартирных офицеров, прапорщиков, мичманов. Она решается недостаточно эффективно. В этом году, на данный момент – 13,7 или 13,8 тысячи военнослужащих только получили квартиру [Интервью президента Путина в Сети, 2001].

В некоторых высказываниях актуализируется динамика изменений, происходящих в стране и в мире. Тогда политик указывает 1) либо две даты или более, относительно которых фиксируются и сравниваются данные, 2) либо определенный отрезок времени. Например:

1) С 1 января 2005 года ни одного военнослужащего срочной службы, проходящего службу по линии Министерства обороны, в Чеченской Республике уже не будет. С 1 января 2006 года ни одного военнослужащего, проходящего воинскую службу во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, быть не должно [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Мы будем наращивать федеральные усилия. Создан Антитеррористический центр, и он действует гораздо более эффективно, чем совокупность федеральных органов в середине 90-х годов. Свидетельством тому является последовательное сокращение количества террористических

актов. *В 2005 году их было где-то в районе, по-моему, двухсот пятидесяти, в 2006 году уже было сто с небольшим, 130, по-моему <...>. Это не дутые цифры, это реалии, но все-таки еще много тревожных фактов* [Стенограмма «Прямой линии...», 2007];

2) *Могу вас проинформировать, что только за полтора последних года уволено из центрального аппарата свыше 130 генералов* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Вы не можете не знать и не чувствовать, что в последние два года все-таки внимание к «оборонке» со стороны государства изменилось, внимание было повышено [Интервью президента Путина в Сети, 2001].

В высказываниях такого типа ключевая роль принадлежит числительным, обеспечивающим точность предоставляемых политическим деятелем данных.

Оба способа репрезентации фактической информации служат для демонстрации прогресса в чем-либо, улучшения ситуации в стране, что характеризует В. В. Путина как *успешного политика, политика-профессионала*.

Итак, анализ лексико-семантического поля «Время вооруженной борьбы» показал, что в речи В. В. Путина актуализируются три плана времени: прошлое, настоящее, будущее. Центром временной организации речи В. В. Путина является современная эпоха. Семантика настоящего времени служит важным элементом при характеристике текущего положения дел в стране и в мире, установления существующих проблем и демонстрации соответствия Российской Федерации современным стандартам.

В связи с семантикой настоящего вербализуются временные планы будущего и прошлого. Семантика будущего в речи В. В. Путина связана преимущественно с установлением планов и перспектив.

Сопоставление настоящего и прошлого демонстрирует произошедшие в ходе истории изменения в стране и в мире. Семантика прошлого актуализируется посредством обращения к темам истории и памяти. Благодаря этому политик разрушает временные границы, демонстрирует масштабность своего мышления и чувство времени.

Таким образом, формируются имиджевые роли *Современный политик, Успешный политик, Политик-профессионал*.

2.7 Пространство вооруженной борьбы

В высказываниях В. В. Путина есть множество прямых указаний на место проведения вооруженных действий: наименования государств, городов, населенных пунктов (*место, страна, территория, Россия, Российская Федерация, Чечня, Афганистан, Иран, Ирак* и т.д.), служащих в основном для предоставления фактической информации.

К сожалению, борьба с террором – если он, по сути дела, занялся тем, что уже оккупирует целые страны и начинает, конечно, с беднейших стран, как Афганистан – в данном случае, требует и времени, и сил, и совместных усилий [Владимир Путин: Расширение НАТО на Восток – бесполезное и никчемное занятие, 2001].

В большинстве случаев данные лексические единицы предстают в составе предложно-падежных конструкций в роли обстоятельства места.

<...> не нужно было нападать на соседние места. Это агрессия, которая вылилась уже на другую территорию Российской Федерации [Интервью президента Российской Федерации В. В. Путина телеканалам ОРТ, РТР и «Независимой газете», 2000].

Россия была одной из первых стран, которая столкнулась с международным терроризмом на своей собственной территории [Владимир Путин: Расширение НАТО на Восток..., 2001].

Обозначение места вооруженных действий выполняет ключевую роль в некоторых словосочетаниях, которые приобрели устойчивость в массовом сознании. К таковым относятся, например, *трагедия в Беслане, в торговом центре Нью-Йорка, захват заложников на Дубровке* и др. Внимание к подобным событиям характеризует Президента России не просто как

осведомленного политика, но и как человека, разделяющего всеобщее переживания, боль (в контексте трагических происшествий).

Хотя, без всяких сомнений, у нас, во всяком случае у меня, думаю, что практически у всех наших граждан в памяти останутся такие события, как трагедия в Беслане [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Россия вздрогнула ещё раньше, когда сотни людей погибли в Москве и других крупных городах от взрывов жилых домов. Я вас уверяю, что кровь русских людей, которые погибли в Москве в это время, ничем не отличается по цвету от крови тех русских, которые погибли в торговом центре в Нью-Йорке и, конечно же, никак не отличается от крови тех погибших в Нью-Йорке 11 сентября людей, которые представляют другие страны и другие народы [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Кроме предложно-падежных оборотов, в основе которых лежит существительное, пространственной семантикой могут обладать лексические единицы, относящиеся к другим частям речи: глаголу (*располагаться, двигаться к ...*), причастию (*дивизия, размещенная ...*), имени прилагательному (*территориальные проблемы, местные жители, линейные части*), союзным словам (*где*). Визуальному представлению ситуации вооруженной борьбы также способствуют отглагольные существительные *вывод, приближение* и т.д.

Как было отмечено ранее, характерной чертой лексико-семантического поля является то, что оно не имеет жестких границ и открыто для включения в его состав новых элементов и исключения единиц из него. Подтверждением этого может служить возможное пересечение полей «Участники вооруженной борьбы» и «Пространство вооруженной борьбы», например, в том случае, когда название государства / города может трактоваться и как участник, и как место военных действий: *Нам нужно вместе – и вместе с американцами, и вместе с европейцами – определить характер и суть этих ракетных угроз. Надо понять, исходит угроза от Ирана, исходит она от Северной Кореи, исходит она от каких-то террористических организаций или ее на самом деле не существует [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].*

Другие населенные пункты, которые действовали не менее героически, например, Цумадинский район [Там же].

В подобных высказываниях с помощью метонимии политик, оперируя названиями государств, говорит об их гражданах, тем не менее, географический фактор также играет важную роль в высказывании.

Пересечение лексико-семантических полей возможно и в других вариациях, например, относительно пространства и средств вооруженной борьбы: *распространение оружия массового поражения, распространение ядерного и другого оружия массового поражения, ракеты дальнего радиуса действия, системы будут менять направление по курсу и по высоте и др.*

Пространственная организация вооруженных столкновений также вербализуется в речи В. В. Путина военной терминологией:

- *зона конфликта, зона безопасности, зона боевых действий;*
- *по обоим флангам: слева и справа; на фронтах Великой Отечественной войны; И не в последнюю очередь внимание будет уделяться солдатам, бойцам на возможном поле боя [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].*

Владение военной терминологией, осведомленность политика и конкретика в описании ситуации и условий борьбы, с одной стороны, создает ощущение мужественности, с другой – характеризует В. В. Путина как *политика-профессионала*.

Значимость территориальных условий и неприятие ситуации вооруженного столкновения неоднократно подчеркивается В. В. Путиным, в частности в контексте обсуждения выборов в Ираке: *А когда мы предложили проконтролировать выборы в Чеченской Республике – нет, нельзя, потому что условия не созданы, хотя там и боевых действий не было давно уже, и созданы органы власти и управления. А в условиях стопроцентной оккупации иракской территории можно проводить выборы! Там с июня по ноябрь только в одном Багдаде 3500 человек гражданского населения погибло, а в Эль-Фаллудже вообще никто не считал. По нашим данным, вчера только в девяти городах, крупных населенных пунктах шли боевые действия – нормальные условия*

созданы, можно проводить выборы. А в Чечне нельзя! Мы считаем, это недопустимо – так подходить к решению важных вопросов, которые интересуют всех [Стенограмма «Прямой линии...», 2004]. Так, территориальная характеристика вооруженного конфликта может служить критерием целесообразности тех или иных политических действий.

Особую значимость приобретает вербализация семантики места и пространства вооруженных действий в политической коммуникации в контексте современного терроризма.

Естественно, когда нам говорят, давайте, упомянем Сирию, Иран или еще какую-то страну. А почему не упомянуть и других, которые укрывают на своей территории людей, которые совершенно очевидно являются террористами? [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

В случае с Ближним Востоком, в палестино-израильском конфликте, если бы вы меня спросили, где должны стоять эти войска, надо еще подумать, где вот эта линия разъединения [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Вы знаете, конечно, многое происходит от внимания федерального центра к каким-то вопросам, прежде всего социального характера, рабочие места и так далее. Но многое иницируется и из-за рубежа, из так называемых международных террористических центров [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

В рамках лексико-семантического поля «Пространство вооруженной борьбы» были выявлены смыслы масштабности боевых действий (в первую очередь, это связано с терроризмом), которые актуализируются посредством синтаксических оборотов (*не только..., но и...*), а также таких лексем, как *крупномасштабный, всемирный* и др.:

Не только наша страна, но и многие другие страны мира сталкиваются с проблемой терроризма [Стенограмма «Прямой линии...», 2002]; Мы знаем о достаточно напряженной ситуации во многих регионах нашей планеты, и не только на Ближнем Востоке и Ираке, но и в других регионах;

крупномасштабное наступление на Москву [Стенограмма «Прямой линии...», 2004]; *крупномасштабные боевые действия* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002]; *создание вот этого пресловутого всемирного халифата* [Там же].

Обширность происходящих вооруженных столкновений представляется Президенту России нежелательным явлением, что выражено модальными глаголами с отрицанием (*не хотим*), индивидуально-авторским словом (*купировать* в значении «сократить») и др.

Мы не хотим допустить распространения этого конфликта [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Современные угрозы, а главная из них – это международный терроризм, могут быть купированы с помощью расширения военно-политической организации [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

Кроме того, в ряде высказываний затронута тема поиска: *Они [официальные ливанские правительственные источники] полагают, что нанесение ударов по объектам инфраструктуры напрямую не связано с поиском украденных солдат, либо с достижениями других целей, о которых объявляет Израиль* [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Значимость данной темы для политика выражается в усилении смысла при помощи повторения, обращении к уточняющим конструкциям, перифразу, в употреблении лексических единиц, семантика которых так или иначе включает сему поиск: *Поэтому мы должны смотреть, кто финансирует терроризм, где укрываются террористы, на каких территориях они находят убежище и где они скрываются и готовятся к своим преступлениям, что является причиной для распространения, где узкие места, которые позволяют кому-то надеяться на получение оружия массового поражения* [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

Если бы он знал, где реально располагаются, в каком доме, те или иные известные бандиты, и имел бы возможность их захватить [Стенограмма «Прямой линии...», 2001].

В языковой реализации пространственного значения вербализуется одна из самых значимых тем, свойственных политической коммуникации – тема патриотизма.

И нас особенно беспокоит приближение военной инфраструктуры к нашим границам [Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА, 2007].

Она движется к нашим границам? Двигается [«Мы разговаривали как мужчина с женщиной», 2001].

Для нашей страны это крайне актуально, потому что у нас есть такие территории компактного проживания мусульман, и на эти территории, на этих граждан нашей страны и обращено внимание таких деструктивных сил, которых мы называем международными террористами [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

Во-первых, что касается статуса города воинской славы. Конечно, такие города, как Ржев, давно этого заслужили. Ведь в 42–43-м годах именно благодаря воинам, которые сражались на вашей земле, была предотвращена попытка гитлеровских войск организовать второе крупномасштабное наступление на Москву. И это очень важная веха в развитии ситуации на фронтах Великой Отечественной войны [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Основным языковым средством выражения темы патриотизма являются притяжательные местоимения (*наш, ваш*), которые усиливают эмоциональное воздействие высказывания в целом. Кроме того, символом Родины (не только своей, но и других людей) в репрезентации В. В. Путина часто выступает дом / крепость. Например:

Люди просто без всякого подталкивания извне, из федерального центра, взяли в руки оружие и встали на защиту интересов России и своих собственных домов [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

Их военный бюджет в – абсолютных величинах – почти в 25 раз больше, чем у России. Вот это и называется в оборонной сфере «Их дом – их крепость». И молодцы. Молодцы! [Словесная война, 2006].

Однако в интервью В. В. Путина встречаются и другие метафорические обозначения места действиями. Пример развернутой метафоры: *Дело в том, что мы очень хорошо знаем ситуацию в других регионах мира, в том числе и в горячих точках Российской Федерации. Слава Богу, они охлаждаются последовательно, не в последнюю очередь с помощью поддержки исламских государств, которые вносят конструктивный вклад в разрешение тяжелых чеченских проблем на Северном Кавказе в России* [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006] – тактильные метафоры.

Тема патриотизма тесно связана с темой единства, в данном случае территориального, поэтому такие слова и словосочетания, как *дезинтеграция, «югославизация»* (развал государства, как в Югославии), *развал, отделение, отторжение территорий, сепаратизм, распад*, получают отрицательную оценку со стороны политика при помощи модальных глаголов с отрицанием (*не хотим*), а также сочетаемости представленных лексических единиц с негативной коннотацией, например *хуже*:

Но на самом деле у них совершенно другие цели, – не независимость Чечни, – территориальное отторжение всех территорий компактного проживания мусульманского населения. Разумеется, мы должны этому противостоять, если мы не хотим развала нашего государства. А если это произойдет, то тогда у нас будет хуже, чем в Югославии. Это будет «югославизация» России в худшем её варианте [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Анализ вербализации лексико-семантического поля «Пространство вооруженной борьбы» в интервью В. В. Путина позволяет сделать следующие выводы.

Посредством военной терминологии создается имидж мужественного, рационального и профессионального политика; апелляция к общечеловеческим ценностям (репрезентация страны как дома, ассоциативная связь *место* <—> *потеря близких родственников / соотечественников / невинных людей* и др.) способствует формированию имиджевой роли *Простого человека*. Фрагменты интервью В. В. Путина, посвященные проблеме выборов в Ираке в условиях оккупации, являются примером вербализации имиджевой роли *Справедливый политик*.

Актуализация пространственной семантики в речи В. В. Путина в большинстве случаев сопровождается обсуждением проблемы терроризма, который охватывает огромную территорию по всему миру и представляет собой глобальную угрозу.

Одной из ключевых тем, актуализированных в исследуемых контекстах, является тема патриотизма, составляющая необходимый элемент имиджа политика.

2.8 Последствия вооруженной борьбы

В речи В. В. Путина были выделены репрезентанты лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы». Интегральным компонентом большинства лексем (51%), называющих результаты боевых действий, является семантика смерти, которая реализуется в таких лексемах, как *гибель / погибнуть / гибнуть / погибшие, кровь, утратить / утрата / потерять*. Например: *Это не дутые цифры, это реалии, но все-таки еще много тревожных фактов. Все-таки вылазки еще имеют место быть, все-таки еще люди гибнут* [Стенограмма «Прямой линии...», 2007].

При вербализации семантики смерти отдельную группу высказываний составляют те, в которых говорится о потерях близких, родственников, родителей и др.: *У всех у нас в памяти еще долго будет оставаться трагедия с захватом заложников на Дубровке, а у тех людей, у тех наших граждан, которые потеряли своих близких в результате этого террористического акта, это, конечно, останется на всю жизнь* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

<...> в отношении всех других семей, которые утратили своих родственников в результате различного рода катаклизмов в России, особенно это касается военнослужащих, которые отдали свою жизнь за интересы государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2003].

<...> И мы эту проблему, повторяю, для всех семей военнослужащих, которые сталкиваются с утратой своих близких, в самое ближайшее время решим именно таким образом [Там же].

Упоминание об общечеловеческих ценностях (в данном случае речь идет о семье) может способствовать созданию имиджевой роли *Простого человека*.

Лексические повторы репрезентантов лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы», а также введение придаточных предложений посредством главных частей, например *Напомню, что <...>; Я вас уверяю, что <...>*, являются средством привлечения внимания к ключевым понятиям высказывания:

Мы принимаем активное участие в миротворческих операциях там, стараемся предотвратить конфликт. Напомню, что многие наши военнослужащие погибли, исполняя этот интернациональный долг, погибли, отдали свою жизнь для решения этой задачи [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

11 сентября мир вздрогнул, потому что это действительно было дерзкое преступление против всего человечества. Но Россия вздрогнула ещё раньше, когда сотни людей погибли в Москве и других крупных городах от взрывов жилых домов. Я вас уверяю, что кровь русских людей, которые погибли в Москве в это время, ничем не отличается по цвету от крови тех русских,

которые погибли в торговом центре в Нью-Йорке и, конечно же, никак не отличается от крови тех погибших в Нью-Йорке 11 сентября людей, которые представляют другие страны и другие народы [Пресс-конференция Президента России В. В. Путина 15 января 2002 года].

В. В. Путин обращает внимание на нарастание описываемых человеческих потерь:

1) употребление глагола (*гибнуть*) в форме настоящего времени, которое также сопровождается использованием вводных слов, выражающих уверенность (*действительно*), усилительных частиц (*все-таки*), градации и др. Например:

Действительно, люди гибнут [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Это не дутые цифры, это реалии, но все-таки еще много тревожных фактов. Все-таки вылазки еще имеют место быть, все-таки еще люди гибнут [Стенограмма «Прямой линии...», 2007];

2) масштабность числа человеческих жертв также демонстрируется В. В. Путиным по следующей схеме: приводятся фактические данные в виде внушительной цифры в одной части высказывания → в другой части высказывания более высокая цифра подразумевается, но не указывается, что создает ощущение чрезмерности количества погибших в результате вооруженных действий:

Между прочим, по разным подсчетам, там, в результате этнических чисток, погибло до 30 тысяч человек, а, может быть, даже больше [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Там [в Ираке] с июня по ноябрь только в одном Багдаде 3500 человек гражданского населения погибло, а в Эль-Фаллудже вообще никто не считал [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

Насколько нам известно, после окончания боевых действий уже погибли около 40 американских военнослужащих. А погибших с иракской стороны уже просто никто не считает [Владимир Путин дал интервью Би-би-си, 2003].

В некоторых высказываниях выстраиваются более сложные логические цепи, касающиеся результатов вооруженных действий, например вооруженные действия → гибель родителей → беспризорники:

Ведь очень много беспризорных детей при живых родителях – в отличие от ситуации в то время, о котором Вы вспомнили, после Гражданской войны. Там-то беспризорники появлялись в связи с тем, что родители погибли на фронтах Первой мировой или Гражданской войны, а здесь очень много беспризорных детей при живых родителях. Вот в чем проблема [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Последствия вооруженных действий вербализуются в речи В. В. Путина также при помощи лексики *жертвы*: *Разумеется, мы должны этому противостоять, если мы не хотим развала нашего государства. А если это произойдет, то тогда у нас будет хуже, чем в Югославии. Это будет «югославизация» России в худшем её варианте и жертв будет гораздо больше [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].*

У нас есть обратная связь, но, к сожалению, пока не на наше заявление, а на наши попытки оказать влияние в направлении прекращения огня и сокращения человеческих жертв [Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне, 2006].

Отнесенность выделенных лексем к результатам борьбы в репрезентации В. В. Путина подтверждается наличием в высказываниях политика лексики *результат* и выражений типа *в конечном итоге, приводит к <...>*. Например: *Чего, например, стоят периодические удары с воздуха по объектам инфраструктуры террористов, результатом которых являются многочисленные жертвы среди мирного населения [Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро», 2008].*

Между прочим, по разным подсчетам, там, в результате этнических чисток, погибло до 30 тысяч человек, а, может быть, даже больше [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].

Вы упомянули случай с нападением на выходцев из Кавказа на московских рынках. Я могу Вам сказать, что все участники, все зачинщики этих беспорядков и те, кто в конечном итоге привели к гибели людей, привлечены к уголовной ответственности [Там же].

Последствия вооруженных действий (в частности войны) также актуализируются в названии отдельной категории граждан Российской Федерации – инвалиды Великой Отечественной войны:

Действительно, праздник прошел, но принятые решения, решения, которые были приняты в отношении ветеранов Великой Отечественной войны, инвалидов, а это почти одна и та же категория, они все не только приняты, но и осуществляются. Напомню Вам, а Вы это знаете наверняка, что пенсия инвалидов Великой Отечественной войны сейчас у нас 8900 рублей с копейками <...> [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Уже говорил в ходе сегодняшней нашей встречи, повторю еще раз: например, обеспечение жильем, бесплатным жильем ветеранов, инвалидов Великой Отечественной войны будет увеличено с федерального уровня в разы [Там же].

Эти деньги поступят в регионы для решения жилищных проблем инвалидов и участников Великой Отечественной войны [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Кстати сказать, на жилищное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в разы увеличивается государственное финансирование со следующего года – в разы, хочу это подчеркнуть [Там же].

Словосочетание *инвалиды Великой Отечественной войны* функционирует в речи политика не только в качестве устойчивого словосочетания – наименования категории граждан. Политик подчеркивает цену победы через упоминание деструктивных последствий.

Значимым репрезентантом лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы» является лексема *победа* (21% случаев вербализации исследуемого поля), которая, в отличие от других репрезентантов поля,

обозначает положительные последствия боевых действий и используется исключительно в контекстах Великой Отечественной войны / Второй мировой войны:

Что касается наград времен Второй мировой войны. Действительно, мы приближаемся к очень знаменательной дате – 60-летию окончания Второй мировой войны, победы над нацизмом [Стенограмма «Прямой линии...», 2004].

<...> уровень доходов и уровень пенсионного обслуживания тех, кто, как они говорят, воевал, был под пулями, все-таки должен быть немножко выше, чем уровень пенсионных доходов тех людей, которые выполняли исключительно важную функцию в годы войны, трудились, не жалея своего здоровья, а подчас даже и самой жизни своей, для общей Победы, но все-таки были в тылу [Стенограмма «Прямой линии...», 2006].

Спасибо за оценку организации 60-летия Победы. Этим праздником мы прежде всего обязаны вам, ветеранам Великой Отечественной войны. Не было бы ваших подвигов во время Великой Отечественной войны, не было бы и этого праздника [Стенограмма «Прямой линии...», 2005].

Такие слова и словосочетания, как *добыть победу, трудиться для победы, подвиги*, представляют победу не как случайное явление, а как результат, к достижению которого были приложены большие усилия.

К репрезентантам лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы» можно также отнести такие лексемы, как *ужас* и *трагедия*:

Следуя логике сегодняшней российской политики, считаю, что, после того, как Германия сделала правильные выводы из ужасов Второй мировой войны, после того, как принесла покаяние и создала механизмы, которые предотвращают повторение трагедий прошлого [Мы близки, как никогда прежде, 2005].

Прослеживается вербализация результатов вооруженных действий относительного временного плана. Так, большинство представленных репрезентантов (*потери, гибель, жертвы, ужасы, трагедии* и др.) исследуемого

лексико-семантического поля вербализует последствия вооруженных действий, происходящих в прошлом. Относительно настоящего времени подчеркивается гибель людей (*Действительно, люди гибнут* [Стенограмма «Прямой линии...», 2002]). Для представления возможных результатов вооруженных действий В. В. Путин использует лексемы *жертвы*, а также *развал* (государства) / «югославизация» (синонимичны в рамках высказывания), которые получают отрицательную оценку в рамках высказывания (*не хотим, хуже, худший* и т.д.).

Итак, анализ лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы» выявил следующее. Интегральным признаком лексического значения большинства слов и словосочетаний, именующих результаты боевых действий, является семантика смерти.

Констатация отрицательных результатов вооруженных действий сопровождается в речи политика вводными словами, усилительными частицами, высказываниями со сложной логической структурой, градацией и другими языковыми средствами. Положительный результат Второй мировой войны вербализуется исключительно лексемой *победа*.

Упоминание об общечеловеческих ценностях (в частности семьи и утраты родных и близких в результате вооруженных действий) способствует созданию имиджевых ролей *Простой человек* и *Миролюбивый политик*. Посредством актуализации темы памяти моделируется роль *Патриот*.

Выводы по главе 2

В главе 2 рассмотрены способы реализации лексико-семантических полей, организующих концепт *Вооруженная борьба*, выявлены имиджевые роли российского лидера В. В. Путина, предложены «ярлыки» ролей, наиболее полно отражающие содержание роли и определенным образом характеризующие политика (табл. 1).

Имиджевые роли В. В. Путина

Имиджевая роль	Пример
<i>Патриот</i>	<i>Вы знаете, это ведь моральные основы любой – и не в последнюю, а может быть, в первую очередь, русской, Российской армии. Давайте вспомним Суворова, вспомним наших выдающихся военачальников, которые всегда наказывали всем офицерам беречь русского солдата. Это моральная основа всех наших Вооруженных Сил, так должно быть [Стенограмма «Прямой линии...», 2005]</i>
<i>Защитник</i>	<i><...> конечно, вопрос обеспечения безопасности будет стоять у нас во главе угла. Это – один из приоритетов государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2002]</i>
<i>Миролюбивый политик</i>	<i>Люди, которые пытаются решать пускай даже очень сложные проблемы национального или религиозного характера силой оружия, недостойны поддержки международного сообщества [«Мы разговаривали как мужчина с женщиной», 2001]</i>
<i>Борец</i>	<i>Но на самом деле у них совершенно другие цели, – не независимость Чечни, – территориальное отторжение всех территорий компактного проживания мусульманского населения. Разумеется, мы должны этому противостоять, если мы не хотим развала нашего государства [Стенограмма «Прямой линии...», 2004]</i>
<i>Политик, призывающий к объединению</i>	<i>Именно поэтому мы объединяемся с другими странами мира в антитеррористическую коалицию, чтобы помогать друг другу противостоять этим угрозам [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].</i>

<i>Сострадающий политик</i>	<i>У всех у нас в памяти еще долго будет оставаться трагедия с захватом заложников на Дубровке, а у тех людей, у тех наших граждан, которые потеряли своих близких в результате этого террористического акта, это, конечно, останется на всю жизнь [Там же]</i>
<i>Простой человек</i>	<i>[Я] был лейтенантом и начал получать первую свою заработную плату – 180 рублей [Стенограмма «Прямой линии...», 2001]</i>
<i>Справедливый политик</i>	<i>Вы упомянули случай с нападением на выходцев из Кавказа на московских рынках. Я могу Вам сказать, что все участники, все зачинщики этих беспорядков и те, кто в конечном итоге привели к гибели людей, привлечены к уголовной ответственности. Их всего пять, они осуждены и осуждены к большим срокам лишения свободы [Стенограмма «Прямой линии...», 2002].</i>
<i>Попечитель</i>	<i>Мы поддержали усилия международного сообщества в борьбе с терроризмом, исходящим с территории Афганистана, мы оказываем сейчас гуманитарную помощь афганскому народу [Стенограмма «Прямой линии...», 2001]</i>
<i>Профессионал</i>	<i>С 1 января 2005 года ни одного военнослужащего срочной службы, проходящего службу по линии Министерства обороны, в Чеченской Республике уже не будет. С 1 января 2006 года ни одного военнослужащего, проходящего воинскую службу во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, быть не должно [Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 2004]</i>

<i>Успешный политик</i>	<i>Вы не можете не знать и не чувствовать, что в последние два года все-таки внимание к «оборонке» со стороны государства изменилось, внимание было повышено [Интервью президента Путина в Сети, 2001]</i>
<i>Современный политик</i>	<i>Но все-таки многое происходит и с точки зрения перевооружения нашей армии. Это касается современных танков: впервые будут закуплены большие партии новых танков для армии. Мы выходим уже на испытание новых модернизированных ракет, которые будут использоваться как для моря, так и для суши. Мы начинаем закупать новые баллистические ракеты, в том числе мобильные комплексы. <...> Мы разрабатываем и будем ставить на вооружение новые стратегические комплексы [Стенограмма «Прямой линии...», 2005]</i>

Некоторые из представленных ролей пересекаются друг с другом. Так, роль *Патриот* проявляется в высказываниях политика эксплицитно и имплицитно: реализуется посредством специфической семантики, воплощающей категории Добра и Зла, которая проявляется при вербализации концепта *Вооруженная борьба* и входящих в него полей.

В репрезентации В. В. Путина имиджевая роль *Патриот* подразумевает не просто любовь к Родине, но и стремление защитить страну, сохранить её целостность, обеспечить необходимыми средствами, а также благодарность людям, осуществляющим это в ходе вооруженной борьбы, уважение к ним.

Имиджевые роли *Защитник*, *Миролюбивый политик*, *Политик, призывающий к объединению*, *Сострадающий политик*, *Попечитель* выделены на основании того, что В. В. Путин проявляет себя определенным образом (в соответствии с ролью) как по отношению к России, так и по отношению к другим странам, страдающим от вооруженных действий. Например, будучи

Миролюбивым и Сострадающим политиком, российский лидер выражает личное негативное восприятие боевых действий, агрессивных средств борьбы, деструктивных целей, а также апеллирует к нуждам и интересам людей – представителей разных стран мира. Призыв к объединению, выражаемый политиком, касается как территориального единства, так и объединения усилий в борьбе с агрессорами.

Семантика противостояния, актуализирующаяся на разных уровнях языка, формирует имиджевую роль *Борец*. Ориентация на современность, особо проявляющаяся при реализации темпорального значения, свидетельствует о наличии имиджевой роли *Современный политик*. Имиджевая роль *Простой человек* в репрезентации В. В. Путина реализуется через разговорную и просторечную лексику. В некоторых случаях её можно конкретизировать до роли *Простой военный* (это связано с тематикой отобранных высказываний).

Справедливость политического деятеля проявляется, например, в высказываниях, выражающих идею о том, что агрессивные действия всегда наказываются. Характерными чертами *Политика-профессионала* является употребление лексики, принадлежащей к политической сфере, и использование фактических данных.

Высказывания, демонстрирующие положительные результаты деятельности В. В. Путина, развитие России, описывают его как успешного политика.

Таким образом, имиджевая роль *Патриот* является основной для В. В. Путина, пересекаясь с другими ролями российского лидера.

Выделенные в ходе работы роли моделируют положительный имидж политика. Отметим абсолютное неприятие В. В. Путиным вооруженной борьбы, категоричность в оценивании участников борьбы, их целей, действий, агрессивных способов борьбы, которая проявляется в рамках каждого лексико-семантического поля.

ГЛАВА 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная глава посвящена определению специфики концептуализации вооруженной борьбы в речи В. В. Путина в аспекте моделирования имиджа. Эта специфика выявляется на фоне речевого имиджа лидеров США и Германии. В рамках главы проанализированы высказывания Дж. Буша и А. Меркель по модели, представленной в *главе 2*, описаны их имиджевые роли.

3.1 Смысловой объем концепта *Вооруженная борьба* в речи Дж. Буша и А. Меркель

В интервью Дж. Буша выявлены следующие обозначения анализируемого явления: *war* ‘война’ (170 словоупотреблений, в том числе в устойчивых словосочетаниях типа *the Vietnam War* ‘Вьетнамская война’, *guerrilla war* ‘партизанская война’), *fight* ‘борьба’, *terror* ‘террор’ *slaughter* ‘кровавое пролитие, массовое убийство’, *battle* ‘битва’, *struggle* ‘бой, сражение’, а также имена собственные (например, *Shahikot* – обозначение вооруженного столкновения по месту происшествия: долина Шахи-Кот, Афганистан, 2007 г.).

And there will be other battles in Afghanistan. There's going to be other struggles like Shahikot [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *В Афганистане будут другие сражения. Будут другие битвы, как Шахи-Кот.*

Rwanda was, you know, I think 900,000 people in a very quick period of time of just wholesale slaughter [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Руанда была, как Вы знаете, я думаю, 900.000 людей в короткий период времени масштабного кровопролития* [о геноциде в Руанде в 1994 г.].

Большинство высказываний американского политика, связанных с темой вооруженных действий, посвящены проблеме терроризма и содержат слова и

словосочетания, выражающие исключительно отрицательную коннотацию: *danger* ‘опасность’, *evil* ‘зло’, *harm* ‘вред’, *threat* ‘опасность’. К таким лексемам следует также отнести лексему *war* ‘война’, которая в 90% высказываний входит в состав словосочетания *war on terror* / *war against terror* ‘война с террором’ и употребляется в переносном смысле – ‘борьба против чего-либо’. В качестве аргумента продемонстрируем следующий контекст:

And I made a decision based upon that intelligence in the context of the war against terror [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Я принял решение на основе оперативной информации в условиях войны против террора.*

Кроме того, такие выражения Дж. Буша, как *global war on terror* ‘глобальная война с терроризмом’, *wholesale slaughter* ‘масштабное кровопролитие’, *priority* ‘приоритет’ и др. демонстрируют значимость данной проблемы не только для политика и его страны, но и всего мира. Например:

And our priority has got to be this global war on terror and supporting our troops, and protecting the homeland [Full Transcript: NPR Interview with President Bush, 2007] / рус. *В приоритете для нас стоит эта глобальная война с терроризмом и защита Родины – реализация имиджевых ролей Борец-воин, Патриот, Защитник.*

And the idea of focusing on one person is — really indicates to me people don't understand the scope of the mission. <...> Terror is bigger than one person [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *Мысль о внимании только к одному человеку в действительности показывает, что люди не осознают масштабы миссии. Террор шире, чем один человек.*

Кроме актуализации семантики террора следует отметить активное использование лексемы *war* ‘война’ в речи американского политика.

Наряду с тем, что Дж. Буш описывает вооруженную борьбу как нечто нежелательное, но необходимое и неизбежное, он позиционирует себя как *Политика-воина*:

*I'm a war president. I make decisions in foreign-policy matters with war on my mind. Again, I wish it wasn't true, but it is true. And the American people need to know they got a president who sees the world the way it is. And I see dangers that exist, and it's important for us to deal with them [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Я президент-воин. Я принимаю решения в сфере внешней политики с войной в мыслях. И снова, мне хотелось бы, чтобы это было неправдой, но это правда. И жителям Америки нужно знать, что их президент – человек, который видит мир таким, какой он есть. Я вижу существующие источники опасности, и для нас важно разобраться с ними.**

В речи А. Меркель к репрезентантам концепта *Вооруженная борьба* относятся следующие единицы: *der Krieg / war* ‘война’, *der Terror* ‘террор’, *der Terrorismus / terrorism* ‘терроризм’, *conflict* ‘конфликт’. Например:

Vom Terrorismus <...> ging eine Bedrohung für uns in Europa aus [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *От террора исходит угроза для нас – жителей Европы.*

Терроризм в интерпретации А. Меркель также выступает как объект борьбы, что подтверждают словосочетания *fighting terrorism* ‘борьба с терроризмом’, *combating terrorism* ‘борьба с терроризмом’, а лексемы *Bedrohung* ‘угроза’, *Gefährdung* ‘опасность’ характеризуют его как негативное явление в репрезентации канцлера Германии:

We will certainly talk about the whole issue of combating terrorism But it's also important to me, and I'll make this clear during my visit, that our relationship with the United States is not reduced to questions of fighting terrorism and the Iraq war [SPIEGEL Interview: Merkel: Guantanamo Mustn't Exist in Long Term, 2006] / рус. *Мы определенно обсудим весь вопрос о борьбе с терроризмом. Но для меня также важно, и я проясню это во время своего визита, что наши отношения с Соединенными Штатами не ограничены до вопроса борьбы с терроризмом и Иракской войны.*

А. Меркель говорит о масштабности современных вооруженных действий, характеризуя терроризм как международную проблему:

Die Gefährdung durch den internationalen Terrorismus existiert, wir können sie nicht wegre-den, aber genauso wenig dürfen wir deshalb in Angst verfallen [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. Опасность от международного терроризма существует, мы не можем это отрицать, но мы также не имеем права впадать в страх.

Использование лексемы «*der Krieg*» в интервью германского политика преимущественно обусловлено устойчивостью словосочетания (например, *der Zweite Weltkrieg, the Iraq war*).

Итак, актуализация смысла «вооруженная борьба» в речи А. Меркель осуществляется за счет наименьшего количества лексических единиц и меньшей частотности их употребления по сравнению с Дж. Бушем и В. В. Путиным.

Отметим также репрезентацию вооруженной борьбы, в частности терроризма, как опасности и крупномасштабного явления в речи и американского, и германского политиков.

Таким образом, исследование средств наименования боевых действий в интервью Дж. Буша и А. Меркель показало, что основное значение, вкладываемое ими в понятие *вооруженная борьба*, – это семантика террора. В речи обоих политиков она сопровождается негативной оценкой посредством различных слов и словосочетаний, выражающих значение опасности, насилия и др. Кроме того, терроризм представляется политиками Германии и США как глобальная крупномасштабная проблема, что подтверждает необходимость осуществления борьбы с ней.

Специфика речевого имиджа Дж. Буша и А. Меркель касается использования лексем со значением «война» (*war* в английском языке и *der Krieg* – в немецком). Слово *Krieg* в интервью германского политика встречается преимущественно в устойчивых словосочетаниях. Дж. Бушу, напротив, свойственно частое употребление лексемы *war*.

3.2 Репрезентация лексико-семантического поля

«Участники вооруженной борьбы» в речи политических деятелей

Лексико-семантическое микрополе «Агрессоры». В выступлениях Дж. Буша агрессивные участники вооруженной борьбы представлены следующими единицами: *terrorists* ‘террористы’, *suicide bombers* ‘террористы-смертники’, *terrorist groups* ‘террористические группы’, *cold-blooded killer* ‘хладнокровный убийца’, *enemy* ‘враг, противник’ и т.д.

Ядром исследуемого микрополя в репрезентации Дж. Буша является смысл *террорист*. Это подтверждается словами и словосочетаниями, отнесенными к данному полю (*terrorists* ‘террористы’, *suicide bombers* ‘террористы-смертники’, *terrorist groups* ‘террористические группы’). Лексемы *cold-blooded killer* ‘хладнокровный убийца’ и *enemy* ‘враг, противник’ также служат единицами, именующими террористов: *I know we are on the hunt, and Osama bin Laden is a cold-blooded killer, and he represents the nature of the enemy that we face* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Я знаю, на нас охотятся, и Усама бин Ладен – хладнокровный убийца, и он является воплощением врага, с которым столкнулись мы.*

Репрезентация семы ‘противник’ сопровождается актуализацией значения опасности (лексемы *dangerous* ‘опасный’, *danger* ‘опасность’, *threat* ‘опасность’) и насилия (*cold-blooded killer* ‘хладнокровный убийца’ и др.) Приведем примеры: *Now, I recognise some say that these – terrorists – really aren't that big a threat to the United States anymore. I fully disagree* [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Сейчас я признаю, некоторые говорят, что они – террористы – больше не являются большой опасностью для США. Я абсолютно не согласен.*

[О Саддаме Хуссейне] *We knew the fact that he was paying for suicide bombers. We knew the fact he was funding terrorist groups. In other words, he was a dangerous man* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television

station, 2004] / рус. *Мы знали, что он спонсировал террористов-смертников. Мы знали, что он спонсировал террористические группы. Другими словами, он был опасным человеком.* С точки зрения риторических средств значимыми в данном контексте являются лексические повторы и градация, усиливающие негативное восприятие агрессии.

There was no doubt in my mind that Saddam Hussein was a danger to America. No doubt [Там же] / рус. *У меня не было сомнения, что Саддам Хуссейн – опасность для Америки. Нет сомнения.*

Фрагменты интервью Дж. Буша демонстрируют, что явление терроризма в речи американского политика напрямую связано с конкретными персоналиями, обозначенными в речи именами собственными: *al-Qaida, Saddam Hussein, Osama bin Laden, Gaddafi* и т.д. Как утверждает Г. Г. Почепцов, сообщения политика «о себе» направлены на позитив, однако в целях усиления ситуации воздействия создаются героические контексты, в том числе через упоминание врагов. Популяризация Дж. Буша как президента посредством указания, например, такого врага, как Бен Ладен, была отмечена Г. Г. Почепцовым [Почепцов, 2003]. Для создания отрицательного образа врага американский политик использует метафорическое словосочетание *ultimate parasite* ‘элементарный паразит’ и названные ранее лексемы, эксплицирующие значение опасности. Например: *And he’s [Osama bin Laden] just – he’s a person who’s now been marginalized. His network, his host government has been destroyed. He’s the ultimate parasite* [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *И он просто – он человек, который сейчас обездолен. Его сеть, правительство принимающей его стороны разрушено. Он элементарный паразит.*

Для актуализации опасности, жестокости и ничтожности противника Дж. Буш использует ряд языковых и риторических средств. Кроме уже названных имен собственных, выделены единичные метафоры (*ultimate parasite* ‘элементарный паразит’), перифраз (<...>. *In other words, <...>* / рус. <...>. *Другими словами, <...>*), синтаксический параллелизм (*We knew the fact that he*

<...>. *We knew the fact that he <...>* / рус. *Мы знали, что <...>. Мы знали, что <...>*) и др.

Итак, в интерпретации Дж. Буша агрессивными участниками вооруженной борьбы являются террористы. Дополнительными оттенками значения, сопровождающими высказывания о них, являются 'опасность' и 'насилие'. Наиболее яркой особенностью вербализации агрессивных участников борьбы представляется использование политиком имен собственных.

При анализе речевого имиджа А. Меркель уже на этапе отбора материала была отмечена малочисленность интервью и высказываний данного политика, имеющих отношение к теме вооруженной борьбы. Например, на официальном сайте канцлера Германии лишь 6 из 37 интервью, относящихся к выбранному временному отрезку, затрагивают тему вооруженной борьбы.

Исследуемое микрополе включает следующие единицы, выделенные в высказываниях А. Меркель: *terrorist* 'террорист', *Attentäter* 'злоумышленник, террорист', *der Feind* 'враг, противник'. Ключевым, центральным понятием микрополя является понятие *terrorist*.

В малочисленных высказываниях германского политика также реализуется семантический компонент опасности, например посредством лексемы *Bedrohung* 'угроза, опасность': *Wir müssen diese Bedrohung jedenfalls seit längerem sehr ernst nehmen. Wie ernst, das haben wir etwa bei den Anschlagplanungen der Sauerland-Attentäter gesehen* [Frachtgutkontrollen weltweit besser abstimmen, 2010] / рус. *Мы должны эту угрозу непременно с давних пор воспринимать очень серьезно. Насколько серьезно, это мы увидели при планировании налётов террористами в Зауэрланде.*

В отличие от речи Дж. Буша, в высказываниях А. Меркель упоминания конкретных лиц единичны, а репрезентанты микрополя сами по себе безоценочны (оценка может выражаться при указании действий участника), например: *Gaddafi führt erbarmungslos Krieg gegen das eigene Volk* [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *Каадафи безжалостно ведет войну против собственного народа.*

Таким образом, в результате анализа способов вербализации лексико-семантического микрополя «Агрессивные участники вооруженной борьбы» в речи Дж. Буша и А. Меркель было выявлено следующее.

В репрезентации политиков ключевым понятием, воплощающим в себе образ агрессивного участника вооруженных действий, является *террорист*, как и в речи В. В. Путина. Это можно объяснить злободневностью данной проблемы в мире.

Основная характеристика, приписываемая враждебной стороне Дж. Бушем и А. Меркель, – это опасность; Дж. Буш отмечает также такое свойство террористов, как паразитизм.

Для репрезентации участников борьбы политические деятели используют средства разных уровней языка. Кроме того, в качестве особенностей реализации исследуемого микрополя в речи политиков отметим употребление имен собственных Дж. Бушем и единичность высказываний, посвященных вооруженной борьбе, в интервью А. Меркель.

Лексико-семантическое микрополе «Защитники». Большинство слов и словосочетаний было включено в данное микрополе на основе контекстуального анализа. Лексический состав микрополя является разнообразным и охватывает участников-профессионалов, противостоящих враждебно настроенной стороне, и участников, вынужденных сражаться.

К единицам, называющих специально обученных участников, можно отнести такие единицы, как *troops* ‘войска’, *agents* ‘представители’, *allies* ‘союзники’, *friend* ‘сторонник’ / *der Freund* ‘сторонник’, *die Soldaten* ‘солдаты’, ‘*das Militär*’ ‘армия’, *die Bundeswehr* ‘вооруженные силы’, *die Sicherheitsbegleiter* ‘сотрудники службы безопасности’, *Truppen* ‘войска’, *Polizisten* ‘полицейские’ и др.

Репрезентантами исследуемого микрополя, вербализующими защищающихся участников борьбы, являются лексемы *people* ‘народ’ / *das Volk* ‘народ’.

Как было сказано ранее, слова и словосочетания, номинирующие участников борьбы и отнесенные к микрополю «Защитники», в большинстве случаев сопровождаются в интервью политика вербализацией семантики мира, защиты или агрессии, которой необходимо противостоять. Например: *There is a lot of focus on Iraq, and there should be, but we've got thousands of troops, agents, allies on the hunt, and we're doing a pretty good job of dismantling al-Qaida — better than a pretty good job, a very good job* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Большое внимание уделяется Ираку, так и должно быть, но на тысячи наших воинов (досл. войск), представителей, союзников ведется охота, и мы делаем хорошую работу по разоружению Аль-Каиды – не просто хорошую работу, а очень хорошую.*

Wichtig ist, dass es friedlich und gewaltfrei bleibt. Bisher hat das Militär besonnen agiert, so muss es bleiben [Ägyptens Weg in eine Demokratie muss unumkehrbar werden, 2011] / рус. *Важно, чтобы всё оставалось мирно и без насилия. До сих пор армия действовала разумно, так и должно оставаться.*

К защищающейся стороне политики также относят себя и свою страну, выступая в роли борца против зла и насилия:

There was no doubt in my mind that Saddam Hussein was a danger to America [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *У меня не было сомнения, что Саддам Хуссейн – опасность для Америки; I know we are on the hunt, and Osama bin Laden is a cold-blooded killer, and he represents the nature of the enemy that we face* [Там же] / рус. *Я знаю, на нас охотятся, и Усама бин Ладен – хладнокровный убийца, и он является воплощением врага, с которым столкнулись мы; Wir müssen diese Bedrohung jedenfalls seit längerem sehr ernst nehmen* [Frachtgutkontrollen weltweit besser abstimmen, 2010] / рус. *Мы непременно должны воспринимать эту угрозу очень серьезно с давних пор.*

В высказываниях Дж. Буша наиболее часто используемая единица, номинирующая противостоящих участников, – лексема *troops* ‘войска’, используемая в таких словосочетаниях, как *our troops* ‘наши войска’, *US troops* ‘войска США’. Такие словосочетания вербализуют смыслы «Родина»,

«национальный», например: *And our priority has got to be this global war on terror and supporting our troops, and protecting the homeland* [Full Transcript: NPR Interview with President Bush, 2007] / рус. *В приоритете для нас стоит эта глобальная война с терроризмом, и обеспечение наших войск, и защита Родины; But I did say also that our troops must be trained and prepared to fight and win war and, therefore, make peace more possible* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Но я также говорил, что наши войска должны быть натренированы и подготовлены к борьбе и победе в войне и, следовательно, тому, чтобы сделать мир возможным; And that is whether or not I would commit US troops into Darfur* [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *И это не зависит от того, пошлю ли я войска США в Дарфур.*

При анализе интервью А. Меркель было также отмечено активное использование ею единиц, номинирующих представителей власти и госструктуры: *das Militär* ‘армия’, *die Bundeswehr* ‘вооруженные силы’, *die Sicherheitsbegleiter* ‘сотрудники службы безопасности’, *Polizisten* ‘полицейские’ и др. Например: *Ob bewaffnete Sicherheitsbegleiter an Bord deutscher Flugzeuge oder das Terrorismusbekämpfungsgesetz im Jahre 2002 – all das sind Folgen des 11. Septembers* [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. *Вооруженные сотрудники службы безопасности на борту немецких самолетов или закон о борьбе с терроризмом в 2002 году – всё это последствия 11 сентября.*

Das ist das Konzept, das wir haben. Wenn es um Ausrüstungsmängel und deren Beseitigung geht, dann sind wir dazu bereit. Wir haben gesagt: Die Sicherheit und die Gesundheit der Soldaten ist das, was für uns zählt. Wenn da Verbesserungen gemacht werden müssen, wird das der Bundesverteidigungsminister tun [Merkel: «Die Probleme anpacken», 2010] / рус. *Это наша стратегия. Если речь идет о нехватке снаряжений и их устранении, но мы к этому готовы. Мы сказали: безопасность и здоровье солдат – это то, на что мы рассчитываем. Если необходимы какие-то улучшения, министр обороны их обеспечит – реализация имиджевой роли Попечитель.*

Итак, в результате анализа лексико-семантического поля «Участники вооруженной борьбы» в речи Дж. Буша и А. Меркель было выявлено следующее. В речи обоих политиков так же, как и в речи российского лидера, выделяются микрополя «Агрессоры» и «Защитники».

В рамках микрополя «Агрессоры» определяющим является понятие террора, которое активно реализуется в речи Дж. Буша, А. Меркель. При вербализации микрополя «Защитники» в политической коммуникации часто используются слова и словосочетания, номинирующие государственные и международные структуры. Это демонстрирует масштабность противостояния угрозам (борьба на уровне государства, борьба на международном уровне), а также контроль функционирования упоминаемых структур со стороны политика. В большей степени это проявляется в интервью А. Меркель.

Анализ интервью Дж. Буша демонстрирует открытое, прямолинейное указание на врагов. Дж. Буш представляет их также слабыми и ничтожными. Кроме того, особенностью репрезентации враждебной стороны вооруженных действий со стороны политика является упоминание конкретных лиц, которое сопровождается актуализацией смыслов опасности и насилия. К лексемам, наиболее часто используемым Дж. Бушем для номинации противостоящих участников борьбы, относится лексема *troops* 'войска', которая, будучи элементом таких словосочетаний, как *our troops*, *US troops*, актуализирует смыслы «Родина», «национальный». Описанный способ обозначения участников вооруженных действий создает имидж категоричного и резкого политика, но одновременно с тем и *Политика-патриота*, защищающего национальные интересы США.

Значительно реже (в сравнительном аспекте) представлено поле «Участники вооруженной борьбы» в речи А. Меркель, что является особенностью её речевого имиджа. Возможно отметить лишь основные закономерности вербализации исследованного поля: смыслы опасности и насилия сопровождают репрезентацию агрессивных участников борьбы

в интервью данного политика (преимущественно террористов), которым противостоят государственные структуры.

3.3 Репрезентация лексико-семантического поля «Цели вооруженной борьбы» в речи политических деятелей

В высказываниях Дж. Буша были выделены следующие единицы, номинирующие цели вооруженных действий: *objective* ‘цель’, *peace* ‘мир’, *the good of the world* ‘благополучие мира’, *freedom* ‘свобода’ и др. Репрезентанты данного лексико-семантического поля активно вербализуют общечеловеческие ценности, актуализация которых способствует моделированию имиджа целеустремленного политика и поддерживается ярко выраженным в речи говорящего личностным началом, вербализуемым преимущественно личным местоимением *I* ‘я’: [о борьбе с терроризмом] *This is going to be a long struggle. I keep saying that; I don't know whether you all believe me or not. But time will show you that it's going to take a long time to achieve this objective. And I can assure you, I am not going to blink. And I'm not going to get tired. Because I know what is at stake. And history has called us to action, and I am going to seize this moment for the good of the world, for peace in the world and for freedom* [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *Это будет долгая битва. Я продолжаю повторять это; я не знаю, все ли Вы мне верите или нет. Но время покажет Вам, что потребуются долгое время, чтобы достичь эту цель. И я могу вас уверить, я буду это игнорировать. И я не устану. Потому что я знаю, что стоит на кону. И история призвала нас к действию, и я собираюсь воспользоваться моментом ради благополучия мира, мира в мире и свободы.*

В представленном фрагменте интервью значимым является использование градации, усиливающейся другими языковыми средствами, например лексическими повторами (*to be going to* <...>, *long* (*a long struggle, long time*)). Таким образом, установленная Дж. Бушем цель представляется трудно

достигаемой, но политик активно выражает свою готовность к долгой и трудной борьбе.

А. Меркель в качестве номинатов цели, преследуемой в ходе вооруженной борьбы, обращается к следующим словам и словосочетаниям: *friedlich, gewaltfrei bleiben* ‘оставаться мирным, ненасильственным’, *Sicherheit* ‘безопасность’. Доминирующей и интегральной семой данных лексических единиц является сема ‘ненасильственный’:

friedlich ‘мирный’ – «без насилия или войны, не воинственный» [Duden online];

gewaltfrei ‘ненасильственный’ – «без насилия»; (полит.) «происходящий без использования физического насилия, при отказе от обратного насилия» [Duden online].

Сема ‘ненасильственный’ также входит в понятие безопасности в репрезентации А. Меркель: *Sicherheit* ‘безопасность’ – «состояние защищенности от опасности или повреждений, состояние свободы от угроз» [Duden online]. В следующем примере утверждается: *Vom Terrorismus <...> ging eine Bedrohung für uns in Europa aus. Man kann mit Fug und Recht sagen, dass in Afghanistan auch unsere Sicherheit verteidigt wird* [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *От терроризма исходит опасность для нас – жителей Европы. Можно с полным правом сказать, что в Афганистане защищается наша безопасность.*

В словаре немецкого языка ведущего издательства «Duden» слово «терроризм» имеет следующее значение: «форма поведения, при которой политические цели достигаются при помощи террора» [Duden online], а лексема «террор» определяется как систематическое устрашение посредством насильственных действий (в особенности для достижения политических целей) [Duden online]. Таким образом, понятие «безопасность» в репрезентации А. Меркель также подразумевает отсутствие терроризма, а значит отсутствие насилия.

Значимость вербализуемых целей подтверждается наличием в речи канцлера Германии лексемы *wichtig* ‘важно’: *Wichtig ist, dass es friedlich und gewaltfrei bleibt* [Ägyptens Weg in eine Demokratie muss unumkehrbar werden, 2011] / рус. *Важно, чтобы всё было в мире и без насилия*.

Германский политик также вербализует свое стремление к обеспечению безопасности страны, аргументируя это должностью канцлера:

Ich bin als Bundeskanzlerin für die Sicherheit unseres Landes verantwortlich [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. *Как канцлер, я ответственна за безопасность нашей страны* [обоснование своих действий в Афганистане].

Такой способ самопрезентации можно связать, например, с моделированием имиджевых ролей *Защитник* и *Политик-профессионал*, выполняющий свои обязательства.

Итак, в проанализированных интервью нами были выявлены лишь случаи вербализации целей миролюбивых участников, причем в большинстве контекстов политик говорит о целях своей страны. Случаи вербализации целей агрессоров не были обнаружены.

Отметим отсутствие смыслов агрессии и насилия как в интервью Дж. Буша (лексема *peace* ‘мир’), так и в высказываниях А. Меркель (*friedlich, gewaltfrei bleiben* ‘оставаться мирным, ненасильственным’, *Sicherheit* ‘безопасность’). Цели, поставленные Дж. Бушем, представлены обобщенно и возвышенно (мир, благополучие, свобода). Сложность достижения поставленных целей и самоотверженность политика, проявляющаяся в его высказываниях, позволяют говорить о Дж. Буше как о целеустремленном человеке.

Все репрезентанты поля, выделенные в речи германского политика, выражают названную семантику. Следовательно, в выступлениях А. Меркель моделируется имиджевая роль *Миролюбивый политик*. Кроме того, некоторые высказывания, вербализующие цели, возникшие в ситуации вооруженной борьбы, можно связать с актуализацией таких имиджевых ролей, как *Защитник* и *Политик-профессионал*.

3.4 Репрезентация лексико-семантического поля

«Действия участников вооруженной борьбы»

в речи политических деятелей

В речи Дж. Буша лексико-семантическое поле «Действия участников вооруженной борьбы» включает множество слов и словосочетаний, которые образуют два микрополя: «Действия агрессоров» и «Действия защитников». Микрополе «Действия агрессоров» включает следующие лексемы: *attack* 'атака, нападение', *to attack* 'атаковать, нападать', *aggression* 'агрессия', *to hide / to lurk* 'скрываться', *to plot / to plan* 'планировать', *to hurt* 'приносить вред'.

К микрополю «Действия защитников» были отнесены такие единицы, как *to defend* 'защищать', *to protect* 'защищать', *to fight* 'бороться', *to train (troops)* 'тренировать (войска)', *to prepare (troops)* 'готовить (войска)', *to support troops* 'обеспечивать войска', *dismantling* 'разоблачение', *pullout* 'вывод войск', *to be on the hunt* 'быть в поиске кого-либо', *to disrupt plots and plans* 'расстраивать замыслы и планы', *to gather information* 'собирать информацию', *to pursue* 'преследовать', *to find terrorists* 'находить террористов', *to bring (terrorists) to justice* 'отдавать (террористов) под суд', *to stabilize* 'стабилизировать', *to win* 'победить', *to succeed* 'преуспеть', *to succeed / to achieve the objective* 'достичь цель'.

Субъект большинства названных действий вербализуется местоимениями первого лица (I, we), например: *I believe we can win. I'm going to do what it takes to win in Iraq* [Charlie Gibson Interviews President Bush, 2008] / рус. *Я верю в то, что мы можем победить. Я собираюсь сделать всё, что необходимо, чтобы победить в Ираке.*

Failure in Iraq would empower Iran, which poses a significant threat to world peace. In other words, there's a lot of reasons that I know we must succeed [Transcript: Bush Interview, 2007] / рус. *Поражение в Ираке придало бы силу Ирану, который представляет собой значительную опасность для мира*

на земле. Другими словами, есть много причин, почему мы должны преуспеть в этом деле.

I mean, we sent marines into Liberia, for example, to help stabilize the country there [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. Я имею в виду, что мы послали морской флот в Либерию, чтобы помочь стабилизировать эту страну – реализация имиджевой роли Попечитель.

Ряд репрезентантов исследуемого поля, обозначающих действия террористов, моделирует отрицательный образ врага: *attack* ‘атака, нападение’, *to hide / to lurk* ‘скрываться’, *to plot / to plan* ‘планировать’, *plot / plan* ‘план, замысел’, *to hurt* ‘приносить вред’. Например: *The war on terror began on the streets of New York when an enemy attacked us* [Transcript: Bush Interview, 2007] / рус. Война с террором началась на улицах Нью-Йорка, когда враг атаковал нас.

Выделим семантические компоненты ‘скрываться’ и ‘планировать’, неоднократно вербализуемые в высказываниях политика. Продемонстрируем следующие фрагменты интервью: *There's an enemy that lurks and plots and plans, and wants to hurt America again* [President Bush Meets with President Torrijos of Panama, 2005] / рус. Существует враг, который скрывается и составляет заговор, и планирует, и хочет снова нанести вред Америке.

We are finding terrorists and bringing them to justice. We are gathering information about where the terrorists may be hiding. We are trying to disrupt their plots and plans [Там же] / рус. Мы боремся с террористами и предаем их правосудию. Мы собираем информацию о том, где могут прятаться террористы. Мы пытаемся раскрыть их заговоры и планы.

Слова и словосочетания, актуализирующие действия участников вооруженной борьбы в речи американского политика, вступают в синонимические и антонимические отношения. Так, синонимичными являются лексемы *to defend* и *to protect* ‘защищать’, *to hide* и *to lurk* ‘скрываться’, *to plot* и *to plan* ‘планировать’ и т.д. Антонимические отношения актуализируют следующие единицы: *to defend / to protect* ‘защищать’ – *to attack* ‘атаковать, нападать’, *to plot / to plan* ‘планировать’ – *to disrupt plots and plans*

‘расстраивать замыслы и планы’, *to hide / to lurk* ‘скрываться’ – *to be on the hunt* ‘быть в поиске кого-либо’ / *to find terrorists* ‘находить террористов’. Посредством реализации разных типов отношений в высказываниях политика моделируется ситуация противостояния на разных этапах борьбы. В некоторых высказываниях политик использует оценочные слова и словосочетания. Представим фрагменты интервью, в которых, например, атака представлена как опасность (следовательно, оценивается отрицательно), а попытки по защите родины оценены политиком как колоссальные (положительно):

We were attacked, and therefore every threat had to be reanalyzed. Every threat had to be looked at [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *На нас напали, поэтому каждая опасность должна была быть подвергнута анализу. На каждую опасность необходимо было обратить внимание.*

A generation of many women who made extraordinary efforts in Russia's case to defend a homeland [Там же] / рус. *Поколение многих российских женщин, которые предприняли колоссальные попытки защитить свою родину.*

В высказываниях американского политика был выделен ряд других оценочных слов и словосочетаний для характеристики действий вооруженных сил страны (*good progress* ‘хороший прогресс’, *brilliantly* ‘блестяще’, *a very good job* ‘очень хорошая работа’, *a pretty good job* ‘достаточно хорошая работа’), например: *<...> our soldiers are performing brilliantly* [President Bush Holds Press Conference, 2002].

<...> we're doing a pretty good job of dismantling al-Qaida – better than a pretty good job, a very good job [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *<...> мы продельываем достаточно хорошую работу по разоблачению Аль-Каиды – лучшие, чем хорошую работу, очень хорошую работу.*

Кроме того, большое внимание со стороны Дж. Буша уделяется действиям по укреплению подготовки военных сил, что выражается словосочетаниями *to train (troops)* ‘тренировать (войска)’, *to prepare (troops)* ‘готовить (войска)’,

to support troops ‘обеспечивать войска’. Обеспечение войск представляется политиком как обязательное условие для победы в вооруженной борьбе:

But I did say also that our troops must be trained and prepared to fight and win war and, therefore, make peace more possible [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. Но я также говорил, что наши войска должны быть натренированы и подготовлены к борьбе и победе в войне и, следовательно, тому, чтобы сделать мир возможным.

And our troops were trained to fight and win war, and we did, and a second phase of the war is now going on [Там же] / рус. Наши войска были натренированы, чтобы бороться и победить в войне, и мы это сделали, и сейчас идет вторая фаза войны.

При вербализации действий участников борьбы в речи Дж. Буша часто используются грамматическая конструкция *to be going to* + инфинитив, выражающая в английском языке запланированные действия, а также словосочетания и модальные единицы, обозначающие возможность (*can*) и долженствование (*must, have to, to have the obligation* ‘иметь обязанность’). В качестве обязанности в большинстве случаев в высказывании выступает защита людей и государства, вербализуемая такими словами и словосочетаниями, как *the obligation to protect the American people, we must protect ourselves, protecting the homeland* и др. Например: *And our priority has got to be this global war on terror and supporting our troops, and protecting the homeland* [Full Transcript: NPR Interview with President Bush, 2007] / рус. В приоритете для нас стоит эта глобальная война с терроризмом и защита Родины.

We – all of us have an obligation, and it's a solemn obligation and a solemn responsibility. And I'm confident that when people see the facts, that they'll recognize that we've – they've got more work to do, and that we must protect ourselves in a way that is lawful [President Bush Meets with President Torrijos of Panama, 2005] / рус. У нас, у каждого из нас есть обязанность, и это единственная обязанность и ответственность. И я уверен, что когда люди столкнутся с этим фактом, они

поймут, что у нас – у них больше работы и что мы должны защищать себя законным способом.

Our country is at war, and our government has the obligation to protect the American people. The executive branch has the obligation to protect the American people; the legislative branch has the obligation to protect the American people. And we are aggressively doing that [Там же] / рус. Наша страна воюет, и у нашего правительства есть обязанность защищать американский народ. У исполнительной власти есть обязанность защищать американский народ; у законодательной власти есть обязанность защищать американский народ. Мы решительно это делаем.

Как показывает последний пример, семантика долженствования усиливается посредством лексических и синтаксических повторов, эпитетом, которые создают впечатление уверенности политика в своих словах и действиях. Оно также вербализуется наречием образа действия *aggressively* ‘агрессивно’, употребляемого в значении ‘решительно, мощно’ [Oxford dictionaries], которое также встречается в другом высказывании: *There's an enemy that lurks and plots and plans, and wants to hurt America again. And so, you bet, we'll aggressively pursue them* [Там же] / рус. Существует враг, который скрывается и составляет заговор, и планирует, и хочет снова нанести вред Америке.

Особенностью имиджа Дж. Буша является то, что лексема *to fight* в 90% случаев употребляется с номинатом вооруженной борьбы *war* ‘война’, образуя словосочетание *to fight the war* ‘вести войну’. Предоставим ряд примеров:

<...> *we're also fighting a war* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. <...> мы также сражаемся в войне.

But I did say also that our troops must be trained and prepared to fight and win war and, therefore, make peace more possible [Там же] / рус. Но я также говорил, что наши войска должны быть натренированы и подготовлены к борьбе и победе в войне и, следовательно, тому, чтобы сделать мир возможным.

The commission I set up is one that will help future presidents understand how best to fight the war on terror [Там же] / рус. Устроенная мной проверка была нацелена на то, чтобы помочь будущему президенту понять, как лучше всего воевать с террором.

Политик также отмечает законность действий США в условиях вооруженного противостояния. Это выражается посредством таких наречий образа действия, как *under the law* и *within the law* ‘в рамках закона’, а также прилагательным *lawful* ‘законный’: <...> *we must protect ourselves in a way that is lawful* [President Bush Meets with President Torrijos of Panama, 2005] / рус. <...> *мы должны защищать себя законным способом.*

<...> *any activity we conduct, is within the law. We do not torture* [Там же] / рус. <...> *любая деятельность, осуществляемая нами, находится в рамках закона. Мы не применяем пытки.*

There's an enemy that lurks and plots and plans, and wants to hurt America again. And so, you bet, we'll aggressively pursue them. But we will do so under the law [Там же] / рус. *Существует враг, который скрывается и составляет заговор, и планирует, и хочет снова нанести вред Америке.*

Интегральным значением, актуализирующимся в ряде слов и словосочетаний, номинирующих действия участников вооруженной борьбы, является смысл «успех», реализующийся в таких единицах, как *to win* ‘победить’, *to succeed* ‘преуспеть’, *best* ‘лучший, наилучшим образом’, в результате чего создается имидж победителя, успешного политика. Например: *And so then I began to think, if failure's not an option and we've gotta succeed, how best to do so? And that's why I came up with the plan I did* [Transcript: Bush Interview, 2007] / рус. *После этого я начал задумываться, если о проигрыше не может быть и речи и необходимо достичь цели, как это сделать лучше всего? Вот так я и пришел к тому плану, который я составил.*

The commission I set up is one that will help future presidents understand how best to fight the war on terror [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Устроенная мной проверка была нацелена на то,*

чтобы помочь будущему президенту понять, как лучше всего бороться с террором.

В интервью Дж. Буша был отмечен особый способ вербализации собственных действий в контексте вооруженной борьбы. Например: *I want to lead us – I want to lead this world toward more peace and freedom. I want to lead this great country to work with others to change the world in positive ways, particularly as we fight the war on terror* [Там же] / рус. *Я хочу быть нашим предводителем – я хочу вести этот мир к миру и свободе. Я хочу вести эту великую страну к сотрудничеству с другими, чтобы изменить мир к лучшему, в частности, в борьбе с терроризмом* – реализация имиджевой роли *Лидер*.

Политик видит свою собственную роль как *Лидера* в разрешении ситуации борьбы. Смысл, вложенный Дж. Бушем в высказывание, усиливается анафорой *I want to lead*.

Итак, среди особенностей вербализации действий участников вооруженной борьбы в интервью Дж. Буша можно выделить следующее. Актуализация данного лексико-семантического поля в речи тесно связано с полем «Участники вооруженной борьбы». Субъектом действий агрессивных участников в большинстве высказываний являются террористы, в то время как действия обороняющихся участников вербализуются преимущественно от первого лица. Так реализуется семантическая оппозиция «свой – чужой» в интерпретации американского политика.

В некоторых высказываниях политик использует оценочные слова и словосочетания, которые способствуют негативному восприятию действий агрессоров и положительному отношению к действиям миролюбивых участников.

При номинации действий агрессоров политик актуализирует в своей речи смысл нападения, а также семантические компоненты ‘скрываться’ и ‘планировать’.

При вербализации действий обороняющихся участников борьбы в речи Дж. Буша часто используются грамматическая конструкция *to be going to* +

инфинитив, выражающая в английском языке продуманные и запланированные действия, а также словосочетания и модальные единицы, обозначающие возможность (*can*) и долженствование (*must, have to, to have the obligation* ‘иметь обязанность’). В качестве обязанности в большинстве случаев в высказывании выступает защита людей и государства. Кроме того, большое внимание со стороны Дж. Буша уделяется подготовке военных сил США.

Политик выделяет законность действий США в условиях вооруженного противостояния, а также их решительность. Такой способ вербализации действий участников формирует имидж решительного политика, уверенного в своих словах и действиях.

Актуализация смысла «успех» в высказываниях Дж. Буша способствует созданию имиджа победителя, успешного политика, а описание собственного участия в процессе вооруженной борьбы формирует имиджевую роль *Лидер*.

В процессе анализа интервью А. Меркель к микрополю «Действия агрессоров» отнесены следующие слова и словосочетания: *die Intervention* ‘интервенция’, *ein Eingreifen* ‘интервенция’, *Anschlagsplanungen* ‘планирование налётов’, *der Anschlag* ‘удар’, *erbarmungslos Krieg führen* ‘безжалостно вести войну’. Например: *Regarding Iraq, we are all hoping for a stabilisation. <...> We will also be in a position to do more outside Iraq, for instance by training police officers* [Interview with Angela Merkel, 2007] / рус. *Что касается Ирака, мы все надеемся на стабилизацию. <...> Мы также будем выдерживать позицию осуществления действий вне Ирака, например подготовки полицейских.*

Ко второму микрополю могут быть отнесены такие единицы, как *Terroranschlägen vorbeugen* ‘предотвращать террористические акты’, *der Schutz* ‘защита’, *den Schutz verbessern* ‘улучшать защиту’, *wirksam Terrorismus bekämpfen* ‘эффективно бороться с терроризмом’, *strengere Kontrollen durchsetzen* ‘осуществлять строгий контроль’, *training police officers* ‘тренировка полицейских’, *(hervorragende) internationale Zusammenarbeit* ‘(исключительная) международная совместная работа’, *die Kräfte bündeln* ‘объединять силы’, *act together* ‘действовать вместе’, *act in a co-ordinated manner* ‘действовать

скоординированно', *stabilization* 'стабилизация', *Versöhnungsgespräche* 'переговоры о перемирии', *zum Erfolg führen* 'успешно завершить, достигнуть успеха' и др. Например:

Vom Terrorismus <...> ging eine Bedrohung für uns in Europa aus. Man kann mit Fug und Recht sagen, dass in Afghanistan auch unsere Sicherheit verteidigt wird. Für ein Eingreifen in Libyen fehlt diese Begründung. Dennoch müssen wir und werden wir weiter auf anderen als militärischen Wegen gegen den Diktator vorgehen [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *От террора исходит угроза для нас – жителей Европы. Можно с полным правом сказать, что в Афганистане защищается и наша безопасность. Что касается интервенции в Ливию, такие доводы отсутствуют. Однако мы должны, и мы найдем другие военные пути превзойти этого диктатора (о Каддафи).*

Unser gemeinsames Ziel ist, dauerhaft sicherzustellen, dass Afghanistan nicht wieder zu einer Terrorbasis wird, die weltweit mit Anschlägen unsere Art zu leben bedroht [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. *Наша общая цель – прочно гарантировать, что Афганистан больше не будет террористической базой, которая по всему миру угрожает ударами нашему образу жизни.*

Выделенные в речи канцлера Германии номинаты действий участников сопровождаются оценочными наречиями образа действия и прилагательными, характеризующими действия участников борьбы: *skeptisch* (о военной интервенции), *erbarmungslos* *Krieg führen* 'безжалостно вести войну', *wirksam bekämpfen* 'эффективно бороться' (с терроризмом), *hervorragende internationale Zusammenarbeit* 'исключительная международная совместная работа'. Как демонстрируют представленные словосочетания, агрессивные действия, такие как интервенция и ведение войны, оцениваются политиком отрицательно, в то время как планируемые действия обороняющихся участников – положительно: *Gaddafi führt erbarmungslos Krieg gegen das eigene Volk* [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *Каддафи вел безжалостно войну против собственного народа.*

Eine militärische Intervention allerdings sehe ich skeptisch [Там же] / рус. Я всегда смотрю скептически на военную интервенцию.

Bis jetzt sind wir durch hervorragende internationale Zusammenarbeit und die Arbeit unserer eigenen Sicherheitsbehörden mehrfach in der Lage gewesen, Anschläge zu vereiteln [Frachtgutkontrollen weltweit besser abstimmen, 2010] / рус. До настоящего момента мы неоднократно предотвращали удары благодаря исключительному международному сотрудничеству и работе наших собственных органов государственной безопасности.

Лексемы *wirksam* ‘эффективно’ и *hervorragende* ‘исключительный’, употребленные по отношению к планируемым действиям в ходе борьбы, говорят о требовательности политика к производимой работе.

В интервью А. Меркель так же, как и в выступлениях Дж. Буша, были выявлены случаи актуализации смысла «успех» как результата вооруженного столкновения (посредством словосочетания *zum Erfolg führen* ‘успешно завершить, достигнуть успеха’) [обсуждение ситуации в Афганистане]: *Ich glaube, dass wir das schaffen können mit unserem Konzept der vernetzten Sicherheit, was wir uns vorgenommen haben, das heißt, nicht allein auf die militärische Kraft zu setzen, sondern auch auf Wiederaufbau, auf Versöhnungsgespräche. <...> Ich weiß, dass auch viele Menschen sehr, sehr große Sorgen haben. Das verstehe ich auch, aber für die Sicherheit bei uns zu Hause muss dieser Einsatz weitergeführt werden und zum Erfolg geführt werden [Merkel: «Die Probleme anpacken», 2010] / рус. Я думаю, что мы можем это сделать с нашей стратегией сетевой безопасностью, которую мы затеяли, это значит не установление военных сил по отдельности, а их восстановление, мирные переговоры. <...> Я знаю, что также многие люди очень, очень обеспокоены. Я это понимаю, но для обеспечения безопасности у нас дома ведение боя должно быть продолжено и успешно завершено. Отметим семантику долженствования, реализующуюся в данном примере посредством модального глагола *müssen* и выражающую необходимость одержать победу в борьбе.*

Словосочетания *to act together* и *to act in a co-ordinated manner*, используемые германским политиком, говорят о значимости совместных действий в ситуации вооруженного противостояния, которая усиливается семантикой долженствования в некоторых высказываниях: <...> *As far as the Israeli-Palestinian conflict is concerned, I don't think the situation is completely bogged down. <...> we will only get movement in the Middle East if we act together with the Americans. Of course the Europeans have a responsibility in that regard. <...> We must act in a co-ordinated manner and we should refrain from too many individual initiatives* [Interview with Angela Merkel, 2007] / рус. <...> *Поскольку мы заговорили о палестино-израильском конфликте, я не думаю, что ситуация абсолютно застопорилась (не разрешается, не развивается). <...> мы продвинемся только на Средний Восток, если будем действовать совместно с американцами. Конечно, европейцы также несут ответственность в этом отношении. <...> Мы должны действовать скоординировано, и нам следует удерживаться от многочисленных единоличных инициатив.*

Таким образом, структура поля «Действия участников вооруженной борьбы» (наличие микрополей «Действия агрессоров» и «Действия защитников») в интерпретации Дж. Буша и А. Меркель тесно связана со структурой поля «Участники вооруженной борьбы», что было также отмечено при анализе интервью В.В. Путина. Можно выделить некоторое сходство в способах номинации действий участников в речи политиков. К таковым, например, относится актуализация семантики победы в качестве желаемого исхода борьбы, семантики долженствования при вербализации планируемых действий и др.

Поскольку именно различия в способах репрезентации одних и тех же явлений делают имидж человека особенным, отметим, что посредством вербализации действий участников вооруженной борьбы в интервью Дж. Буша моделируется имидж решительного политика, политика-лидера.

В речи А. Меркель показательными являются оценочные компоненты высказываний, демонстрирующие, например, отрицательное отношение лидера

Германии к действиям агрессивных участников. Это способствует моделированию имиджа миролюбивого политика. Способ вербализации планируемых в ходе борьбы действий свидетельствует о требовательности А. Меркель к осуществляемой работе.

3.5 Репрезентация лексико-семантического поля

«Средства вооруженной борьбы» в речи политических деятелей

В высказываниях Дж. Буша были выделены следующие репрезентанты исследуемого поля: *weapons* 'оружие', *manufactured weapons* 'промышленное оружие', *equipment* 'оборудование', *tools* 'инструменты', *bombs* 'бомбы', *conventional means* 'обычные средства', *support* 'обеспечение'. Например: <...> *people came and blew up bombs in subways* [In full: George W. Bush's BBC interview, 2008] / рус. <...> *люди пришли и взорвали бомбы в метро.*

Большинство выделенных репрезентантов данного поля обозначают оружие.

Американский политик дает положительную оценку средствам борьбы, используя, например, прилагательные превосходной степени (*the best*), и актуализирует их значимость посредством модальных единиц со значением долженствования: *And any time you commit your troops into harm's way, they must have the best equipment, the best training, and the best possible pay* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *В любом случае, если ваши войска подвергаются опасности, у них должно быть лучшее снаряжение, лучшая подготовка и самая высокая по возможности оплата.*

And I think the president must give his professionals within the law the necessary tools to protect us [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Я думаю, что президент должен предоставлять своим специалистам необходимые средства защищать нас.*

Как демонстрирует последний пример, при вербализации компонентов данного лексико-семантического поля в высказываниях политика также

актуализируется семантика защиты людей, которая выделяется в качестве назначения предоставляемых средств.

Таким образом, в речи американского политика репрезентанты лексико-семантического поля «Средства вооруженной борьбы» выражают не только семантический компонент «оружие», но и его характеристики (например, лучшее качество), назначение и необходимость его наличия. Дж. Буш также неоднократно указывает на обязанность политика в обеспечении вооруженных сил своей страны необходимыми средствами ради защиты народа.

В речи А. Меркель единицы лексико-семантического поля «Средства вооруженной борьбы» встречаются в единичных случаях и лишены какой-либо коннотации: *means* 'средства', *to threaten* 'угрожать', *threat prevention* 'предотвращение опасности', *to torture* 'мучить', *torture* 'пытка', *different ways to deal with prisoners* 'другие способы обращения с заключенными'.

Представим в качестве примера несколько фрагментов из интервью о тюрьме Гуантанамо, посвященных вопросу о том, можно ли в борьбе с терроризмом использовать информацию, добытую путем пыток: *Information obtained under dubious circumstances cannot play a role in legal proceedings in a constitutional state. But everything that's available must be taken into account in threat prevention. <...> We have a duty to guarantee the safety of our citizens* [SPIEGEL Interview: Merkel: Guantanamo Mustn't Exist in Long Term, 2006] / рус. *Информация, полученная в сомнительных обстоятельствах, не может играть роль при судебных процедурах в правовом государстве. Но всё, что является доступным, должно быть взято в расчет для предотвращения опасности. <...> У нас есть обязанность гарантировать безопасность нашим гражданам.*

There was a similar debate in Germany over the 2002 kidnapping of Jakob von Metzler, the banker's son. The issue then was whether it is legitimate to threaten or use torture to save the life of a child. The public debate showed that the overwhelming majority of citizens believed that even in such a case, the end does not justify the means. That is also my position [Там же] / рус. *Вставал подобный вопрос в Германии в 2002 г. вокруг кражи Якоба фон Метцлера – сына банкира. Вопрос*

был в том, законно ли угрожать или использовать пытки, чтобы спасти жизнь ребенку. Общественные дебаты показали, что подавляющее большинство граждан считают, что даже в таком случае цель не оправдывает средства. Это также моя позиция.

An institution like Guantanamo in its present form cannot and must not exist in the long term. We must find different ways of dealing with prisoners. As far as I'm concerned there's no question about that [Там же] / рус. *Институт, как Гуантанамо в его сегодняшнем виде, не может и не должен существовать в долгосрочной перспективе. Мы должны найти другие способы обращения с заключенными. Что касается меня, в этом нет никаких сомнений.*

Тюрьма в Гуантанамо – «лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности, в терроризме, ведении войны на стороне противника, на бессрочно арендуемой США военно-морской базе в заливе Гуантанамо (Куба)» [Тюрьма в Гуантанамо].

Как показывают примеры, политиком неоднократно затрагивается вопрос о законности использования пыток как средства борьбы с терроризмом посредством единиц *in legal proceedings* ‘при судебных процедурах’, *legitimate* ‘законный’.

Приведенная в интервью германского политика трансформированная пословица *The end does not justify the means* (‘цель не оправдывает средства’) относительно угроз или пыток, а также противопоставление им других способов обращения с заключенными (*different ways of dealing with prisoners*) свидетельствует о неприятии насильственных методов борьбы, которое усиливается использованием модальных единиц (*cannot and must not exist*).

Лексико-семантическое поле «Средства вооруженной борьбы» пересекается с другими полями, выделенными в рамках концепта *Вооруженная борьба*, например с полем «Участники вооруженной борьбы». Лексемы *bewaffnet* ‘вооруженный’, *gewaffnet* ‘вооруженный’, выделенные в высказываниях А. Меркель, и слово *well-supplied* ‘хорошо оснащенный’,

используемое Дж. Бушем для характеристики участников борьбы, выражают также семантический компонент «оружие» – средства борьбы:

I'm more worried about making sure that our soldiers are well-supplied [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *Я не беспокоюсь о том, чтобы убедить, что наши солдаты хорошо обеспечены.*

Ob bewaffnete Sicherheitsbegleiter an Bord deutscher Flugzeuge oder das Terrorismusbekämpfungsgesetz im Jahre 2002 – all das sind Folgen des 11 Septembers [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. *Вооруженные сотрудники службы безопасности на борту немецких самолетов или закон о борьбе с терроризмом в 2002 году – всё это последствия 11 сентября.*

Итак, лексико-семантическое поле «Средства вооруженной борьбы» в репрезентации политиков включает единицы, обозначающие не только оружие, но и другие средства. Кроме того, вербализация данного поля в исследованных политических интервью сопровождается выражением качества средств борьбы, их назначения и необходимости.

Способ репрезентации исследуемого поля германским политиком отражает неприятие насильственных методов борьбы, например пыток заключенных с целью добычи информации. Значимым фактором для А. Меркель является законность средств, используемых в ситуации борьбы.

Обязанность политического деятеля обеспечивать участников борьбы высококачественным оснащением ради защиты народа, вербализуемая в высказываниях Дж. Буша, свидетельствует о значимости репрезентантов данного поля для формирования имиджа политика.

Безопасность и защита людей представлены в интервью политиков как главная цель использования средств борьбы. Это служит проявлением имиджевой роли *Защитника*, которая характерна для Дж. Буша и А. Меркель.

3.6 Актуализация пространственной семантики в речи политических деятелей

Актуализация лексико-семантического поля «Пространство вооруженной борьбы» осуществляется в интервью политиков главным образом благодаря:

1) словам и словосочетаниям с семантикой места (*place* ‘место’, *world* ‘мир’, *remote parts* ‘отдаленные части’ и др.): *It is – because the war against terrorists is a war against individuals who hide in caves in remote parts of the world* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Всё так, потому что война против террористов – это война против отдельных личностей, которые прячутся в канавах в отдаленных частях мира;*

2) именам собственным (топонимам), например *Iraq, North Korea, Afghanistan, Europa* и т.д. Например: *And the reason why I felt like we needed to use force in Iraq and not in North Korea, because we had run the diplomatic string in Iraq* [Там же] / рус. *Причина того, что я посчитал нужным применить силу в Ираке, а не в Северной Корее, в том, что у нас были дипломатические связи в Ираке.*

Vom Terrorismus <...> ging eine Bedrohung für uns in Europa aus [Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft, 2011] / рус. *От террора исходит угроза для нас – жителей Европы.*

Как показывают примеры, в большинстве случаев данные лексические единицы предстают в предложении в виде предложно-падежных оборотов в роли обстоятельства места.

В единичных случаях лексемы со значением места употреблены в роли подлежащего:

And the world is a safer and better place as a result of Saddam Hussein not being in power [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Мир стал более безопасным и хорошим местом после того, как Саддам Хусейн лишился власти.*

Обращаясь к лексеме *world* ‘мир’, американский политик подчеркивает крупномасштабность происходящих вооруженных действий, а актуализация семантики места через словосочетание *a safer and better place* ‘более безопасное и хорошее место’ выражает успешность вооруженной борьбы с терроризмом.

Локативная семантика участвует в реализации не только поля «Пространство вооруженной борьбы», но и в актуализации других полей, например поля «Участники вооруженной борьбы»:

Der Frieden, den Ägypten mit Israel vertraglich vereinbart hat, darf nicht in Frage gestellt werden [Ägyptens Weg in eine Demokratie muss unumkehrbar werden, [2011] / рус. *Мир, заключенный между Египтом и Израилем, нельзя ставить под вопрос.* В данном примере используется прием метонимии: обращаясь к названиям государств, выражающим пространственную семантику, политик подразумевает их граждан.

Пространственная семантика является значимой для отражения масштабности боевых действий (*Rwanda was, you know, I think 900,000 people in a very quick period of time of just wholesale slaughter* [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Руанда была, как Вы знаете, я думаю, 900.000 людей в короткий период времени масштабного кровопролития* [о геноциде в Руанде в 1994 г.]) или при номинации вооруженного столкновения по месту его проведения, например *Shahikot* ‘Шахи-Кот’ (*And there will be other battles in Afghanistan. There's going to be other struggles like Shahikot* [President Bush Holds Press Conference, 2002] / рус. *В Афганистане будут другие сражения. Будут другие битвы, как Шахи-Кот*).

Таким образом, актуализация компонентов лексико-семантического поля «Пространство вооруженной борьбы» в речи Дж. Буша и А. Меркель служит, главным образом, для указания места осуществления или направленности вооруженной борьбы и вносит незначительный вклад в формирование их имиджа.

3.7 Актуализация временной семантики в речи политических деятелей

Временная характеристика вооруженной борьбы осуществляется в речи политика посредством слов и словосочетаний с темпоральным значением. Например, в речи Дж. Буша к таковым относятся следующие единицы: *now* 'сейчас', *a second phase of the war* 'вторая фаза войны', *September the 11th* '11 сентября', *the past* 'прошлое', *future* 'будущий', *in a very quick period of time* 'в очень короткий период времени', *a very unique period* 'очень уникальный период'; в речи А. Меркель: *11 Septembers* '11 сентября', *im Jahre 2002* 'в 2002 году' и под. Как демонстрируют представленные единицы, при репрезентации темпоральной семантики важную роль играют числительные, обеспечивающие точность предоставляемых политическим деятелем данных.

Элементы исследуемого поля актуализируют семантику прошлого, настоящего и будущего, в некоторых случаях также в рамках одного высказывания: *And this is all in the context of war, and the more we learn about, what took place in the past, the more we're going to be able to better prepare for future attacks* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *И это всё происходит в условиях войны, и чем больше мы узнаем о том, что происходило в прошлом, тем лучше мы можем подготовиться к нападениям в будущем.*

Указание на определенные факты и значимые даты прошлого в высказываниях политика свидетельствует о его профессионализме и умении выделить определяющие исторически важные моменты, к которым можно отнести теракт 11 сентября 2001 г. в США:

And I like to remind people that September the 11th for us was a change in our history, and it certainly changed the way I thought [Interview with George W. Bush «Germany Is a Friend», 2006] / рус. *Мне нравится напоминать, что 11 сентября для нас было переворотом нашей истории, я действительно стал мыслить по-другому.*

Ob bewaffnete Sicherheitsbegleiter an Bord deutscher Flugzeuge oder das Terrorismusbekämpfungsgesetz im Jahre 2002 – all das sind Folgen des 11. Septembers [Wir haben Kurs gehalten, 2010] / рус. *Вооруженные сотрудники службы безопасности на борту немецких самолетов или закон о борьбе с терроризмом в 2002 году – всё это последствия 11 сентября.*

Темпоральная семантика актуализируется не только с целью выделения какого-либо момента в прошлом, дат, но и целого периода: *Rwanda was, you know, I think 900,000 people in a very quick period of time of just wholesale slaughter* [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Руанда была, как Вы знаете, я думаю, 900.000 людей в короткий период времени масштабного кровопролития* [о геноциде в республике Руанде в 1994 г.].

This is a very unique period in American history where a new President is coming in where we are fighting a two-front war against terrorists <...> [Charlie Gibson Interviews President Bush, 2008] / рус. *Это уникальный период в американской истории, когда новый Президент приходит туда, где мы ведем войну на два фронта против террористов.*

Имиджемоделлирующий потенциал исследуемого поля в репрезентации А. Меркель не был выявлен достаточно полно по причине небольшого количества материала, посвященного вооруженной борьбе.

Дж. Буш в своих высказываниях делает акцент на настоящем времени, используя:

а) наречия времени *now* ‘сейчас’ (*The fundamental question is: Do you deal with the threat once you see it? <...> in the war on terror, how do you deal with threats? I dealt with the threat by taking the case to the world and said, “Let's deal with this. We must deal with it now”* [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Существенный вопрос: вступаете ли Вы в борьбу с опасностью, как только ее заметили? <...> в войне с террором как вы боритесь с опасностью? Я взялся за опасность, призывая к борьбе с ней весь мир, и сказал: «Разберемся с ней. Мы должны разобраться с ней сейчас»);*

б) грамматическую форму глагола – обращение к временной форме глагола Present Continuous, служащей для выражения действия, происходящего в данный момент (в момент речи). (*And a second phase of the war is now going on* [Там же] / рус. *Сейчас идет вторая фаза войны*).

Таким образом, через вербализацию лексико-семантического поля «Время вооруженной борьбы» политические деятели связывают в своей речи прошлое, настоящее и будущее.

Акцент на событиях, происходящих в настоящий момент, выражает склонность политика трезво воспринимать текущее положение дел, принимая во внимание все угрозы, не откладывать необходимые действия на будущее.

Оперирование в речи определенными фактами и значимыми датами прошлого в высказываниях Дж. Буша свидетельствует о его профессионализме и умении выделить определяющие моменты в жизни и истории общества (имиджевая роль *Профессионал*).

3.8 Репрезентация лексико-семантического поля

«Последствия вооруженной борьбы» в речи политических деятелей

В высказываниях Дж. Буша к репрезентантам исследуемого поля были отнесены единицы *outcome* ‘последствия, исход’, *lessons* ‘уроки’, *a sense of pain* ‘чувство боли’, *innocent civilians who have been killed* ‘невинные граждане, которые были убиты’, *death* ‘смерть’, *victims* ‘жертвы’, *the defeat of Nazism* ‘победа над нацизмом’, *the soldiers who lost their lives* ‘солдаты, которые потеряли свою жизнь’, *to weep* ‘скорбеть’, *to empower* ‘придавать силу’ и др.

Американский политик уделяет большое внимание опыту, знаниям, полученным в ходе вооруженных столкновений прошлых лет:

And those are essential lessons to be learned from the Vietnam War [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *И это важнейшие уроки Вьетнамской войны, которые необходимо усвоить*.

The commission I set up, Tim, is one that will help future presidents understand how best to fight the war on terror, and it's an important part of the kind of lessons learned in Iraq and lessons learned in Afghanistan prior to us going in world [Там же] / рус. Устроенная мной проверка, Тим, была нацелена на помощь будущему президенту понять, как лучше всего воевать с террором, это один из важнейших уроков, полученных в Ираке, уроков, полученных в Афганистане еще до вступления в войну.

Семантический компонент 'опыт' актуализируется посредством лексемы *lessons*, а прилагательные *essential* и *important* выражают оценку со стороны политика. Однако вооруженная борьба как источник опыта представлена в высказываниях политика и другими способами:

Every potential harm to America had to be judged in the context of this war on terror [Там же] / рус. Любой возможный вред Америке должен был оцениваться с точки зрения этой войны с террором.

We were attacked, and therefore every threat had to be reanalyzed [Там же] / рус. На нас напали, поэтому каждая опасность должна была быть подвергнута анализу.

Модальная лексика (преимущественно несущая семантику долженствования), используемая Дж. Бушем, служит средством репрезентации его как политика, уверенного в своей правоте и требующего немедленного решения названных проблем (в частности, связанных с войной).

Способ репрезентации политиком последствий войны характеризует его как *Политика-аналитика*.

При описании последствий вооруженной борьбы в речи американского политика была также отражена семантика жестокости посредством таких слов и словосочетаний, как *innocent civilians who have been killed* 'невинные граждане, которые были убиты', *death* 'смерть', *victims* 'жертвы', *the soldiers who lost their lives* 'солдаты, которые потеряли свою жизнь'. Более того, в высказываниях Дж. Буша прослеживается прочная связь между жестокостью боевых действий и её эмоциональным воздействием. В некоторых высказываниях Президент США

передает свои впечатления от жестоких последствий борьбы. Например: *I feel a sense of pain for those who were tortured by Saddam, by the parents who watched their daughters raped by Saddam, by those innocent civilians who have been killed by inadvertent allied action, by those who have been bombed by suicide bombers. I feel a sense of pain for death. I feel a sense of pain for the families of our troops* [Interview George W Bush on..., 2008] / рус. *Я чувствую боль за тех, кого мучил Саддам Хусейн, за родителей, на глазах которых Саддам насиловал их дочерей, за тех мирных жителей, которые были ненамеренно убиты союзниками, за тех, кто попал под взрыв террористов смертников. Я чувствую боль за смерть. Я чувствую боль за семьи наших воинов – реализация имиджевой роли Сострадающий политик.*

I don't think they're going badly. I mean, obviously I think they're going badly for the soldiers who lost their lives, and I weep for that person and their family. But no, I think we're making good progress [Raw Data: Text of Bush Interview, 2003] / рус. *Я не думаю, что их действия плохи. Я имею в виду, очевидно, плохи в отношении солдат, потерявших свои жизни, я скорблю об этих людях и их семьях. Но нет, я думаю, мы успешно двигаемся вперед.*

Экспрессивность данных фрагментов интервью выражается за счет лексического повтора и анафоры в предложениях (*I feel a sense of pain for <...>*). При вербализации последствий вооруженной борьбы Дж. Буш затрагивает тему семьи, реализующуюся через слова *parents, daughters, families*. Так, политический деятель выражает не только личные переживания, но и потрясения, затронувшие семьи участников вооруженных действий: *I suspect the families of those victims understand the nature of killers* [In full: George W Bush's BBC interview, 2008] / рус. *Я думаю, семьи тех жертв осознают сущность убийц.*

Обращение к теме семьи и разделение человеческой боли характеризует Дж. Буша как *Простого человека*.

Отмечая последствия вооруженной борьбы, американский политик вербализует смыслы успеха через лексемы *to defeat* ‘побеждать’, *defeat* ‘победа’,

to celebrate 'праздновать': Nazism was defeated. We're celebrating the defeat of Nazism [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Нацизм был побежден. Мы празднуем победу над нацизмом.*

Смысл данного высказывания усиливается лексическим повтором.

В выступлениях Дж. Буша также присутствуют высказывания, совмещающие семантику горя и успеха, например: *In other words, people can't be looking over their shoulder and seeing the next terrorist attack* [Transcript: Bush Interview, 2007] / рус. *Другими словами, люди не могут постоянно оглядываться и ожидать новую террористическую атаку.*

Вербализация возможных негативных последствий вооруженной борьбы в интервью Дж. Буша служит средством аргументации собственных действий, в качестве главной цели которых представляется борьба с опасностью для Америки и всего мира:

Failure in Iraq would empower Iran, which poses a significant threat to world peace. In other words, there's a lot of reasons that I know we must succeed [Там же] / рус. *Поражение в Ираке придаст силу Ирану, который представляет собой значительную опасность для мира на земле. Другими словами, есть много причин, почему мы должны преуспеть в этом деле.*

Every potential harm to America had to be judged in the context of this war on terror [George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station, 2004] / рус. *Любой возможный вред Америке должен был оцениваться с точки зрения этой войны с террором.*

В целом, анализ лексико-семантического поля «Последствия вооруженной борьбы» позволяет выявить несколько имиджевых ролей Дж. Буша. Например, роль *Политика-аналитика* формируется за счет того, что американский политик выделяет значимость опыта, полученного в ходе вооруженных действий прошлых лет.

Последствия вооруженной борьбы в речи Президента США связаны с жестокостью, выражаемой рядом репрезентантов исследуемого поля. Политик вербализует эмоциональное восприятие этой жестокости со своей стороны и

со стороны семей участников вооруженной борьбы. Так, актуализация темы семьи способствует моделированию имиджевой роли *Простой человек*.

Имидж успешного политика создается благодаря вербализации возможных негативных последствий (преимущественно опасности для Америки и всего мира), которые необходимо предотвратить (моделирование имиджевой роли *Защитник*).

В речи А. Меркель встретились лишь единичные упоминания об исходе войны, в частности о заключении мира между противостоящими сторонами, что также характеризует А. Меркель как миролюбивого политика: *Der Frieden, den Ägypten mit Israel vertraglich vereinbart hat, darf nicht in Frage gestellt werden* [Ägyptens Weg in eine Demokratie muss unumkehrbar werden, 2011] / рус. *Мир, заключенный между Египтом и Израилем, нельзя ставить под вопрос*.

Итак, единицы, входящие в лексико-семантическое поле «Последствия вооруженной борьбы» в интерпретации Дж. Буша и А. Меркель демонстрируют разный имиджемоделлирующий потенциал.

3.9 Имиджевые роли В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель

Посредством семантических компонентов, выделенных при исследовании способов концептуализации вооруженной борьбы в высказываниях Дж. Буша и А. Меркель, моделируются конкретные имиджевые роли политиков, на фоне которых выявляется специфика речевого имиджа российского лидера.

Результаты сопоставительного анализа имиджевых ролей В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель кратко отражены в табл. 2.

Таблица 2

Имиджевые роли В. В. Путина, Дж. Буша, А. Меркель

Имиджевая роль	В. В. Путин	Дж. Буш	А. Меркель
<i>Патриот</i>	+	+	

<i>Представитель Европы</i>			+
<i>Защитник</i>	+	+	+
<i>Миротлюбивый политик</i>	+	+	+
<i>Борец</i>	+	+	+
<i>Политик, призывающий к объединению</i>	+		+
<i>Сострадающий политик</i>	+	+	
<i>Простой человек</i>	+	+	
<i>Справедливый политик</i>	+	+	
<i>Попечитель</i>	+	+	+
<i>Профессионал</i>	+	+	+
<i>Успешный политик</i>	+	+	
<i>Современный политик</i>	+		
<i>Политик, утверждающий законность</i>		+	+

Ключевой ролью для В. В. Путина является роль *Патриот*. Она также характерна для Дж. Буша, уделяющего большое внимание защите, успехам и благополучию своего государства. Канцлер Германии, в свою очередь, защищает интересы не своей страны, а Европы в целом, реализуя имиджевую роль *Представитель Европы*, частично пересекающуюся с ролями *Защитник*, *Миротлюбивый политик*, *Попечитель*. В интервью А. Меркель не были выявлены случаи вербализации семантики смерти, крови. Все высказывания представляются достаточно сдержанными. Это отличает имидж канцлера Германии от имиджа политиков России и США.

По-разному проявляется в политической коммуникации имиджевая роль *Борец*. В речи лидеров России и Германии она подразумевает борьбу с различными угрозами. В интервью Дж. Буша указанная роль расширяется до ролей *Воин* и *Лидер*. Воинственность американского политика эксплицитно выражена в ряде высказываний и отражается на его имидже. Такие публично произнесенные Дж. Бушем фразы, как «wanted dead or alive» ‘разыскивался живым или мертвым’, в отношении террористов, отрицательно сказываются на имидже американского политика. В частности, американский политический деятель Фрэнк Лаутенберг, сенатор США от штата Нью-Джерси, назвал язык Дж. Буша «безответственным и провоцирующим» («irresponsible and inciteful») [Bush: 'Bring on' attackers of U.S. troops, 2003]. Восприятие политика, отраженное в представленном отзыве, вызвано чрезмерной резкостью и воинственностью политика.

Имиджевая роль *Профессионал* реализуется политиками через использование лексических единиц, принадлежащих к политической сфере, вербализацию их обязанностей. В репрезентации лидера США она включает частную роль *Аналитик*.

Имиджевая роль *Успешный политик* формируется посредством актуализации разных смыслов в речи В. В. Путина и Дж. Буша. К проявлению данной роли мы отнесли упоминаемые российским лидером положительные результаты своей деятельности, а в высказываниях Дж. Буша – вербализацию семантики победы.

В отличие от В. В. Путина, политики США и Германии делают специальный акцент на законности действий, предпринимаемых в ходе вооруженной борьбы, благодаря чему моделируется роль *Политик, утверждающий законность*.

Имиджевые роли В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель соотносимы с выделенными ранее факторами, участвующими в создании имиджа политика. Так, роли *Патриот*, *Миролюбивый политик*, *Борец*, *Лидер*, *Воин*, *Простой человек*, *Справедливый политик*, *Попечитель* классифицируются как проявление личностных характеристик политика. Имиджевые роли *Патриот*,

Представитель Европы, Борец, Политик, призывающий к объединению, Попечитель, Политик, утверждающий законность могут быть связаны с целями и задачами политического деятеля, хотя, в нашем представлении, наличие каждой имиджевой роли объясняется какими-либо (в том числе неизвестными аудитории) намерениями обладателя имиджа. Социально-физиологические особенности лидеров России, США и Германии, вызывающие в сознании общественности некоторые стереотипические представления, могут определять наличие в структуре имиджа В. В. Путина и Дж. Буша имиджевых ролей *Борец, Воин, Лидер, Успешный политик*, соответствующих образу успешного мужчины, и имиджевой роли *Миролюбивый политик* – в структуре имиджа А. Меркель (женский образ). Роли *Патриот, Представитель Европы, Лидер, Защитник, Попечитель, Борец, Профессионал, Аналитик, Современный политик, Политик, утверждающий законность* объясняются социальными факторами: статусом и обязанностями лидера государства. Ориентация на целевую аудиторию проявляется в имиджевых ролях *Патриот, Представитель Европы, Защитник, Попечитель, Простой человек*. О национальных особенностях и традициях, влияющих на моделирования имиджа политиков России, США, Германии судить сложно, поскольку это не входит в задачи исследования.

Выводы по главе 3

Речь является одним из инструментов, определяющих восприятие человека обществом. Особенности речевого имиджа политического деятеля, влияющие на достижение его целей, проявляются при анализе языковых средств формирования имиджа в сопоставительном аспекте.

Тема вооруженной борьбы, будучи неизбежной в политической коммуникации, реализует специфику речи политика, отражает его имиджевые роли.

Выявленные смыслы вооруженной борьбы, выражаемые политиками России, США и Германии, преимущественно совпадают, например, терроризм

представлен ими как крупномасштабное и опасное явление. Однако дополнительные оттенки значения, вербализуемые лидерами разных стран, количество и разнообразие репрезентантов концепта *Вооруженная борьба*, языковые и риторические средства, используемые политическими деятелями, способствуют моделированию определенного набора имиджевых ролей.

Отличие речевого имиджа В. В. Путина, Дж. Буша и А. Меркель касается, например, употребления лексем со значением «война». Слова *война* (наиболее часто функционирующий номинат вооруженных действий в интервью В. В. Путина) и *Krieg* в интервью политиков России и Германии встречаются в большинстве случаев в устойчивых словосочетаниях. Дж. Бушу характерно частое использование лексемы *war* в различных контекстах, что свидетельствует о наличии роли *Воин* в структуре имиджа лидера США.

Из риторических приемов, активно используемых политиками при описании вооруженной борьбы, её участников, целей, средств и т. д., отмечены оценочные языковые единицы (как с положительной, так и отрицательной коннотацией), которые участвуют в моделировании большинства имиджевых ролей политических деятелей, таких как роли *Патриот*, *Миротворец*, *Сострадающий политик*, *Защитник* и др.

Сопоставительный анализ интервью политиков показал, что специфику речевого имиджа В. В. Путина определяет обращение к метафоре, выявленное при исследовании ряда лексико-семантических полей, а также использование единиц, принадлежащих разным функциональным стилям речи и участвующих в формировании определенных имиджевых ролей. Так, разговорная лексика способствует реализации роли *Простой человек*, профессионализмы формируют имиджевую роль *Политик-профессионал*.

Таким образом, концептуализация вооруженной борьбы в интервью политических деятелей обладает спецификой, влияющей на моделирование имиджа. Сопоставительный анализ выступлений лидеров разных стран позволяет выявить общие черты и особенности их речевого имиджа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык обладает значительными возможностями для выражения смыслов, которыми оперирует политик, и участвует в создании его имиджа, особенно при обращении к ключевым темам и дискурсообразующим концептам политики. Этим объясняется необходимость изучения способов создания имиджа в рамках лингвистики. Одним из жанров, обладающих имиджемоделлирующим потенциалом, является жанр интервью, в рамках которого говорящий реализует различные имиджевые роли и воздействует на аудиторию.

Проведенное исследование речевого имиджа может получить развитие в рассмотрении имиджа политических деятелей в гендерном аспекте, при изучении этноспецифики речи, а также при дальнейшем анализе концептуального моделирования имиджа в рамках представленного или иных концептов.

Система ролей, составляющих имидж политика, формируется под воздействием множества факторов, зависящих от особенностей самого политического деятеля и требований социума. Наименование ролей осуществляется посредством «ярлыков», воплощающих в себе стереотипные, базовые, наиболее значимые характеристики, приписываемые политическому деятелю. Имиджевые роли политика выявляются на основе семантических компонентов, реализующихся в его высказываниях.

Одним из способов моделирования речевого имиджа и имиджевых ролей является вербализация концепта, смысловая наполненность которого индивидуальна. Концепт *Вооруженная борьба*, являющийся концептом смешанного типа, отражает общие и специфические содержательные компоненты, актуализируемые политиком и участвующие в создании определенного имиджа. Имиджемоделлирующий потенциал данного концепта усиливается тем, что тема вооруженной борьбы является неизбежной

для политической коммуникации и требует особого внимания как со стороны политиков, так и со стороны аудитории.

Способ вербализации концепта *Вооруженная борьба* формирует структуру имиджа российского лидера В. В. Путина, определяет его имиджевые роли. Так, для политика характерны роли *Патриот*, *Защитник*, *Миролюбивый политик*, *Борец*, *Политик*, *призывающий к объединению*, *Сострадающий политик*, *Простой человек*, *Справедливый политик*, *Попечитель*, *Профессионал*, *Успешный политик*, *Современный политик*.

Некоторые из представленных ролей пересекаются друг с другом. Например, роль *Патриот* проявляется через особую семантику, отражающую не просто любовь к Родине, но и стремление защитить страну, сохранить её целостность, обеспечить необходимыми средствами, а также благодарность участникам вооруженных действий.

Имиджевые роли *Защитник*, *Миролюбивый политик*, *Политик*, *призывающий к объединению*, *Сострадающий политик*, *Попечитель* выделены отдельно по той причине, что В. В. Путин проявляет себя определенным образом (в соответствии с ролью) не только по отношению к России и её гражданам, но и по отношению к другим странам, страдающим от вооруженных действий. Например, обозначая себя как *Миролюбивого и Сострадающего политика*, российский лидер выражает личное негативное восприятие боевых действий, агрессивных средств борьбы, деструктивных целей, а также апеллирует к нуждам и интересам представителей разных стран мира. Призыв к объединению, высказываемый В. В. Путиным, связан со стремлением сохранить территориальное единство и объединить усилия, например в борьбе с терроризмом.

Семантика противостояния, выраженная на разных уровнях языка, формирует имиджевую роль *Борец*.

Ориентация на современность, особо проявляющаяся при актуализации темпорального значения, характеризует российского лидера как *Современного политика*.

Роль *Простой человек* вербализуется в интервью В. В. Путина через использование разговорной и просторечной лексики.

Справедливость политического деятеля проявляется, например, в высказываниях, актуализирующих идею, что агрессивные действия всегда наказываются.

Спецификой реализации роли *Политика-профессионала* является использование лексики, принадлежащей к политической сфере, а также включение в речь фактических данных.

Высказывания, отражающие достижения В. В. Путина по развитию России, описывают его как *Успешного политика*.

Выделенные в ходе работы имиджевые роли российского политика моделируют положительный имидж. В контексте вооруженной борьбы отметим абсолютное неприятие В. В. Путиным данного явления, категоричность в оценивании участников борьбы, их целей, действий и так далее, которая проявляется в рамках каждого лексико-семантического поля.

Таким образом, имиджевая роль В. В. Путина *Патриот* является наиболее объемной, пересекаясь со многими другими ролями, входящими в структуру имиджа российского лидера. Наличие множества других ролей в структуре имиджа политика подтверждает значимость концепта *Вооруженная борьба* для политической коммуникации, а также его высокий имиджемоделлирующий потенциал.

Для выявления специфики концептуализации вооруженной борьбы в выступлениях В. В. Путина был проведен анализ интервью лидеров США и Германии: Дж. Буша и А. Меркель.

Так же, как и для имиджа В. В. Путина, ключевой ролью, характеризующей Дж. Буша, является имиджевая роль *Патриот*, в рамках которой политик уделяет большое внимание защите, успехам и благополучию своего государства. Канцлер Германии защищает интересы не своей страны, а Европы в целом, реализуя имиджевую роль *Представитель Европы*, также

частично пересекающуюся с ролями *Защитник*, *Миролюбивый политик*, *Попечитель*.

По-разному реализуется в интервью политиков имиджевая роль *Борец*. В высказываниях лидеров России и Германии она подразумевает борьбу с различными угрозами. В интервью Дж. Буша данная роль расширяется до ролей *Лидер* и *Воин*. Восприятие политика, отраженное в представленных в работе опросах и отзыве сенатора США, может быть охарактеризовано как негативное по причине чрезмерной резкости и воинственности политика.

Имиджевая роль *Успешный политик* формируется в речи В. В. Путина и Дж. Буша через вербализацию разных смыслов. К проявлению данной роли отнесено представление российским лидером положительных результатов своей деятельности, а в высказываниях Дж. Буша – вербализация семантики победы.

В отличие от В. В. Путина, политики США и Германии акцентируют внимание на законности действий, осуществляемых в ходе вооруженной борьбы, посредством чего моделируется имиджевая роль *Политик, утверждающий законность*.

Таким образом, концептуализация вооруженной борьбы в интервью В. В. Путина, Дж. Буша, А. Меркель обладает своей спецификой и отражает факторы, участвующие в моделировании имиджа политического деятеля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Большое интервью. Ответы Президента РФ Владимира Путина на вопросы журналистов. 31.01.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/> (дата обращения: 12.06.2014).
2. Владимир Путин дал интервью Би-би-си. 22.06.2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3009000/3009738.stm (дата обращения: 12.06.2014).
3. Владимир Путин дал интервью информационному агентству «Блумберг». Полная версия. 27.01.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.westsib.ru/text/read/3994> (дата обращения: 14.06.2014).
4. Владимир Путин: позитивные тенденции есть, но пока это только тенденции. 26.12.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2000-12-26/1_putin.html (дата обращения: 14.06.2014).
5. Владимир Путин признался во врожденной лени. 06.03.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/03/06/intervjuprez.shtml> (дата обращения: 12.06.2014).
6. Владимир Путин: «Россия знает себе цену». Интервью межарабскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира». 02.12.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20070212/232781.html> (дата обращения: 12.06.2014).
7. Докторов, Б. Зеркало американской политики [Электронный ресурс] / Б. Докторов // Полит.ру. – 2011. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/08/08/obama/> (дата обращения: 05.03.2014).
8. Интервью В. В. Путина Иранскому Гостелерадио [Электронный ресурс] // Наш мир. Казахская республиканская газета. – 2007. – Режим доступа: <http://nm2000.kz/news/2007-10-17-1502> (дата обращения: 12.06.2014).

9. Интервью Владимира Путина индийскому телеканалу «Дурдаршан» и информационному агентству «Пи-Ти-Ай». 08.01.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.v-v-putin.ru/smi_india_18-01-2007.html (дата обращения: 12.06.2014).

10. Интервью Владимира Путина Ларри Кингу. 02.12.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/interview/20101202/303390492.html> (дата обращения: 12.06.2014).

11. Интервью Владимира Путина японским СМИ. 10.05.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=283798&cid=9> (дата обращения: 12.06.2014).

12. Интервью журналу «Тайм». 19.12.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/12/19/1607_type63379_154772.shtml (дата обращения: 12.06.2014).

13. Интервью Иранскому Гостелерадио и информационному агентству ИРНА. 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/10/148471.shtml> (дата обращения: 07.07.2014).

14. Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина французской газете «Фигаро». 13.09.2008 [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – 2008. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/139760/> (дата обращения: 12.06.2014).

15. Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина телеканалу РТР-Санкт-Петербург и газете «Невское время». 08.08.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-dksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/3dc73b889799785a43256bde00250957?OpenDocument> (дата обращения: 12.06.2014).

16. Интервью президента Путина в Сети. 06.03.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1203000/1203670.stm (дата обращения: 12.06.2014).

17.Интервью Президента России В Путина германской газете «Зюддойче цайтунг». 10.10.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civilg8.ru/6583.php> (дата обращения: 12.06.2014).

18.Интервью Президента России Владимира Путина телеканалам Первый, «Россия» и НТВ. 29.11.2003 [Электронный ресурс] // Ленинградская правда. – 2003. – Режим доступа: <http://www.lenpravda.ru/digest/federal/264071.html> (дата обращения: 12.06.2014).

19.Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина греческим телекомпаниям НЕТ-ТВ и МЕГА. 05.12.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20011205/29003.html> (дата обращения: 12.06.2014).

20.Интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина телеканалам ОРТ, РТР и «Независимой газете». 27.02.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/02/27/esli4eloveka.shtml> (дата обращения: 12.06.2014).

21.Интервью украинским телеканалам «УТ-1», «Интер» и «1+1». 26.10.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78550.shtml> (дата обращения: 12.06.2014).

22.Мы близки, как никогда прежде. 07.05.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/07-05-2005/50992-putinshreder-0/> (дата обращения: 12.06.2014).

23.«Мы разговаривали как мужчина с женщиной». 18.06.2001 [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Ежедневная общенациональная деловая газета. – 2001. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/270972> (дата обращения: 12.06.2014).

24.Опрос Newsweek: Популярность Буша упала до рекордно низкого уровня [Электронный ресурс] // Newsweek. – 2008. – Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_464381d49e232.html (дата обращения: 12.06.2014).

25. Ответы Президента Российской Федерации В. В. Путина на вопросы в рамках мероприятия «Прямая линия с Президентом Российской Федерации». 24.12.2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ortrtr.ru/answers.htm> (дата обращения: 12.06.2014).

26. Петрова, А. С. Рейтинг Дж. Буша в России невысок [Электронный ресурс] / А. С. Петрова // База данных ФОМ. – 2002. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of021703> (дата обращения: 12.06.2014).

27. Письменное интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина вьетнамской газете «Нян зан». 27.02.2001 [Электронный ресурс] // Азиатская библиотека. – 2001. – Режим доступа: http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/interview_putin.htm (дата обращения: 12.06.2014).

28. Полный текст интервью Президента России Владимира Путина директору дирекции информационных программ «Первого канала» Кириллу Клейменову, главному редактору службы информации телеканала НТВ Татьяне Митковой и политическому обозревателю телеканала «Россия» Николаю Сванидзе. 18.11.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/361755.html> (дата обращения: 12.06.2014).

29. Президент Российской Федерации Владимир Путин провел брифинг в Международном пресс-центре в Стрельне. 16.07.2006 [Электронный ресурс] // Civil G8 – Гражданская восьмерка. – 2006. – Режим доступа: <http://civilg8.ru/6198.php> (дата обращения: 12.06.2014).

30. Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов. 23.12.2004 [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – 2004. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/12/81691.shtml> (дата обращения: 12.06.2014).

31. Пресс-конференция Президента России В. В. Путина 15 января 2002 года, Париж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/BDOMP/bl.nsf/4d6cf8cbe426a71743256918006895e7/5427b8847f5c657243256b4400318ed7!OpenDocument> (дата обращения: 12.06.2014).

32.Путин В. Интервью журналистам печатных средств массовой информации из стран – членов «Группы восьми». 04.06.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roschupkin.viperson.ru/wind.php?ID=314253&soch=1> (дата обращения: 12.06.2014).

33.Путин возглавил рейтинг самых упоминаемых персон за прошедшее десятилетие [Электронный ресурс] // Информационное агентство РОСБАЛТ. – 2010. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/12/24/804442.html> (дата обращения: 12.06.2014).

34.Путин дал эксклюзивное интервью газете Le Figaro. 27.10.2000 [Электронный ресурс] // Деловая газета БГД. – 2000. – Режим доступа: <http://bdg.by/news/news.htm?1736,1> (дата обращения: 12.06.2014).

35.Рейтинг Джорджа Буша достиг исторического минимума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/world/11-11-2008/291441-mir-0/> (дата обращения: 12.06.2014).

36.Словесная война. 15.05.2006 [Электронный ресурс] // inoСМИ.Ru. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20060515/227428.html> (дата обращения: 07.07.2014).

37.Составлен ТОП-100 российских политиков по итогам 2010 года [Электронный ресурс] // Рейтинг новостей TOPNews. – 2011. – Режим доступа: http://www.topnews.ru/news_id_40092.html (дата обращения: 12.06.2014).

38.Стенограмма «Прямой линии с Президентом России». 27.09.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liniya2005.ru/> (дата обращения: 12.06.2014).

39.Стенограмма «Прямой линии с Президентом России». 25.10.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liniya2006.ru/> (дата обращения: 12.06.2014).

40.Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным» («Первый канал», телеканал «Россия», радио «Маяк» и «Радио

России»). 19.12.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linia2002.ru> (дата обращения: 12.06.2014).

41. Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным» («Первый канал», телеканал «Россия», радио «Маяк» и «Радио России»). 18.12.2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linia2003.ru> (дата обращения: 12.06.2014).

42. Стенограмма «Прямой линии с Президентом России Владимиром Путиным». 18.10.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president-line.ru/> (дата обращения: 12.06.2014).

43. Тюрьма в Гуантанамо [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – 2014. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%FE%F0%FC%EC%E0_%E2_%C3%F3%E0%ED%F2%E0%ED%E0%EC%EE (дата обращения: 12.06.2014).

44. Ägyptens Weg in eine Demokratie muss unumkehrbar werden [Die elektronische Ressource] // GTCIT Magazine. – 2011. – URL: <http://www.gtcit.com/publicaciond.php?PublicacionId=58238&lang=en> (das Datum des Zuganges: 01.03.2011).

45. Bush: 'Bring on' attackers of U.S. troops [Electronic resource] // USA Today. – July 2. 2003. – URL: http://usatoday30.usatoday.com/news/world/iraq/2003-07-02-bush-iraq-troops_x.htm (access date: 20.04.2011).

46. Bush: 'I Did Not Compromise My Principles' [Electronic resource] // ABC News. – 2008. – URL: <http://abcnews.go.com/WN/Politics/story?id=6354012&page=1> (access date: 05.03.2011).

47. Bush on His Legacy: I 'Liberated' Iraqis [Electronic resource] // ABC News. – 2008. – URL: <http://abcnews.go.com/Politics/story?id=6353033&page=1> (access date: 03.03.2011).

48. Charlie Gibson Interviews President Bush [Electronic resource] // ABC News. – 2008. – URL: <http://abcnews.go.com/WN/Politics/story?id=6356046&page=1> (access date: 12.06.2014).

49. Forbes: Рейтинг самых влиятельных женщин в мире 2009 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – М., 2002–2014. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/media-advertising-marketing/2009/08/20/2137> (дата обращения: 12.06.2014).

50. Frachtgutkontrollen weltweit besser abstimmen [Die elektronische Ressource] // Die Bundeskanzlerin. 2010. – URL: <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Interview/2010/11/2010-11-03-pnp-merkel.html> (das Datum des Zuganges: 01.03.2011).

51. Full Transcript: NPR Interview with President Bush [Electronic resource] // NRP. – 2007. – URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=7065633> (access date: 12.06.2014).

52. George Bush gave an interview to the (Russian) NTV television station [Electronic resource] // Meet the Press. – 2004. – URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/4179618/> (access date: 12.06.2014).

53. In full: George W Bush's BBC interview [Electronic resource] // BBC News. – 2008. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/7245670.stm> (access date: 12.06.2014).

54. Interview George W Bush on... [Electronic resource] // Guardian.co.uk. – 2008. – URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/jun/15/georgebush.usa1> (access date: 12.06.2014).

55. Interview mit Angela Merkel Fühlen Sie sich von der FDP erpresst? [Die elektronische Ressource] // Bild.de. – 2010. – URL: <http://www.bild.de/BILD/politik/2010/06/13/angela-merkel/wm-wulff-gauck-fdp-bundeskanzlerin-interview-teil-1.html> (das Datum des Zuganges: 03.03.2011).

56. Interview mit Bundeskanzlerin Angela Merkel zum Weltfrauentag. Ist es schön, eine Frau zu sein? [Die elektronische Ressource] // Bild.de. – 2006. – URL: <http://www.bild.de/news/2006/news/frauen-merkel-interview-188142.bild.html> (das Datum des Zuganges: 01.04.2011).

57. Interview with Angela Merkel [Die elektronische Ressource] // FT Quentin Peel. – 2007. – URL:

http://www.martinfrost.ws/htmlfiles/jan2007/merkel_interview.html (das Datum des Zuganges: 12.06.2014).

58. Interview with George W. Bush «Germany Is a Friend» [Electronic resource] // Spiegel ONLINE. – 2006. – URL: <http://www.spiegel.de/international/0,1518,414995,00.html> (access date: 12.06.2014).

59. Merkel: «Die Probleme anpacken» [Die elektronische Ressource] // Die Bundeskanzlerin. – 2010. – URL: <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Interview/2010/07/2010-07-03-rtl-sommerinterview.html> (das Datum des Zuganges: 12.06.2014).

60. Merkel-Interview: «Ich stelle die Steuerreform nicht infrage» [Die elektronische Ressource] // Handelsblatt. – 2010. – URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/ich-stelle-die-steuerreform-nicht-infrage/3345636.html> (das Datum des Zuganges: 15.06.2014).

61. Presidential Approval Ratings – George W. Bush [Electronic resource] // Gallup. – 2009. – URL: <http://www.gallup.com/poll/116500/presidential-approval-ratings-george-bush.aspx#1> (access date: 20.04.2014).

62. President Bush Holds Press Conference [Electronic resource] // The White House. President George Bush. – 2002. – URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/03/20020313-8.html> (access date: 12.06.2014).

63. President Bush Meets with President Torrijos of Panama [Electronic resource] // The White House. President George Bush. – 2005. – URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051107.html> (access date: 20.04.2014).

64. Raw Data: Text of Bush Interview [Electronic resource] // FOXNews.com. – 2003. – URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,98006,00.html> (access date: 20.04.2014).

65. Sicherheitssysteme werden umfassend überprüft [Die elektronische Ressource] // GTCIT Magazine. – 2011. – URL:

<http://www.gtcit.com/publicaciond.php?PublicacionId=60937&lang=en> (das Datum des Zuganges: 24.04.2011).

66. SPIEGEL Interview: Merkel: Guantanamo Mustn't Exist in Long Term [Die elektronische Ressource] // SPIEGEL International. – 2006. – URL: <http://www.spiegel.de/international/spiegel-interview-merkel-guantanamo-mustn-t-exist-in-long-term-a-394180.html> (das Datum des Zuganges: 21.01.2014).

67. Transcript: Bush Interview [Electronic resource] // CBS News. – 2007. – URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2007/01/14/60minutes/main2359119.shtml> (access date: 01.03.2011).

68. Übernahme in Verantwortung in Afghanistan [Die elektronische Ressource] // Die Bundeskanzlerin. – 2010. – URL: http://www.bundestkanzlerin.de/nn_683636/Content/DE/Interview/2010/11/2010-11-14-merkel-wams.html (das Datum des Zuganges: 15.04.2014).

69. Wir haben Kurs gehalten [Die elektronische Ressource] // Die Bundeskanzlerin. – 2010. – URL: <http://www.bundestkanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Interview/2010/04/2010-04-27-bk-berliner-kurier.html> (das Datum des Zuganges: 15.04.2011).

Литература

70. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики : моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

71. Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс : учеб. пособие для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, Е. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жунь. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. – 232 с.

72. Амиров, В. М. Политическая проблематика в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов [Электронный ресурс] / В. М. Амиров // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-problematika-v-zhurnalistskom-diskurse-sovremennyh-vooruzhennyh-konfliktov> (дата обращения: 10.01.2012).

73. Арнольд, И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематической сетке текста / И. В. Арнольд // Текст как объект компонентного анализа в ВУЗе : сб. науч. тр. – Л. : Изд-во Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1984. – С. 3–11.

74. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

75. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

76. Ахатова, Б. А. Относительность номинации в политическом дискурсе / Б. А. Ахатова // Стилистика и теория языковой коммуникации : тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. МГЛУ И. Р. Гальперина. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2005. – С. 64–65.

77. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 86 с.

78. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.

79. Базылев, В. Н. Речевой имидж политического деятеля / В. Н. Базылев // Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 120–132.

80. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

81. Бенвенист, Э. Общая лингвистика : пер. с фр. / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.

82. Блудова, А. Г. Дискурс-анализ имиджевых характеристик политика в PR-тексте / А. Г. Блудова, К. В. Киуру // Средства массовой информации в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб. : Изд-во С-Петербург. гос. ун-та, 2005. – 0,2 п. л.

83. Богословская, З. М. Дialeктная вариантология : моногр. / З. М. Богословская. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2005. – 271 с.

84. Богословская, З. М. Криворотова, К. В., Признаки концепта «Familie», актуализированные в диалектной речи российских немцев Томской области / З. М. Богословская, К. В. Криворотова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. № 10 (125). – С. 48–52.

85. Богословская, З. М. Щеголихин, Ю. В. Историко-этимологический анализ имени концепта "Familie" / З. М. Богословская, Ю. В. Щеголихина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – № 10(38), 2013. – С. 80–84.

86. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 25–36.

87. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

88. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А. В. Бондарко ; Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

89. Бородько, Д. А. Лексические средства воплощения концепта «Вооруженный конфликт» в немецкоязычном новостном дискурсе [Электронный ресурс] / Д. А. Бородько // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 150. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-voploscheniya-kontsepta-vooruzhennyy-konflikt-v-nemetskoyazychnom-novostnom-diskurse> (дата обращения: 14.06.2014).

90. Брянцева, Е. А. Социология имиджа: методологические основы [Электронный ресурс] / Е. А. Брянцева // Глобализация и социальные изменения :

материалы науч. конф. «Ломоносовские чтения – 2006». – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (дата обращения: 14.06.2014).

91. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Русский филологический портал. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 14.06.2014).

92. Булгакова, О. В. Имидж университетского города / О. В. Булгакова // Российско-германские исследования. – Т. 1 [Богомолов Алексей Вадимович, Булгакова Ольга Владиславовна, Козуб Светлана Павловна и др. ; под ред. Клауса Шуберта, А. И. Щербинина]. – Томск : Курсив, 2012.). – С. 119–126.

93. Булгакова, О. В. Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Булгакова Ольга Владиславовна. – Томск, 2009. – 199 с. (Рукопись.)

94. Булгакова, О. В. Функционирование метафорических моделей в имиджевом экономическом дискурсе прессы / О. В. Булгакова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 1 (13). – С. 121–128.

95. Булгакова, О. В. Экономическая метафора в имиджевом дискурсе (на примере «Бизнеса» – приложения к Томской областной газете «Красное знамя») / О. В. Булгакова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2011. – Т. 10, № 6. – С. 107–110.

96. Бушев, А. Б. Герменевтика актуального медийного дискурса [Электронный ресурс] / А. Б. Бушев // Современный дискурс-анализ. Интерпретация медийных форм дискурса : электронный журнал / Центр коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива» Белгородского государственного национального исследовательского университета. – 2012. – Вып. 6. – С. 4–29. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf> (дата обращения: 14.06.2014).

97.Бушев, А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика : моногр. / А. Б. Бушев. – Lambert Academic Press, 2011. – 276 с.

98.Василик, М. А. Основы теории коммуникации : учеб. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.

99.Васильев, А. Д. Вербализация концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка : моногр. / А. Д. Васильев, А. А. Бариловская. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2008. – 140 с.

100.Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик [и др.]; под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2004. – Вып. 4. – 208 с.

101.Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 411 с.

102.Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 654 с.

103.Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 200 с.

104.Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

105.Венедиктова, Л. Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Венедиктова Людмила Николаевна. – Тюмень, 2004. – 180 с.

106.Виноградова, С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом / С. А. Виноградова // Мир науки, культуры, образования. – Мурманск. – 2010. – № 4–1. – С. 45–47.

107.Волкова, В. В. Формирование современного имиджа гуманитарного вуза / В. В. Волкова. – М. : Изд-во Моск. гуманит.-эконом. ин-та, 2008. – 342 с.

108.Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа : моногр. / С. Г. Воркачев. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. тех. ун-та, 2002. – 142 с.

109.Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.

110.Выготский, Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 415 с.

111.Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

112.Демешкина, Т. А. Способы описания концептов диалектной культуры / Т. А. Демешкина // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – С. 58–67.

113.Демешкина, Т. А. Риторика в системе гуманитарного знания / Т. А. Демешкина // Наука и образование : материалы Всерос. науч. конф. (20–21 февраля 2003 г.). – Белово : Беловский полиграфист, 2003. – С. 382–391.

114.Демешкина, Т. А. Концепт в речевой диалектной культуре (Возможные подходы к описанию) / Т. А. Демешкина // Материалы и исследования по русской диалектологии / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. II (VIII). – М. : Наука, 2004. – С. 25–35.

115.Демешкина, Т. А. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общественном дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова ; под ред. Т. А. Демешкиной. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – 194 с.

124. Демешкина, Т. А. Региональные «приметы» политического дискурса / Т. А. Демешкина // Актуальные проблемы русистики. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 376–385.

116.Демидова, Т. А. Образные единицы в художественном тексте. Концептуальный анализ / Т. А. Демидова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300 (III). – С. 5–7.

117.Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

118.Дорожкина, Т. Н. Речевой имидж политического лидера / Т. Н. Дорожкина // Социс (Социологические исследования). – 1997. – № 8. – С. 30–35.

119.Жанры советской газеты. – М. : Высшая школа, 1972. – 422 с.

120.Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Железнова Юлия Владимировна. – Ижевск, 2009. – 27 с.

121.Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : моногр. / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

122.Жуков, И. В. Война в дискурсе современной прессы [Электронный ресурс] / И. В. Жуков. – Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm (дата обращения: 15.03.2011).

123.Залевская, А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / А. А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 150–171.

124.Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 36–44.

125.Зеленский, В. В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс] / В. В. Зеленский. – М. : Когито-центр, 2008 // Национальная энциклопедическая служба России. – 2014. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/11> (дата обращения: 14.06.2014).

126.Иванова, С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии [Электронный ресурс] / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24). – С. 29–33. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanova-08.htm> (дата обращения: 14.06.2014).

127.Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности : учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 160 с.

128.Имидж [Электронный ресурс] // Психологос. Энциклопедия практической психологии. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/imidzh> (дата обращения: 14.06.2014).

129.Интервью [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». Энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127992> (дата обращения: 14.06.2014).

130.Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. – 285 с.

131.Ишменев, Е. В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели / Е. В. Ишменев. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2012. – 128 с.

132.Калиткина, Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Калиткина Галина Васильевна. – Томск, 2010. – 42 с.

133.Карасик, В. И. Концепт как категория лингвокультурологии / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия : Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 14–23.

134.Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

135.Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.

136.Катынская, М. В. Лингвистическое моделирование имиджа : моногр. / М. В. Катынская. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. – 168 с.

137. Кашпур, В. В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кашпур Валерия Викторовна. – Томск, 2011. – 183 с.

138. Ким, Л. Г. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Филологические науки. – 2007. – № 4. – С. 80–88.

139. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: моногр. / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.

140. Ким, Л. Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата [Текст] / Л. Г. Ким // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2009. – № 318. – С. 29–36.

141. Кишина, Е. В. Смысловая модель категории «Свое – чужое» на уровне политического дискурса / Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 1(5). – С. 47–52.

142. Кишина, Е. В. «Свой – чужой» как организующий фактор лингвоконфликтологического потенциала обыденного политического сознания [Электронный ресурс] / Е. В. Кишина // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : интернет-конференция (КемГУ, 15–30.12.2012). – Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/svoj_chuzhoj_kak_organizujushhij_faktor_lingvokonfliktologicheskogo_potenciala_obydenного_politicheskogo_soznaniya/5-1-0-143 (дата обращения: 07.01.2014).

143. Киуру, К. В. Дискурс-типология политических лидеров [Электронный ресурс] / К. В. Киуру // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7 (47). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-tipologiya-politicheskikh-liderov> (дата обращения: 07.01.2014).

144. Колесов, В. В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В. В. Виноградова / В. В. Колесов // Вестник Московского государственного университета. – 1995. – Сер. 9: Филология. – № 3. – С. 130–139.

145. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте : моногр. / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

146. Которова, Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов / Е. Г. Которова // Томский журнал ЛИНГ и АНТРОПО. Tomsk Journal LING & ANTROPO. – 2013. – № 1 (1). – С. 58–67.

147. Красных, В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры / В. В. Красных // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 1. – С. 53–55.

148. Красных, В. В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания / В. В. Красных // Языковое сознание: содержание и функционирование. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – С. 128–129.

149. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

150. Кронгауз, М. А. Семантика : учеб. для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – 399 с.

151. Крутова, Г. М. Имидж современной России в зарубежной англоязычной прессе: лингвокогнитивный ракурс исследования / Г. М. Крутова, Т. А. Присяжнюк // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докл. II Междунар. он-лайн конференции. – Саратов : Наука, 2010. – С. 257–261.

152. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эскмо, 2010. – 944 с.

153. Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов : моногр. / Н. В. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2005. – 164 с.

154. Крячко, В. Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Крячко Владимир Борисович. – Волгоград, 2007. – 233 с.

155.Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

156.Кубрякова, Е. С. К определению понятия имиджа / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 5–11.

157.Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филолог. фак-тов ун-тов / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1989. – 215 с.

158.Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.

159.Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.

160.Лозовский, Ю. Г. Языковые средства создания имиджа известной личности (на материале СМИ Приморского края) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лозовский Юрий Геннадьевич. – Владивосток, 2009. – 23 с.

161.Лукина, М. М. Технология интервью [Электронный ресурс] / М. М. Лукина. – М. : Аспект Пресс, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/36.htm> (дата обращения: 10.01.2012).

162.Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

163.Макурина, О. А. Имидж «звезды» и «звездное» интервью [Электронный ресурс] / О. А. Макурина. – 2007. – Режим доступа: <http://privately.ru/1146872534-imidzh-zvezdy-i-zvezdnoe-intervju.html> (дата обращения: 10.01.2012).

164.МАС = Словарь русского языка [Малый академический словарь] : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 1–4.

165.Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 296 с.

166.Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

167.Минаева, Л. В. Язык СМИ в аспекте лингвоимиджологии / Л. В. Минаева // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2001.

168.Минаева, Л. В. Основы лингвоимиджологии / Л. В. Минаева // Речевая коммуникация в современном обществе / под ред. Л. В. Минаевой. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2002. – С. 191–206.

169.Молодыхенко, Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / Молодыхенко Евгений Николаевич. – Архангельск, 2010. – 24 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sozdanie-obraza-vraga-kak-persuazivnaya-strategiya-amerikanskogo-politicheskogo-diskursa#ixzz2nq2dGPP2> (дата обращения: 15.06.2014).

170.Мухина, М. В. Оценка как языковое средство формирования имиджа предприятия (по материалам Интернет-сайтов телефонных компаний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мухина Мария Васильевна. – Волгоград, 2013. – 21 с.

171.Мякотина, О. В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 23.00.02 / Мякотина Ольга Владимировна – М., 2008. – 28 с.

172.Нестерова, Н. Г. Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе : учеб. пособие к спецкурсу «Дискурс масс-медиа» / Н. Г. Нестерова, Т. Е. Арсеньева, О. В. Булгакова [и др.] / отв. ред. Н. Г. Нестерова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – 176 с.

173.Неуймин, Я. Г. Модели в науке и технике / Я. Г. Неуймин. – Л. : Наука, 1984. – 189 с.

174.Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.

- 175.Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.
- 176.Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – 2-е изд., доп. – М. : Эдитус, 2013. – 282 с.
- 177.Осетрова, Е. В. Речевой имидж : учеб.-метод. пособие / Е. В. Осетрова. – Красноярск : Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012. – 104 с.
- 178.Панасюк, А. Ю. Формирование имиджа: стратегии, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк. – М. : Омега-Л, 2007. – 266 с.
- 179.Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
- 180.Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
- 181.Пименова, М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 83–90.
- 182.Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева [и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 196 с.
- 183.Пономарева, О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пономарева Ольга Александровна. – Волгоград, 2008. – 24 с.
- 184.Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- 185.Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 1999. – 352 с.
- 186.Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.
- 187.Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2003. – 704 с.

188.Почепцов, Г. Г. Информационно-политические технологии [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов. – М. : Центр, 2003. – 384 с. – Режим доступа: <http://vse-uchebniki.com/konsultirovanie-politicheskoe/informatsionno-politicheskie-tehnologii-tsentr.html> (дата обращения: 10.01.2012).

189.Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 224 с.

190.Романова, Т. В. Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] / Т. В. Романова. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0CDwQFjAC&url=http%3A%2F%2Fwww.hse.ru%2Fpubs%2Fshare%2Fdirect%2Fdocument%2F100120545&ei=GwZuU4ONJsXT4Qsr-YGwDA&usg=AFQjCNEqxyA1QOk8Si79LAgQ7RB0yKNCaA&sig2=FTS2RnQkOQS-83B9d0r0Lw&bvm=bv.66330100,d.bGE&cad=rjt> (дата обращения: 10.05.2014).

191.Рудакова, А. В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рудакова Александра Владимировна. – Воронеж, 2003. – 213 с.

192.Русский ассоциативный словарь. Кн. 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. III / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин и др. – М. : ИРЯ РАН, 1988–1997. – 204 с.

193.Силантьев, И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

194.Симонова, И. Ф. Теоретические аспекты изучения имиджа [Электронный ресурс] / И. Ф. Симонова // Педагогика имиджа : моногр. – СПб., 2012. – 304 с. – Режим доступа: http://www.simmerk.ru/files/lib/main_menu.htm (дата обращения 07.07.2014).

195.Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.

196.Соколова, О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 1. – С. 236–239.

197.Спичева, Д. И. Феномен имиджа в современных научных исследованиях [Электронный ресурс] / Д. И. Спичева. – Режим доступа: <http://pr.tsu.ru/articles/139/> (дата обращения: 10.10.2012).

198.Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. – М. : Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 1995. – С. 35–73.

199.Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

200.Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 227 с.

201.Стернин, И. А. Практическая риторика / И. А. Стернин. – М. : Академия, 2005. – 272 с.

202.Сушненкова, И. А. Фреймовый анализ как инструмент оценки регионального имиджа (на примере Омской области) / И. А. Сушненкова // Имидж регионов России в отечественном и зарубежном контексте: в преддверии 1000-летия Ярославля : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ярославль, 21–22 апр. 2009 г.). – Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2009. – С. 192–197.

203.Сыченков, В. В. Интервью-портрет в системе современных публицистических жанров [Электронный ресурс] / В. В. Сыченков // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. – 2000. – № 2. – С. 108–114. – Режим доступа: <http://mediart.ru/blog/publikatsii/311-1-intervu-kak-mezhvidovaya-forma-publitsistiki.html> (дата обращения: 10.01.2014).

204.Телевизионная журналистика [Электронный ресурс]. – 4-е изд. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text6/32.htm> (дата обращения: 10.01.2014).

205.Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 352 с.

206.Топоров, В. Демонизация как феномен [Электронный ресурс] / В. Топоров // НГ–Сценарии. – 1999. – № 5(39). – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/NG/DEMON.HTM> (дата обращения: 15.06.2014).

207. Ушакова, И. Б. Концептуальный анализ прилагательных с темпоральными признаками «прошлое», «настоящее» и «будущее» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ушакова Ирина Богдановна. – Иркутск, 2002. – 150 с.

208. Ушакова, Н. В. Имиджелогия : учеб. пособие / Н. В. Ушакова, А. Ф. Стрижова. – М. : Дашков и К°, 2009. – 280 с.

209. Ученова, В. В. Беседы о журналистике / В. В. Ученова. – М. : Молодая гвардия, 1985. – 204 с.

210. Ученова, В. В. Реклама: палитра жанров / В. В. Ученова, Т. Э. Гринберг, К. В. Конаныхин, М. В. Петрушко, С. А. Шалова. – М. : Гелла-принт, 2004. – 248 с.

211. Федоров, И. А. Имидж как программирование поведения людей / И. А. Федоров. – Рязань : Новое время, 1997. – 240 с.

212. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 336 с.

213. Фуко, М. Археология знания : пер. с фр. / М. Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

214. Футин, В. Н. Имидж-стратегия [Электронный ресурс] / В. Н. Футин // Многообразие проблем имиджелогии. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text9/22.htm> (дата обращения: 03.04.2014).

215. Хазагерова, Т. Г. Общая риторика : курс лекций ; словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагерова [и др.] ; отв. ред. Е. Н. Ширяев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 320 с.

216. Черемушникова, И. К. Феномен имиджа: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Черемушникова Ирина Кабдрахимовна. – Волгоград, 2002. – 138 с.

217. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – 349 с.

218.Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 136 с.

219.Чижова, Л. А. Понятия концепта и системы концептов в теории коммуникации [Электронный ресурс] / Л. А. Чижова ; кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания. Филологический факультет. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – 2007. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_162.shtml (дата обращения: 11.02.2014).

220.Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. – 238 с.

221.Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. – 251 с.

222.Шашлов, М. Н. Политический имидж как актуальный предмет исследования / М. Н. Шашлов // Актуальные проблемы политологии : сб. науч. работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / отв. ред. В. Д. Зотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – С. 84–92.

223.Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

224.Шепель, В. М. Имиджелогия. Секреты личного обаяния / В. М. Шепель. – М. : Народное образование, 1997. – 382 с.

225.Шепель, В. М. Имиджелогия: Как нравиться людям / В. М. Шепель. – М. : Народное образование, 2002. – 406 с.

226.Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

227.Щитова, Д. А. Актуализация временной семантики в речи политика (на материале интервью В. В. Путина) / Д. А. Щитова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 382. – С. 39–43.

228.Щитова, Д. А. Выразительные средства языка и их роль в создании имиджа политика / Д. А. Щитова // Лингвистика и межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. студ. ст. – Томск : Ветер, 2009. – Вып. 3. – С. 73–75.

229.Щитова, Д. А. Имидж политика и лексические средства его выражения / Д. А. Щитова // Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей : материалы IX российской науч.-практ. конф.-конкурса преподавателей, аспирантов, студентов вузов и учащихся ст. кл. альтернативных учеб. заведений. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2009. – Ч. 2. – С. 88–93.

230.Щитова, Д. А. Имиджеобразующий потенциал лексико-семантического поля «Вооруженная борьба» в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Д. А. Щитова // Электронный научный журнал Siberia_Lingua / Сибирский федеральный университет. – 2013. – № 3. – Режим доступа: http://ifiyak.sfu-kras.ru/images/1S_L_2013_3.pdf (дата обращения: 15.06.2014).

231.Щитова, Д. А. Интервью как способ создания имиджа / Д. А. Щитова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 146–153.

232.Щитова, Д. А. Категория времени и ее роль в формировании имиджа в политическом дискурсе / Д. А. Щитова // Межкультурная коммуникация: теория и практика : сборник материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2013. – С. 161–166.

233.Щитова, Д. А. Концепт «Борьба» в российском и американском политических дискурсах / Д. А. Щитова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 358. – С. 15–18.

234.Щитова, Д. А. Концепт «Семья» как средство моделирования имиджа политического деятеля (на материале интервью российских и американских политиков) / Д. А. Щитова // Материалы международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2009. – Ч. II. – С. 298–303.

235.Щитова, Д. А. Основы моделирования имиджевой роли в политическом дискурсе / Д. А. Щитова // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. тех. ун-та, 2012. – С. 598–601.

236.Щитова, Д. А. Ролевая структура имиджа политика / Д. А. Щитова // Наука и образование : материалы XIII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2009. – С. 131–135.

237.Щитова, Д. А. Роль синтаксиса в моделировании вербального имиджа политического деятеля / Д. А. Щитова // Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей : материалы IX российской науч.-практ. конф.-конкурса преподавателей, аспирантов, студентов вузов и учащихся ст. кл. альтернативных учеб. заведений. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2009. – Ч. 1. – С. 145–149.

238.Щитова, Д. А. Семантическое поле как способ описания имиджа политика / Д. А. Щитова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы X конф. молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 10, т. 1 : Лингвистика. – С. 251–253.

239.Щитова, Д. А. Типология имиджевых ролей в политическом дискурсе / Д. А. Щитова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Т. 4, № 4(52). – С. 238–242.

240.Щитова, Д. А. Факторы формирования успешного вербального имиджа политика / Д. А. Щитова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы XIII Всерос. конф. молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – С. 290–295.

241.Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.

242.Эмер, Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – 266 с.

243.Эмер, Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 91–99.

244.Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – 156 с.

245.Bruce, B. Images of power. How the image makers shape our leaders / B. Bruce. – London : Pan books, 1992. – 149 p.

246.Das Bedeutungswörterbuch : in 10 B. – Mannheim : Dudenverlag, 2002. – B. 5. – 558 S.

247.Duden online [Die elektronische Ressource]. – URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung> (das Datum des Zuganges: 01.03.2011).

248.Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.

249.Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (access date: 01.04.2011).

250.Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English : in 2 vol. – Oxford : Oxford University Press ; M. : Russian Language Publishers, 1982. – Vol. 1–2.

251.Oxford dictionaries [Electronic resource]. – URL: www.oxforddictionaries.com/ (access date: 01.04.2011).

252.Sampson, E. The image factor: A guide to effective self-presentation for career enhancement / E. Sampson. – London : Kogan Page Ltd, 1996. – 128 p.

253.Sommerfeldt, K.-E. Wesen und Arten funktional-semantischer Felder / K.-E. Sommerfeldt // Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart / Hrsg. K.-E. Sommerfeldt, G. Starke. – Leipzig, 1984. – S. 7–26.